

В. И. Ленин (Ленин)

Полное собрание сочинений в 55-ти томах

Владимир Ленин (Ульянов)

**Полное собрание сочинений.
Том 36. Март – июль 1918**

«Public Domain»

Ленин (Ульянов) В. И.

Полное собрание сочинений. Том 36. Март – июль 1918 /
В. И. Ленин (Ульянов) — «Public Domain», — (Полное
собрание сочинений в 55-ти томах)

В 36 том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в марте – июле 1918 года, в период первой мирной передышки, достигнутой заключением Брестского договора.

Содержание

Предисловие	7
1918 г.	18
Седьмой экстренный СЪЕЗД РКП(б){1}	18
1. Политический отчет Центрального Комитета 7 марта	18
2. Заключительное слово по политическому отчету Центрального Комитета 8 марта	29
3. Резолюция о войне и мире{21}	33
4. Выступления против поправок Троцкого к резолюции о войне и мире 8 марта{22}	34
1	34
2	34
5. Выступление против заявления группы «левых коммунистов» о поддержке поправки Троцкого 8 марта{23}	35
6. Дополнение к резолюции о войне и мире 8 марта	35
7. Выступление против поправки Зиновьева к дополнению к резолюции о войне и мире 8 марта	35
8. Предложение по поводу резолюции о войне и мире 8 марта	36
1	36
2	36
9. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта{25}	36
10. Резолюция об изменении названия партии и партийной программы	43
11. Предложение по вопросу о пересмотре программы партии 8 марта	45
12. Выступление по поводу предложения Мгеладзе о привлечении крупнейших партийных организаций к выработке программы партии 8 марта	45
13. Выступление против поправки Ларина к названию партии 8 марта{39}	46
14. Выступление против поправки Пельше к резолюции о программе партии 8 марта	46
15. Выступления против поправки Бухарина к резолюции о программе партии 8 марта{42}	46
1	46
2	47
16. Речь по вопросу о выборах в Центральный Комитет 8 марта{43}	47
17. Резолюция по поводу отказа «левых коммунистов» войти в ЦК	48
18. Черновой набросок проекта программы	48
Заметка о поведении «левых коммунистов»	53
Главная задача наших дней{44}	54

Речь в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 12 марта 1918 г.	57
IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов {45}	60
1. Проект резолюции по поводу обращения Вильсона {46}	60
2. Доклад о ратификации мирного договора 14 марта	60
3. Заключительное слово по докладу о ратификации мирного договора 15 марта	70
4. Резолюция о ратификации Брестского договора	74
Предисловие к сборнику «Против течения»	76
Интервью корреспонденту газеты «Daily news» А. Рансому {59}	77
Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» {61}	78
Глава IV	78
Глава V	79
Глава VI	80
Глава VII	80
Глава VIII	82
Глава IX	85
Глава X	86
Глава XI	91
Глава XII	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 36
Март ~ июль 1918
Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета Коммунистической Партии
Советского Союза

Предисловие

В 36 том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в марте – июле 1918 года, в период первой мирной передышки, достигнутой заключением Брестского договора.

Выход из империалистической войны, укрепление Советской власти по всей стране, переход в распоряжение государства рабочих и крестьян командных высот в ряде важных отраслей народного хозяйства – все это определило новую полосу развития социалистической революции в России. Советское государство впервые получило возможность сосредоточить основные силы на мирном хозяйственном и культурном строительстве, уделять главное внимание решению величайших задач создания нового, социалистического общества. В этот период Ленин продолжает разрабатывать основы научного плана социалистического строительства в нашей стране.

Возглавляемый партией коммунистов советский народ приступил к строительству нового общества в труднейших условиях. Советское государство находилось в кольце враждебных империалистических держав, которые готовились к военной интервенции против Республики Советов. Опираясь на поддержку иностранных империалистов, ожесточенную борьбу против Советской власти вели эксплуататорские классы. Трудности социалистического строительства усугублялись социально-экономической, технической и культурной отсталостью, унаследованной от старого строя; к тому же народное хозяйство страны было крайне подорвано и разорено первой мировой войной. Чтобы преодолеть эти трудности и вывести страну на широкую дорогу строительства новой жизни, от партии и народа требовались героические усилия.

Вооруженная ленинским планом, Коммунистическая партия вдохновила и организовала рабочих и крестьян России на самоотверженный труд по переустройству всей жизни на социалистических началах. В произведениях настоящего тома ярко отражена многогранная, сочетавшая величайшую революционную решительность и твердость с гибкостью и осмотрительностью, деятельность Ленина по руководству партией и государством, народными массами в этих сложных условиях.

Том открывается материалами состоявшегося 6–8 марта 1918 года VII Экстренного съезда РКП(б), первого съезда большевистской партии после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Его решения явились важной вехой в жизни не только Советской республики, но и всего мира. Съезд был созван для окончательного решения вопроса о мире. Необходимость экстренного созыва съезда диктовалась тем, что в Центральном Комитете партии и в некоторых местных партийных организациях не было единства по вопросу о выходе из войны с Германией. Борьба вокруг Брестского мира приняла острый и опасный характер, угрожая привести к расколу партии. В ходе этой борьбы Ленин показал, что разногласия «левых коммунистов» и троцкистов с партией вытекают из отрицания ими возможности победы социализма в одной стране, из ошибочной установки, будто сохранение диктатуры пролетариата и завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции возможно только при условии победы мировой социалистической революций, которую надо «подталкивать» посредством войны с мировым империализмом.

Ленин, опровергая утверждения «левых коммунистов», что заключение мира с Германией якобы ослабит международную революцию, подчеркивал, что именно в интересах мирового революционного движения необходимо сохранить Советскую республику, отстаивать социалистическое отечество. Он убедительно доказал, что сохранение свободы и независимости первого в истории государства трудящихся, обеспечение развития Советского государства по пути социализма и коммунизма в конечном счете определяли будущее чело-

вечества. Настойчивая, упорная борьба Ленина против «левых коммунистов» и троцкистов привела к перелому: перед съездом партии большинство партийных организаций поддерживало линию Ленина и высказалось за заключение Брестского мира, подписанного по решению ЦК партии и ВЦИК 3 марта 1918 года.

Ленин направлял всю работу съезда, проходившего в атмосфере напряженной борьбы с «левыми коммунистами» и троцкистами. Он выступил на съезде с политическим отчетом Центрального Комитета, в котором дал глубокий анализ развития социалистической революции в России, международной обстановки и мирового революционного движения, всесторонне обосновал положение о том, что выход из войны и завоевание мирной передышки насущно необходимы для упрочения Советской власти, наметил перспективы развертывания социалистического строительства и задачи по укреплению обороноспособности Советского государства.

Ленин решительно выступил против авантюристических лозунгов «левых коммунистов» об ускорении, «подталкивании» международной революции путем революционной войны. «Революции, – учил Ленин, – не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин» (настоящий том, стр. 531). Люди, которые думают, что революция может произойти в какой-нибудь стране по заказу, по соглашению, путем «подталкивания» извне – «либо безумцы, либо провокаторы» (стр. 457).

Большинством голосов съезд партии принял ленинскую резолюцию о необходимости утвердить подписанный Советским правительством мирный договор с Германией. Состоявшийся 14–16 марта 1918 года IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, заслушав доклад Ленина, ратифицировал Брестский мирный договор.

Добившись мирной передышки, Ленин, Коммунистическая партия и Советское правительство принимали меры к тому, чтобы установить нормальные отношения с капиталистическими странами, наладить с ними торговлю, являющуюся важнейшим фактором мирного сосуществования. В докладах на VII съезде партии, на IV и V Всероссийских съездах Советов, в докладах и выступлениях на заседаниях ВЦИК, в интервью корреспонденту газеты «Folkets Dagblad Politiken», впервые включаемом в Сочинения, – всюду Ленин проводит ту мысль, что «создать лучший порядок... с помощью войны и кровопролития нельзя» (стр. 484). Ленин постоянно подчеркивал готовность Советского правительства сделать все необходимое, чтобы мирная передышка длилась как можно дольше. «Мы, – говорил он, – обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира» (стр. 343), но если империалисты нападут на Советскую Россию, предупреждал Ленин, наш миролюбивый народ, все трудящиеся «встанут, как один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой» (стр. 525).

Советская власть – верный и последовательный поборник мира во всем мире. Лежащий в основе внешней политики Советского государства важнейший принцип мирного сосуществования государств с различными общественно-экономическими системами на основе признания полного равноправия всех народов, уважения их суверенитета и независимости, невмешательства в их внутренние дела – принцип, провозглашенный историческим ленинским Декретом о мире, – последовательно проводился в жизнь с первых же дней существования Советской власти. Этот принцип был и остается генеральной линией внешней политики Советского Союза.

В докладе на VII съезде партии о пересмотре программы и изменении названия партии Ленин обосновал необходимость впредь именовать партию Российской коммунистической партией (большевиков). Это название, говорил он, научно правильно, ибо ясно определяет цель, к которой направлены намеченные партией преобразования, – «цель создания коммунистического общества» (стр. 44). Отказываясь от старого названия, указывал Ленин, наша

партия заявляет перед трудящимися всего мира о своем разрыве с руководимыми оппортунистическими лидерами социалистическими партиями.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции главная задача, поставленная первой Программой партии, – свержение господства буржуазии и установление диктатуры пролетариата – была выполнена. В новых исторических условиях нужна была новая Программа партии, которая определила бы основные задачи социалистического строительства. В первом разделе розданного делегатам съезда «Чернового наброска проекта программы» (см. стр. 70–76) Ленин изложил отправные положения новой Программы, сформулировал задачи в политической, экономической и международной области. Придавая исключительно важное значение опыту социалистического строительства в Советской России, Ленин требовал, чтобы Программа конкретно показывала «европейским рабочим, за что мы взялись, как взяли» (стр. 51). В то же время он учитывал возможность своеобразия форм перехода от капитализма к социализму в разных странах, указывал, что «в Европе эти переходные стадии будут иными» (стр. 49).

Ленин предложил раскрыть в новой Программе партии сущность и величайшие преимущества Советской власти «как формы, – опытом уже проверенной, массовым движением и революционной борьбой выдвинутой формы, – диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства (полупролетариев)» (стр. 71–72). В «Черновом наброске проекта программы» и ряде других работ, в том числе во впервые публикуемой в Сочинениях наброске «О демократизме и социалистическом характере Советской власти», Ленин развивает учение о Советах как форме диктатуры пролетариата, показывает принципиальное отличие и превосходство пролетарской демократии над демократией буржуазной. Это отличие, подчеркивал Ленин, заключается в перенесении центра тяжести в вопросах демократизма «от формального **признания** свобод (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому обеспечению **пользования** свободами со стороны трудящихся, свергающих эксплуататоров» (стр. 73–74). Одно из решающих преимуществ социалистического демократизма Ленин видел в привлечении всех трудящихся к управлению государством. «Для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это – гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство – партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами» (стр. 53). Великие принципы советского демократизма были законодательно воплощены в принятой V Всероссийским съездом Советов первой Советской Конституции, разработанной под руководством и при непосредственном участии В. И. Ленина.

Единогласно приняв ленинскую резолюцию о переименовании партии в Российскую коммунистическую партию (большевиков), съезд избрал комиссию во главе с Лениным для составления Программы партии. Разработка Программы Коммунистической партии была закончена в 1919 году. VIII съезд РКП(б) по докладу В. И. Ленина принял новую Программу, которая охарактеризовала завоевания великой Октябрьской социалистической революции и определила задачи партии на переходный период от капитализма к социализму.

Центральное место в томе занимают произведения: «Очередные задачи Советской власти», «Главная задача наших дней», «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», «Набросок плана научно-технических работ», «Основные положения хозяйственной и в особенности банковской политики» и другие, в которых Ленин, теоретически обобщая практику революционных экономических преобразований, опыт трудящихся масс в творчестве новой жизни, разрабатывает основные положения научного плана построения социализма в России, намечает практические шаги социалистического строительства, главное направление экономической политики пролетарского государства в переходный от капитализма к социализму период, вырабатывает принципы советского хозяйствования.

Ленинский план строительства социализма предусматривал социалистическое обобществление основных средств производства, создание современной индустрии, электрификацию народного хозяйства, преобразование мелкого крестьянского хозяйства на социалистических началах, осуществление культурной революции. Советская страна, указывал Ленин, располагает всем необходимым для построения социалистического общества. «У нас, – писал он, – есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, – чтобы создать действительно могучую и обильную Русь». Ленин призвал трудящихся напрячь все силы для того, чтобы «собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества» (стр. 80).

Ленинский план социалистического строительства основывался на объективных закономерностях перехода от капитализма к социализму, всецело отвечал назревшим потребностям общественного развития страны, опирался на глубокий научный анализ экономики и классов переходного периода. Раскрывая своеобразие экономики России в переходный период, Ленин показал, что в ней переплетались «элементы, частички, кусочки *и* капитализма, *и* социализма», элементы пяти различных общественно-экономических укладов (патриархальное, мелкое товарное производство, частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм, социализм). Экономика переходного периода соединяет в себе черты и свойства строящегося социализма и свергнутого, но еще не уничтоженного капитализма; борьба между социализмом и капитализмом составляет основное содержание переходного периода, задача которого – создание «таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникнуть вновь буржуазия» (стр. 175).

В борьбе с «левыми коммунистами», выступавшими против руководящей роли Советского государства в социалистическом строительстве, Ленин обосновывает положение о решающей роли диктатуры пролетариата в осуществлении социалистических преобразований; диктатура пролетариата, подчеркивал он, является «гвоздем» пролетарской революции, направленной против хозяйственных основ капитализма. Ленин убедительно показал, что только диктатура пролетариата способна осуществить громадную и длительную работу по созданию и развитию социалистического уклада, по ограничению и вытеснению капиталистических элементов в городе и деревне, по социалистическому преобразованию мелкотоварного хозяйства; только диктатура пролетариата может обеспечить победу социализма.

Теорией и практикой научного коммунизма, историческим опытом Советского Союза доказано, что диктатура пролетариата, организующая и спланирующая массы, осуществляющая плановое руководство экономическим и культурным строительством, обеспечивающая защиту революционных завоеваний трудящихся масс, является основным орудием социалистического преобразования общества. Важнейшее положение марксистско-ленинской теории о роли диктатуры пролетариата в революционном переустройстве общества воплощено и в новой Программе КПСС.

Намечая перспективы социалистического строительства и определяя основные задачи диктатуры пролетариата в экономической области, Ленин поставил задачу «довести до конца, завершить начатую уже экспроприацию помещиков и буржуазии, передачу всех фабрик, заводов, железных дорог, банков, флота и прочих средств производства и обращения в собственность Советской республики» (стр. 71). В результате первых революционных преобразований в области экономики уже к весне 1918 года важнейшие предприятия были национализированы, социалистический уклад занял решающие позиции в крупной промышленности. Однако практическое овладение национализированными средствами производства, обобществление производства на деле значительно отставало от темпов экспроприации капитала. Большую опасность представляла мелкобуржуазная, мелкособственническая стихия, не подчинявшаяся государственному контролю и регулированию. В связи с этим Ленин

в «Очередных задачах Советской власти» и других произведениях обосновал необходимость перенесения центра тяжести экономической и политической работы на организацию учета и контроля на национализированных предприятиях и во всем народном хозяйстве.

Величайшее значение работы «Очередные задачи Советской власти» и примыкающих к ней статей и документов состоит в том, что в них впервые были намечены конкретные пути и методы социалистического преобразования экономики в условиях диктатуры пролетариата. Ленинский план предусматривал проведение социалистического обобществления средств производства с применением различных путей и методов. Наряду с частичным выкупом основных средств производства (см. стр. 224) ленинский план мирного социалистического строительства предполагал широкое использование государственного капитализма для постепенного преобразования частной собственности средних и мелких капиталистов в общественную собственность.

Ленин учил, что постепенное и мирное преобразование капиталистической экономики отнюдь не означает мирного вращивания капитализма в социализм: социалистическое обобществление средств производства в любой его форме – революционный переворот, направленный на ликвидацию эксплуатации человека человеком, на победу социализма.

Ленин рассматривал государственный капитализм в условиях переходного периода как своеобразную форму борьбы между социализмом и капитализмом, рабочим классом и буржуазией. Победивший пролетариат, указывал он, должен сочетать приемы решительной борьбы с капиталистами, срывающими советские мероприятия, с приемами компромисса или своеобразного выкупа по отношению к культурным капиталистам, идущим на госкапитализм, способным проводить его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве опытных организаторов крупнейших предприятий.

Ожесточенное сопротивление крупной буржуазии, развязавшей гражданскую войну, и начавшаяся интервенция иностранных империалистов ограничили возможность широкого использования мероприятий, направленных на мирный и постепенный переход от частной собственности на средства производства к общественной социалистической собственности. Подстрекаемая иностранными империалистами, российская буржуазия отказалась работать под контролем Советской власти на условиях государственного капитализма. Это вынудило Советскую власть применять немирные способы осуществления социалистических преобразований.

Идеи ленинского плана мирного социалистического строительства в условиях диктатуры пролетариата получили дальнейшее развитие в новой Программе Коммунистической партии Советского Союза. «Рабочий класс и его авангард – марксистско-ленинские партии, – говорится в ней, – стремятся осуществить социалистическую революцию **мирным способом**. Это соответствовало бы интересам рабочего класса и всего народа, общенациональным интересам страны». В условиях все большего роста сил социализма, укрепления рабочего движения и ослабления позиций капитализма в некоторых странах может сложиться ситуация, при которой для пролетариата будет выгодно выкупить у буржуазии основные средства производства, а буржуазии – согласиться на этот выкуп. Программа учитывает возможность и немирного перехода к социализму в том случае, если эксплуататорские классы прибегнут к насилию над народом. При этом в соответствии с ленинскими указаниями в ней подчеркивается, что степень ожесточенности классовой борьбы будет зависеть от силы сопротивления реакционных кругов воле подавляющего большинства народа.

В произведениях тома раскрывается коренное отличие социалистической революции от революции буржуазной. Капитализм вырастает в недрах феодального строя, поэтому перед буржуазной революцией стоит только одна задача – «смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества» (стр. 5). Социализм не может вырасти стихийно в недрах капиталистического общества, и поэтому перед социалистической революцией – помимо пре-

одоления и ликвидации капиталистических общественных отношений – встает неизмеримо более высокая задача: создание нового, социалистического общества. В социалистической революции, после подавления сопротивления эксплуататорских классов и упрочения нового государства, – главной задачей пролетариата и руководимого им крестьянства становится «положительная или созидательная работа» – построение новой экономики, подъем народного благосостояния и культуры.

Самым важным и главным для победы социализма и коммунизма Ленин считал всемерное повышение производительности труда. После завоевания рабочим классом государственной власти и успешного развертывания экспроприации буржуазии, писал он, «выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация» (стр. 187).

В ленинском плане социалистического строительства была поставлена и обоснована задача создания и всемерного развития крупной машинной индустрии как экономической основы социализма. В «Наброске плана научно-технических работ» впервые была выдвинута программная идея электрификации страны. Ленин поставил перед научно-техническими силами страны, в частности перед Российской Академией наук, задачу составления «плана реорганизации промышленности и экономического подъема России», обратив особое внимание на электрификацию народного хозяйства. Ленинские идеи о создании крупной машинной индустрии и электрификации страны, об опережающем развитии тяжелой промышленности, получившие развитие и конкретизацию в последующих работах Ленина, в разработанном под его руководством знаменитом плане ГОЭЛРО и других хозяйственных планах, являются основой генеральной линии Коммунистической партии, обеспечившей построение социализма в СССР и ведущей советский народ к победе коммунизма.

Ленин указывал на необходимость последовательного внедрения в народное хозяйство новейших достижений современной техники и передовой науки, требовал «превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники, – превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма» (стр. 382). Надо, говорил Ленин, «на деле взять ту культуру, которая создана старыми общественными отношениями и осталась как материальный базис социализма» (стр. 263).

Ленин учил, что для строительства социализма победивший рабочий класс должен привлечь и использовать опыт буржуазных специалистов – инженеров, агрономов и т. д. Он высмеял рассуждения «левых коммунистов» о возможности строить социализм без использования специалистов как психологию дикарей. Одну из важнейших задач социалистической революции Ленин видел в освобождении знаний от подчинения капиталу, в подготовке новой интеллигенции, новых научно-технических кадров из рабочих и крестьян.

В «Очередных задачах Советской власти» и других работах, включенных в том, огромное внимание уделяется вопросам социалистической организации труда, налаживанию новой трудовой дисциплины. Учиться работать по-новому, с применением научных принципов организации труда, строить трудовые отношения на новой дисциплине товарищества – эту задачу Ленин поставил перед советским народом во всем объеме уже весной 1918 года. «Эта задача гигантской трудности, – говорил Ленин на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства, – но зато и задача благодарная, потому что лишь тогда, когда мы решим ее практически, лишь тогда будет вбит последний гвоздь в гроб погребаемого нами капиталистического общества» (стр. 385–386).

Ленин показал, что победа социалистической революции и переход средств производства в общественную собственность создали впервые в истории человечества условия труда, обеспечивающие неограниченные возможности развития и целесообразного приме-

нения творческих способностей народных масс, роста культурного уровня и квалификации каждого работника, развития социалистического соревнования. В социалистическом соревновании Ленин открыл замечательную форму развития творческого почина и активности масс, могучее средство вовлечения трудящихся в хозяйственное и культурное строительство. Опровергая реакционные буржуазные теории, превозносящие конкуренцию и частную предприимчивость как якобы единственный и незаменимый двигатель экономического развития, Ленин показал, что творческая деятельность свободных от эксплуатации тружеников – несравненно более могучий источник прогресса экономики, науки и культуры.

Ленин предвидел, что массовое социалистическое соревнование будет играть все большую роль в повышении производительности труда, в подъеме народного хозяйства, основанного на общественной собственности. Ленинские идеи о социалистическом соревновании явились величайшим открытием, обогатившим теорию и практику строительства социализма и коммунизма. Социалистическое соревнование является испытанным методом коммунистического строительства; руководствуясь указаниями Ленина, наша партия добивается всемерного развития социалистического соревнования, коммунистических форм труда.

Отмечая огромную роль творческой деятельности и энтузиазма народных масс в экономическом строительстве, Ленин в то же время раскрыл исключительное значение личной материальной заинтересованности трудящихся, каждого работника в результатах своего труда, в улучшении работы как отдельных предприятий, так и в подъеме всего народного хозяйства. Он показал, что личная материальная заинтересованность трудящихся в развитии производства и поощрение хорошо работающих являются основой организации труда и производства на социалистических началах, мощным фактором повышения производительности труда, роста и совершенствования общественного производства.

Большое значение Ленин придавал пропаганде и распространению передового опыта, образцовой организации производства лучших предприятий. Равнение на передовых в социалистическом обществе, указывал Ленин, должно стать законом; накопление, тщательная проверка и изучение передового опыта становятся общенародной задачей. В связи с этим Ленин призвал понести статистику в массы, «популяризировать ее, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать, – чтобы *сравнение деловых итогов* хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения» (стр. 192).

Ленинский план социалистического строительства, разработанный весной 1918 года и изложенный в произведениях настоящего тома, содержит важные положения о путях преобразования сельского хозяйства на социалистических началах. В марте 1918 года Ленин писал о необходимости «постепенного, но неуклонного перехода к общей обработке земли и к крупному социалистическому земледелию» (стр. 71). Он определил единственно правильную политику, предусматривающую постепенное добровольное объединение мелких товаропроизводителей в деревне в крупные общественные хозяйства через кооперацию. После победы социалистической революции, в условиях диктатуры пролетариата, характер кооперации коренным образом изменяется. «Кооператив, как маленький островок в капиталистическом обществе, есть лавочка», – писал Ленин, разоблачая несостоятельность и реакционность взглядов на кооперацию, как на средство перехода к социализму без свержения капитализма. Но «кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм» (стр. 161). Ленинские положения о социалистической природе кооперации при диктатуре пролетариата и общественной собственности на основные средства производства, развитые в последующие годы, легли в основу имеющего всемирно-историческое значение ленинского кооперативного плана, в основу дальнейшей политики Коммунистической партии и Советского госу-

дарства по переводу мелкого крестьянского хозяйства на путь крупного коллективного социалистического производства.

Практическое осуществление грандиозной по масштабам и исключительно сложной задачи коренного преобразования экономической основы общества потребовало теоретической разработки новых вопросов, связанных с управлением общественным производством, планированием народного хозяйства. Социализм, говорил Ленин, означает планомерную организацию общественного производства и распределения продуктов в общегосударственном масштабе.

Ленин уделял огромное внимание организации новой системы хозяйственного управления и планирования. В основу этой системы был положен ленинский принцип демократического централизма. Ленин указывал, что демократический централизм означает сочетание централизованного государственного руководства с широчайшей творческой активностью масс, обеспечивает «возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели» (стр. 152).

Ленин решительно выступал против бюрократических извращений централизма и против местнических, областнических, а также анархо-синдикалистских тенденций. Он боролся против дробления национализированного имущества, являющегося общегосударственным достоянием, на групповые владения отдельных коллективов трудящихся, ибо это противоречит характеру социалистической собственности. «Величайшим искажением основных начал Советской власти и полным отказом от социализма, – писал он, – является всякое, прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти» (стр. 481).

Большое значение Ленин придавал укреплению и развитию советов народного хозяйства как органов хозяйственного управления, наиболее полно соответствующих принципу демократического централизма. Ленин говорил, что с развитием социалистической революции, с дальнейшим упрочением социалистического строя роль советов народного хозяйства будет все более и более возрастать. Аппарату типа совнархозов, подчеркивал он, суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества.

Ленинские принципы руководства народным хозяйством являются основополагающими в строительстве социализма и коммунизма. Бессильны и несостоятельны все попытки противников марксизма-ленинизма извратить эти принципы и очернить практику государственного руководства народным хозяйством в социалистических странах. Вопреки их утверждениям, будто социалистическое плановое хозяйство является «принудительной системой», где народ якобы устранен от руководства общественным производством, в действительности только экономическая система социализма обеспечивает привлечение широких масс трудящихся к управлению предприятиями, всем народным хозяйством. Опыт социалистического развития СССР и других социалистических стран полностью подтверждает правильность принципов демократического централизма.

Большое место в произведениях В. И. Ленина, входящих в настоящий том (письмо к питерским рабочим «О голоде», «Доклад о борьбе с голодом» на Объединенном заседании ВЦИК, Моссовета и профсоюзов, речь о продовольственных отрядах на рабочих собраниях Москвы и другие), занимают вопросы дальнейшего развития социалистической революции в деревне, организации деревенской бедноты под руководством рабочего класса для борьбы против капитала и деревенской буржуазии – кулачества. Весной и летом 1918 года резко обострилось продовольственное положение, на страну надвинулся голод. Одной из главных его причин была ожесточенная борьба кулаков против Советской власти, их сопротивление

социалистическим преобразованиям. Судьба социалистической революции, развертывание социалистического строительства зависели от решения хлебного вопроса. Это ярко раскрывается в ленинском лозунге: Борьба за хлеб – борьба за социализм!

Материалы настоящего тома показывают многогранную деятельность Ленина, Коммунистической партии по организации похода рабочих в деревню для объединения и организации деревенской бедноты, для борьбы с кулачеством, по созданию комитетов бедноты, по укреплению союза пролетариата с беднейшим крестьянством, по привлечению на сторону Советской власти среднего крестьянства.

В ряде выступлений («Речь на митинге в Сокольническом клубе», «Речь на митинге в Симоновском подрайоне», «Беседа с сотрудником «Известий ВЦИК» по поводу мятежа левых эсеров», «Речь и правительственное заявление на заседании ВЦИК», «Доклад на Московской губернской конференции заводских комитетов» и др.) отражается деятельность Ленина, партии и правительства по укреплению обороны Советской страны, подготовке к отпору иностранной интервенции, обеспечению победы Советской власти в развязываемой буржуазией гражданской войне.

Работы, входящие в настоящий том, имеют огромное теоретическое и практическое значение. Они посвящены коренным проблемам социалистического строительства в переходный от капитализма к социализму период, внешней и внутренней политики первого в мире государства рабочих и крестьян. В них обобщается опыт первых шагов к социализму, которые совершал советский народ, прокладывая неизведанный дотоле путь к новому обществу. Ленин указывал, что этот опыт социалистического строительства «не забудется... Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание» (стр. 383).

* * *

В состав 36 тома включены 29 документов, ранее не входивших в Сочинения Ленина. Среди них впервые публикуемые главы (часть IV, а также V, VI, VII, VIII, IX и начало X) первоначального варианта статьи «Очередные задачи Советской власти», в которых дается глубокий теоретический анализ развития Октябрьской революции, поставлены коренные задачи социалистического строительства. В том входят также речь на митинге в Пресненском районе Москвы, посвященная первой Советской Конституции; выступления по вопросу о национализации крупной промышленности на объединенном заседании представителей ВЦСПС, ЦК союза металлистов и ВСНХ и о трудовой дисциплине на заседании президиума ВСНХ; интервью корреспондентам газет «Daily News» и «Folkets Dagblad Politiken».

В томе печатаются замечания на проект положения об управлении национализированными предприятиями; набросок соглашения с ВСНХ и Комиссариатом торговли и промышленности об условиях товарообмена между городом и деревней; приветствие президиуму первого съезда Советов Донской республики; предисловие к брошюре «Главная задача наших дней», а также две незаконченные работы: «О мерах борьбы с голодом» и «О демократизме и социалистическом характере Советской власти». К периоду разработки проекта Конституции РСФСР относится набросок 20 пункта ее второго раздела.

Одиннадцать из впервые включенных в Сочинения документов представляют собой проекты постановлений и декретов Советского правительства, а также дополнения к ним. Среди них проекты постановлений Совнаркома о топливе, оздоровлении железнодорожного транспорта и положении водного транспорта; дополнение к проекту декрета о регистрации акций, облигаций и прочих процентных бумаг; проект постановления СНК о постановке библиотечного дела.

Важнейшей проблеме того времени – восстановлению сельского хозяйства и борьбе с голодом посвящены постановления правительства, проекты которых (и дополнения к ним) написаны Лениным: о снабжении сельского хозяйства орудиями производства и металлами, об отделе по организации посевной площади, о мобилизации рабочих на борьбу с голодом, о самостоятельных заготовках продовольствия.

В разделе «Подготовительные материалы» публикуются планы речи на заседании коммунистической фракции IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов и доклада о ратификации Брестского мирного договора на съезде, а также впервые включенные в Сочинения планы статьи «Очередные задачи Советской власти» и доклада о борьбе с голодом на Объединенном заседании ВЦИК, Моссовета и профсоюзов 4 июня 1918 года, «Заметки об электрификации промышленности Петрограда и Москвы».

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

В. И. Ленин (1918)

1918 г.

Седьмой экстренный СЪЕЗД РКП(б)^[1] 6–8 марта 1918 г.

Впервые полностью (с незначительными сокращениями и без резолюции по поводу отказа «левых коммунистов» войти в ЦК) напечатано в 1923 г. в книге «Седьмой съезд Российской Коммунистической партии. Стенографический отчет. 6–8 марта 1918 года»

Полностью напечатано в 1928 г. в книге «Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). – Седьмой съезд. Март 1918 года»

Печатается: политический отчет Центрального Комитета, заключительное слово по отчету, доклад о пересмотре программы и изменении названия партии, выступления и предложения – по тексту книги изд. 1928 г., сверенному со стенограммой, секретарскими записями и текстом книги изд. 1923 г.; дополнение к резолюции о войне и мире и резолюция по поводу отказа «левых коммунистов» войти в ЦК – по рукописям

1. Политический отчет Центрального Комитета 7 марта

Политический отчет мог бы состоять из перечисления мероприятий ЦК, но для настоящего момента насущен не такой отчет, а *очерк нашей революции в целом*; только он и может дать единственно марксистское обоснование всем нашим решениям. Мы должны рассмотреть весь предыдущий ход развития революции и выяснить, почему дальнейшее ее развитие изменилось. В нашей революции мы имеем такие переломы, которые будут иметь громадное значение для революции международной, а именно – *Октябрьскую революцию*.

Первые успехи Февральской революции были обусловлены тем, что за пролетариатом шла не только деревенская масса, но и буржуазия. Отсюда легкость победы над царизмом, чего не удалось нам достигнуть в 1905 году. Самочинное, стихийное создание Советов рабочих депутатов в Февральскую революцию повторило опыт 1905 года – нам пришлось провозгласить принцип Советской власти. Массы учились задачам революции из собственного опыта борьбы. События 20–21 апреля – своеобразное сочетание демонстрации с чем-то вроде вооруженного восстания. Этого было достаточно для падения буржуазного правительства. Начинается длительная соглашательская политика, вытекающая из самого существования мелкобуржуазного правительства, ставшего у власти. Июльские события не могли еще осуществить диктатуру пролетариата – массы еще не были подготовлены. Поэтому ни одна из ответственных организаций и не призвала их к этому. Но в смысле разведки в стане врагов июльские события имели огромное значение. Корниловщина и последующие события, как практические уроки, сделали возможной октябрьскую победу. Ошибка желавших разделить и в октябре власть^[2] – в том, что они не связали октябрьской победы с июльскими днями, наступлением, корниловщиной и т. д., и т. д., что подвело многомиллионные массы к сознанию того, что Советская власть стала неизбежна. Далее следует наше триумфальное шествие по всей России, сопутствуемое стремлением всех к миру. Мы знаем, что односторонним отказом от войны мы не получим мира; это указывалось нами еще на Апрельской конференции¹. Солдаты так ясно осознали в эпоху с апреля по октябрь, что соглашательская политика все затягивает войну, ведет к диким, бессмысленным попыткам империалистов

¹ См. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 394–395, 405. *Ред.*

наступать, запутаться еще больше в войне, которая будет тянуться годами. Вот на этой почве необходимо было во что бы то ни стало перейти поскорее к активной политике мира, необходимо было взять в руки Советов власть, смести до конца помещичье землевладение. Вы знаете, его поддерживал не только Керенский, но и Авксентьев, доходя даже до ареста членов земельных комитетов. И вот эта политика, этот лозунг «власть Советам», насаждаемые нами в сознание широчайших народных масс, дали нам возможность в октябре победить так легко в Петербурге, превратили последние месяцы русской революции в одно сплошное триумфальное шествие.

Гражданская война стала фактом. То, что нами предсказывалось в начале революции и даже в начале войны, и к чему тогда в значительной части социалистических кругов относились с недоверием или даже с насмешкой, именно превращение империалистской войны в войну гражданскую, 25 октября 1917 года стало фактом для одной из самых больших и самых отсталых стран, участвовавших в войне. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко.

Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда только они являлись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, и соглашательские элементы, белая гвардия, сынки помещиков оказались лишенными всякой опоры в населении. Война с ними постепенно, с переходом на сторону большевиков широких масс и войсковых частей, двигавшихся против нас, превратилась в победное триумфальное шествие революции. Это мы видели в Питере, на Гатчинском фронте, где казаки, которых Керенский и Краснов пытались вести против красной столицы, заколебались, это мы видели потом в Москве, в Оренбурге, на Украине. По всей России вздымалась волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел, потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Наш лозунг «Вся власть Советам», практически проверенный массами долгим историческим опытом, стал их плотью и кровью.

Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года. За этим сплошным триумфальным шествием забывались, отодвигались на второй план те трудности, на которые социалистическая революция наткнулась сразу и не могла не наткнуться. Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача – смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется: она усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении революция социалистическая. Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи – организационные. Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 года, не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы, и потому в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, ибо новая форма политической власти была наготове и нам оставалось только несколькими декретами превратить власть Советов из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в форму законно признанную, утвердившуюся в Российском государстве, – в

Российскую Советскую республику. Она родилась сразу, родилась так легко потому, что в феврале 1917 года массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни была партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, – вот кто создал эту форму пролетарской власти. Задача победы над внутренним врагом была в высшей степени легкой задачей. Задача создания политической власти была в высшей степени легка, ибо массы дали нам скелет, основу этой власти. Республика Советов родилась сразу. Но оставались еще две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не могло быть тем триумфальным шествием, каким шла в первые месяцы наша революция, – у нас не было и не могло быть сомнения, что в дальнейшем социалистическая революция станет перед гигантской трудности задачами.

Во-первых, это были задачи внутренней организации, стоящие перед всякой социалистической революцией. Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что во втором случае есть готовые формы капиталистических отношений, а Советская власть – пролетарская – этих готовых отношений не получает, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, – вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По нынешним условиям труда она никоим образом не допускала решения «на ура», подобно тому как нам удавалось решить задачи гражданской войны. Этого решения не допускала самая суть дела. Если мы так легко побеждали наших калединцев и создали Советскую республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания, то такой ход событий предreshен был всем объективным предыдущим развитием, так что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, вместо «Совет существует как организация профессиональная» написать: «Совет есть единственная форма государственной власти», – то совсем не так обстояло дело в отношении задач организационных. Тут мы встретили гигантские трудности. Тут сразу было ясно всем, кто желал вдумчиво отнестись к задачам нашей революции, что только тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть то разложение, которое война внесла в капиталистическое общество, только чрезвычайно тяжелым, долгим, упорным путем можем мы это разложение преодолеть и победить те увеличивающие его элементы, которые смотрели на революцию как на способ отделаться от старых пут, сорвав с нее, что можно. Появление в большом числе этих элементов было неизбежно в мелкокрестьянской стране в момент невероятной разрухи, и с ними предстоит борьба во сто раз более трудная, никакой эффектной позиции не обещающая, – борьба, которую мы только-только начали. Мы стоим на первой ступени этой борьбы. Тут нам предстоят тяжелые испытания. Здесь мы по объективному положению дела ни в коем случае не сможем ограничиться триумфальным шествием с развернутыми знаменами, каким шли против калединцев. Всякий, кто попытался бы перенести этот метод борьбы на организационные задачи, стоящие на пути революции, оказался бы целиком банкротом как политик, как социалист, как деятель социалистической революции.

И то же самое ожидало некоторых из наших увлекшихся первоначальным триумфальным шествием революции молодых товарищей, когда перед последней конкретно встала вторая из гигантских трудностей, легших на ее плечи, – международный вопрос. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть у себя, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, – если мы получили так легко все это, то только потому, что счастливо сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. Международный империализм со всей мощью его капитала, с его высокоорганизованной военной техникой, пред-

ставляющей настоящую силу, настоящую крепость международного капитала, ни в коем случае, ни при каких условиях не мог ужиться рядом с Советской республикой и по своему объективному положению и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, – не мог в силу торговых связей, международных финансовых отношений. Тут конфликт является неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узконациональной, к мировой. Эта задача стала перед нами во всей своей невероятной трудности. Повторяю, что очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное, а именно: почему в течение недель и месяцев величайшего триумфа после Октября мы получили возможность столь легкого перехода от триумфа к триумфу. А между тем это было так только потому, что специально сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма. А отдельным империалистам было не до нас только потому, что вся величайшая социально-политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междоусобной войной на две группы. Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, дошли до невероятных пределов, до мертвой хватки, до того, что ни одна из этих групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против русской революции не могла. Мы попали как раз в такой момент в октябре: наша революция попала как раз – это парадоксально, но это справедливо – в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство империалистских стран в виде уничтожения миллионов людей, когда война измучила народы неслыханными бедствиями, когда на четвертом году войны воюющие страны подошли к тупику, к распытию, когда встал объективно вопрос: смогут ли дальше воевать доведенные до подобного состояния народы? Только благодаря тому, что наша революция попала в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно ни броситься одна на другую, ни соединиться против нас, – только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать это свое блестящее триумфальное шествие в Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию. Только этим объясняется то, что у нас явились в передовых кругах нашей партии партийные работники интеллигенты-сверхчеловеки, которые дали себя увлечь этим триумфальным шествием, которые сказали: с международным империализмом мы справимся; там тоже будет триумфальное шествие, там настоящей трудности нет. Вот в этом – расхождение между объективным положением русской революции, которая только воспользовалась временной заминкой международного империализма, так как временно застопорила машина, которая должна была двигаться против нас, как железнодорожный поезд движется против тачки и дробит ее, – а машина застопорила потому, что столкнулись две группы хищников. Там и тут росло революционное движение, но во всех без исключения империалистских странах оно находилось в большинстве случаев еще в начальной стадии. Его темп развития был совсем не тот, что у нас. Для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать, а у нас неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать, чем там, революцию. Это объективное положение создало то, что нам предстояло пережить необычайно трудный, крутой излом в истории. От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контрреволюции, против врагов Советской власти нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно труд-

ного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами – как это ни приятно было бы – конечно, нельзя, ибо мы имели в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никоим образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности. Еще до Октябрьской революции мы видели представителей солдатских масс, не принадлежащих к партии большевиков, которые перед всей буржуазией не стеснялись говорить правду, состоящую в том, что русская армия воевать не будет. Это состояние армии создало гигантский кризис. Страна мелкокрестьянская в своем составе, дезорганизованная войной, доведенная ею до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение: армии нет у нас, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который еще пока оставался и остается хищником и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и контрибуций пронять было нельзя. Лежал смирный домашний зверь рядом с тигром и убеждал его, чтобы мир был без аннексий и контрибуций, тогда как последнее могло быть достигнуто только нападением на тигра. От этой перспективы верхушки нашей партии – интеллигенция и часть рабочих организаций – попытались отделаться прежде всего фразами, отговорками: так быть не должно. Этот мир был слишком невероятной перспективой, чтобы мы, шедшие до сих пор в открытый бой с развернутыми знаменами, бравшие криком всех врагов, чтобы мы могли уступить, принять унижительные условия. Никогда. Мы слишком гордые революционеры, мы прежде всего заявляем: «Немец не сможет наступать»^[3]. Такова была первая отговорка, которой утешали себя эти люди. История поставила нас теперь в необычайно трудное положение; приходится при неслыханно трудной организационной работе пройти ряд мучительных поражений. Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной. Если мы взяли все дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах, и, в конце концов, – а не в начале начал, – какие бы трудности мы ни переживали, какие бы поражения нам ни были суждены, международная социалистическая революция придет, – ибо она идет; созреет, – ибо она зреет, и созреет. Наше спасение от всех этих трудностей – повторяю – во всевропейской революции. Исходя из этой истины, совершенно абстрактной истины, и руководясь ею, мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист, – то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая революция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка – непосредственный шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу. Это «кажинный божий раз на этом месте» мы слышали и набили оскомину так, что рабочие все эти анархистские фразы отбросили потому, что как несомненно то, что за каждой стачкой кроется гидра социалистической революции, так же ясно, что пустяком является утверждение, будто от каждой стачки можно перейти к революции. Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут преодолены лишь тогда, когда созреет мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, – настолько совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодняшнюю трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение, – я могу делать какие угодно глупости». «Либкнехт выручит потому, что он все равно победит». Он даст такую великолепную организацию, наметит все заранее так, что мы будем брать готовые формы, как мы брали готовое марксистское учение в Западной Европе, – и благодаря чему оно победило у нас, может быть, в несколько месяцев, тогда как на его победу в Западной Европе требовались

десятки лет. Итак, совершенно никчемная авантюра – перенесение старого метода решения вопроса борьбы триумфальным шествием на новый исторический период, который наступил, который перед нами поставил не гнилушек Керенского и Корнилова, а поставил международного хищника – империализм Германии, где революция только зрела, но заведомо не созрела. Такой авантюрой было утверждение, что враг против революции не решится наступать. Брестские переговоры^[4] не представляли еще из себя момента, когда мы должны были принять какие угодно условия мира. Объективное соотношение сил соответствовало тому, что получения передышки будет мало. Брестские переговоры должны были показать, что немец наступит, что немецкое общество не настолько беременно революцией, что она может разразиться сейчас, и нельзя поставить в вину немецким империалистам, что они своим поведением не подготовили еще этого взрыва или, как говорят наши молодые друзья, считающие себя левыми, такого положения, когда немец не может наступать. Когда им говорят, что у нас армии нет, что мы были вынуждены демобилизоваться, – мы вынуждены были, хотя несколько не забыли о том, что около нашего смиренного домашнего зверя лежит тигр, – они не хотят понять. Если мы вынуждены были демобилизовать армию, то мы отнюдь не забыли, что путем одностороннего приказа втыкать штык в землю войну кончить нельзя.

Как вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация нашей партии не были против этой демобилизации? Что же мы – совершенно с ума сошли? Нисколько. Офицеры, не большевики, говорили еще до Октября, что армия не может воевать, что ее на несколько недель на фронте не удержать. Это после Октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт, неприглядную горькую действительность, а не прятаться или надвигать себе на глаза шапку и отделываться гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно сделать, – это как можно скорее демобилизовать ее. Это – большая часть организма, которая испытывала неслыханные мучения, истерзанная лишениями войны, в которую она вошла технически неподготовленной и вышла в таком состоянии, что при всяком наступлении предается панике. Нельзя винить за это людей, вынесших такие неслыханные страдания. В сотнях резолюций с полной откровенностью, даже в течение первого периода русской революции, солдаты говорили: «Мы захлебнулись в крови, мы воевать не можем». Можно было искусственно оттягивать окончание войны, можно было проделывать мошенничество Керенского, можно было отсрочить конец на несколько недель, но объективная действительность прокладывала себе дорогу. Это – большая часть русского государственного организма, которая не может выносить долее тягот этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, тем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больных, тем скорее страна сможет быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста принимали это решение, с точки зрения внешних событий нелепое, – демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что удержать армию – это легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать армию, тем скорее начнется оздоровление всего общественного организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой горькой переоценкой событий была революционная фраза: «Немец не может наступать», из которой вытекала другая: «Мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни войны, ни подписания мира». Но если немец наступит? «Нет, он не сможет наступать». А вы имеете право ставить на карту не судьбу международной революции, а конкретный вопрос о том: не окажетесь ли вы пособниками немецкого империализма, когда этот момент наступит? Но мы, ставшие все с октября 1917 года оборонцами, признающими защиту отечества, – мы все знаем, что порвали с империалистами не на словах, а на деле: разрушили тайные договоры^[5], победили буржуазию у себя и предложили открытый честный мир, так что все народы могли увидеть на деле все наши намерения. Каким образом люди, серьезно стоящие на точке зрения обороны Советской республики, могли идти на эту авантюру, которая принесла свои плоды? А это факт, потому что тот тяжелый кризис, кото-

рый переживает наша партия в связи с образованием в ней «левой» оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией.

Этот кризис будет изжит. Никтоим образом ни наша партия, ни наша революция на нем себе шеи не сломают, хотя в данный момент это было совсем близко, совсем возможно. Гарантеей того, что мы себе на этом вопросе шеи не сломаем, является то, что вместо старого способа решения фракционных разногласий, старого способа, который состоял в необыкновенном количестве литературы, дискуссий, в достаточном количестве расколов, – вместо этого старого способа события принесли людям новый способ учиться. Этот способ – проверка всего фактами, событиями, уроками всемирной истории. Вы говорите, что немец не может наступать. Из вашей тактики вытекало, что можно объявить состояние войны прекращенным. Вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хотелось бы, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно, не таким темпом, который наша история выработала в октябре, – когда мы в любой город приходим, провозглашаем Советскую власть, и девять десятых рабочих приходят к нам через несколько дней. Немецкая революция имеет несчастье идти не так быстро. А кто с кем должен считаться: мы с ней или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это урок, потому что абсолютна истина, что без немецкой революции мы погибли, – может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке, в еще более далеких местах, в которые нам, быть может, предстоит переброситься и до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петрограда до Москвы, но во всяком случае при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, – мы погибнем. Тем не менее, это ни на каплю не колеблет нашей уверенности в том, что мы самое трудное положение должны уметь вынести без фанфаронства.

Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала, это надо уметь взять как факт, надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России – стране Николая и Распутина, когда громадной части населения было совершенно все равно, какие там народы на окраинах живут, что там происходит. В такой стране начать революцию было легко, это значило – перышко поднять.

А начать без подготовки революцию в стране, где развился капитализм, дал демократическую культуру и организованность последнему человеку, – неправильно, нелепо. Тут мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций. Это факт. Мы не знаем, никто не знает, может быть, – это вполне возможно, – она победит через несколько недель, даже через несколько дней, но это нельзя ставить на карту. Нужно быть готовым к необычайным трудностям, к необычайно тяжелым поражениям, которые неизбежны, потому что в Европе революция еще не началась, хотя может начаться завтра, и когда начнется, конечно, не будут нас мучить наши сомнения, не будет вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие. Это будет, это неминуемо будет, но этого еще нет. Вот простой факт, которому нас история научила, которым она нас очень больно побила, – а за битого двух небитых дают. Поэтому я считаю, что после того, как история нас на этой надежде, – что немец не сможет наступать, и можно валить «на ура», – очень больно побила, этот урок войдет благодаря нашим советским организациям в сознание масс всей Советской России очень быстро. Они все шевелятся, собираются, готовятся к съезду, выносят резолюции, обдумывают то, что произошло. У нас происходят не старые дореволюционные споры, которые оставались внутри узкопартийных кругов, а все решения выносятся на обсуждение масс, требующих проверки их опытом, делом, никогда не дающих себя увлечь легкими речами, никогда не дающих сбить себя с пути, предписываемого объективным ходом событий. Конечно, от трудностей, стоящих перед нами, можно отговориться, если вы имеете перед собою интеллигента или левого большевика: он, конечно, может отго-

вориться от вопросов о том, что армии нет, от того, что революция в Германии не наступает. Массы миллионные, – а политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика, – миллионы знают, что такое армия, видели солдат, возвращающихся с фронта. Они знают, – если брать не отдельных лиц, а настоящую массу, – что воевать мы не можем, что всякий человек на фронте все, что мыслимо было, вынес. Масса поняла истину, что если армии нет, а рядом с вами лежит хищник, то вам придется подписать наитягчайший, унижительный мирный договор. Это неизбежно, пока не родится революция, пока вы не оздоровите своей армии, пока не вернете ее по домам. До тех пор больной не выздоровеет. А немецкого хищника мы «на ура» не возьмем, не скинем, как скинули Керенского, Корнилова. Вот урок, который массы вынесли без оговорок, которые пытались преподнести им некоторые, желающие отделаться от горькой действительности. Сначала сплошное триумфальное шествие в октябре, ноябре, – потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником, русская революция готова принять условия грабительского договора. Да, повороты истории очень тяжелы, – у нас все такие повороты тяжелы. Когда в 1907 году мы подписали неслыханно позорный внутренний договор со Столыпиным, когда мы вынуждены были пройти через хлев столыпинской Думы, принимали на себя обязательства, подписывая монархические бумажки^[6], мы переживали то же самое в маленьком масштабе, по сравнению с теперешним. Тогда люди, принадлежащие к лучшему авангарду революции, говорили (у них тоже не было тени сомнения в своей правоте): «Мы – гордые революционеры, мы верим в русскую революцию, мы в легальные столыпинские учреждения никогда не пойдем». Пойдете. Жизнь масс, история – сильнее, чем ваши уверения. Не пойдете, так вас история заставит. Это были очень левые, от которых при первом повороте истории ничего, как от фракции, кроме дыму, не осталось. Если мы сумели остаться революционерами, работать при мучительных условиях и выйти из этого положения снова, сумеем выйти и теперь, потому что это не наш каприз, потому что это объективная неизбежность, которая в стране, разоренной до последней степени, создалась потому, что европейская революция, вопреки нашему желанию, посмела запоздать, а немецкий империализм, вопреки нашему желанию, посмел наступать.

Тут надо уметь отступать. Невероятно горькой, печальной действительности фразой от себя не закрыть; надо сказать: дай бог отступить в полу порядке. Мы в порядке отступить не можем, – дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени, чтобы большая часть нашего организма хоть сколько-нибудь рассосалась. Организм в целом здоров: он преодолет болезнь. Но нельзя требовать, чтобы он преодолел ее сразу, моментально, нельзя остановить бегущую армию. Когда я одному из наших молодых друзей, который желал быть левым, говорил: товарищ, отправьтесь на фронт, посмотрите, что там делается в армии, – это было принято за обидное предложение: «нас хотят сослать в ссылку, чтобы мы здесь не агитировали за великие принципы революционной войны». Предлагая это, я, право, не рассчитывал на отправку фракционных врагов в ссылку: это было предложение посмотреть на то, что армия начала неслыханно бежать. И раньше мы это знали, и раньше нельзя было закрывать глаза на то, что там разложение дошло до неслыханных фактов, до продажи наших орудий немцам за гроши. Это мы знали, как знаем и то, что армию нельзя удержать, и отговорка, что немец не наступит, была величайшей авантюрой. Если европейская революция опоздала родиться, нас ждут самые тяжелые поражения, потому что у нас нет армии, потому что у нас нет организации, потому что этих двух задач решить сейчас нельзя. Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, и не потому я предлагаю так идти, что это мне нравится, а потому, что другой дороги нет, потому что история сложилась не так приятно, что революция всюду созревает одновременно.

Дело происходит так, что гражданская война началась как попытка столкновения с империализмом, доказавшая, что империализм гнил совершенно и что поднимаются пролетарские элементы внутри каждой армии. Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка, – я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть элементы действительности: если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться. Так точно, если народу говорить, что гражданская война в Германии придет, и вместе с тем ручаться, что вместо столкновения с империализмом будет полевая международная революция^[7], то народ скажет, что вы обманываете. Этим вы только в своем понимании, в своих желаниях проходите через те трудности, которые история преподнесла. Хорошо, если немецкий пролетариат будет в состоянии выступить. А вы это изменили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Нет, вы этого не знаете, мы тоже не знаем. Вы все ставите на карту. Если революция родилась, – так все спасено. Конечно! Но если она не выступит так, как мы желаем, возьмет да не победит завтра, – тогда что? Тогда масса скажет вам: вы поступили как авантюристы, – вы ставили карту на этот счастливый ход событий, который не наступил, вы оказались непригодными оставаться в том положении, которое оказалось вместо международной революции, которая придет неизбежно, но которая сейчас еще не созрела.

Наступил период тяжчайших поражений, нанесенных вооруженным до зубов империализмом стране, которая демобилизовала свою армию, должна была демобилизоваться. То, что я предсказывал, наступило целиком: вместо Брестского мира мы получили мир гораздо унижительней, по вине тех, кто не брал его. Мы знали, что по вине армии заключаем мир с империализмом. Мы сидели за столом рядом с Гофманом, а не с Либкнехтом, – и этим мы помогли немецкой революции. А теперь вы помогаете немецкому империализму, потому что отдали свои миллионные богатства, – пушки, снаряды, – а это должен был предсказать всякий, кто видел состояние армии, до боли невероятное. Мы погибли бы при малейшем наступлении немцев неизбежно и неминуемо, – это говорил всякий добросовестный человек с фронта. Мы оказались добычей неприятеля в несколько дней.

Получивши этот урок, мы наш раскол, кризис наш изживем, как ни тяжела эта болезнь, потому что нам на помощь придет неизмеримо более верный союзник: всемирная революция. Когда нам говорят о ратификации этого Тильзитского мира^[8], неслыханного мира, более унижительного, грабительского, чем Брестский, я отвечаю: безусловно, – да. Мы должны это сделать, ибо мы смотрим с точки зрения масс. Попытка перенесения тактики октября – ноября внутри одной страны, этого триумфального периода революции, перенесения с помощью нашей фантазии на ход событий мировой революции – эта попытка обречена на неудачу. Когда говорят, что передышка – это фантазия, когда газета, называемая «Коммунист»^[9], – должно быть, от коммуны, – когда эта газета наполняет столбец за столбцом, пытаясь опровергать теорию передышки, тогда я говорю: мне много пришлось пережить фракционных столкновений, расколов, так что я имею большую практику, но должен сказать, что вижу ясно, что старым способом – фракционных партийных расколов – эта болезнь не будет излечена, потому что ее излечит жизнь раньше. Жизнь шагает очень быстро. На этот счет она действует великолепно. История гонит так быстро ее локомотив, что раньше, чем успеет редакция «Коммуниста» издать очередной номер, большинство рабочих в Питере начнет разочаровываться в его идеях, потому что жизнь показывает, что передышка – это факт. Вот сейчас мы подписываем мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, – потому что, если бы мы имели войну, мы имели бы ту панически бегущую армию, которую необходимо было бы остановить и которую наши товарищи остановить не могут и не могли, потому что война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рас-

суждений. Если они не поняли объективного положения, они остановить армию не могут, они ее не остановили бы. Эта больная армия заражала весь организм, и мы получили новое неслыханное поражение, новый удар немецкого империализма по революции, – тяжелый удар, потому что легкомысленно оставили себя без пулеметов под ударами империализма. Между тем этой передышкой мы воспользуемся, чтобы убедить народ объединяться, сражаться, чтобы говорить русским рабочим, крестьянам: «Создавайте самодисциплину, дисциплину строгую, иначе вы будете лежать под пятой немецкого сапога, как лежите сейчас, как неизбежно будете лежать, пока народ не научится бороться, создавать армию, способную не бежать, а идти на неслыханные мучения». Это неизбежно потому, что немецкая революция еще не родилась и нельзя ручаться, что она придет завтра.

Вот почему теория передышки, которая совсем отвергается потоками статей «Коммуниста», выдвигается самой жизнью. Всякий видит, что передышка налицо, что всякий пользуется ею. Мы предполагали, что Петроград будет потерян нами в несколько дней, когда подходящие к нам немецкие войска находились на расстоянии нескольких переходов от него, а лучшие матросы и путиловцы, при всем своем великом энтузиазме, оказывались одни, когда получился неслыханный хаос, паника, заставившая войска добежать до Гатчины, когда мы переживали то, что брали назад не сданное, причем это состояло в том, что телеграфист приезжал на станцию, садился за аппарат и телеграфировал: «Никакого немца нет. Станция занята нами». Через несколько часов телефонный звонок сообщал мне из Комиссариата путей сообщения: «Занята следующая станция, мы приближаемся к Ямбургу. Никакого немца нет. Телеграфист занимает свое место». Вот, что мы переживали. Вот та реальная история одиннадцатидневной войны^[10]. Ее описали нам матросы, путиловцы, которых надо взять на съезд Советов. Пусть они расскажут правду. Это страшно горькая, обидная, мучительная, унижительная правда, но она во сто раз полезнее, она понимается русским народом.

Я предоставляю увлекаться международной полевой революцией потому, что она наступит. Все придет в свое время, а теперь беритесь за самодисциплину, подчиняйтесь во что бы то ни стало, чтобы был образцовый порядок, чтобы рабочие, хоть один час в течение суток, учились сражаться. Это немного потруднее, чем нарисовать прекрасную сказку. Это есть сейчас, этим вы помогаете немецкой революции, международной революции. Сколько нам дали дней передышки, – мы не знаем, но она дана. Надо скорее демобилизовать армию, потому что это больной орган, а пока мы будем помогать финляндской революции^[11].

Да, конечно, мы нарушаем договор, мы его уже тридцать – сорок раз нарушили. Только дети могут не понять, что в такую эпоху, когда наступает мучительный, долгий период освобождения, которое только что создало, подняло Советскую власть на три ступени своего развития, – только дети могут не понимать того, что здесь должна быть длительная, осмоторительная борьба. Позорный мирный договор поднимает восстание, но когда товарищи из «Коммуниста» рассуждают о войне, они апеллируют к чувству, позабыв то, что у людей сжимались руки в кулаки и кровавые мальчики были перед глазами. Что они говорят? «Никогда сознательный революционер не переживет этого, не пойдет на этот позор». Их газета носит кличку «Коммунист», но ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «мир – это позор, война – это честь». Они рассуждают с точки зрения шляхтича, а я – с точки зрения крестьянина.

Если я беру мир, когда армия бежит, не может не бежать, не теряя тысячи людей, так я возьму его, чтобы не было хуже. Разве позорен договор? Да меня оправдывает всякий серьезный крестьянин и рабочий потому, что они понимают, что мир есть средство для накопления сил. История знает, – на это я ссылался не раз, – история знает освобождение немцев от Наполеона после Тильзитского мира; я нарочно назвал мир Тильзитским, хотя мы не подписали того, что там было: обязательства давать наши войска на помощь завоевателю для завоевания других народов, – а до этого история доходила, и до этого дело дойдет и у нас,

если мы будем только надеяться на международную полевую революцию. Смотрите, чтобы история не довела вас и до этой формы военного рабства. И пока социалистическая революция не победила во всех странах, Советская республика может впасть в рабство. Наполеон в Тильзите принудил немцев к неслыханно позорным условиям мира. Там дело шло так, что несколько раз заключался мир. Тогдашний Гофман – Наполеон – ловил немцев на нарушении мира, и нас поймает Гофман на том же. Только мы постараемся, чтобы он поймал не скоро.

Последняя война дала горькую, мучительную, но серьезную науку русскому народу – организовываться, дисциплинироваться, подчиняться, создавать такую дисциплину, чтобы она была образцом. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы – погибший народ и вечно будем лежать в рабстве.

Так, и только так, шла история. История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший или худший мир. В Бресте соотношение сил соответствовало миру побежденного, но не унижительному. Псковской соотношение сил соответствовало миру позорному, более унижительному, а в Питере и в Москве, на следующем этапе, нам предпишут мир в четыре раза унижительнее. Мы не скажем, что Советская власть есть только форма, как сказали нам молодые московские друзья^[12], мы не скажем, что ради тех или иных революционных принципов можно пожертвовать содержанием, а мы скажем: пусть русский народ поймет, что он должен дисциплинироваться, организовываться, тогда он сумеет вынести все тильзитские миры. Вся история освободительных войн показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, то освобождение наступало быстро. Мы говорим: если история идет таким образом, нам предстоит сменить мир, возвратиться к войне, – и это, может быть, предстоит на днях. Каждый человек должен быть готовым. Нет тени сомнения для меня, что немцы подготавливаются за Нарвой, если правда, что она не была взята, как говорят во всех газетах; не в Нарве, а под Нарвой; не в Пскове, а под Псковом немцы собирают свою регулярную армию, свои железные дороги, чтобы следующим прыжком захватить Петроград. Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал. Он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнений. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого будет стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в двадцать раз, в сто раз более унижительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, которые иначе могут подпасть под иго немцев; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха и пр., которые нам нужны, потому что я – оборонец, потому что я стою за подготовку армии – пусть в самом отдаленном тылу, где лечат сейчас теперешнюю демобилизованную большую армию.

Мы не знаем, какова будет передышка, – будем пытаться ловить момент. Может быть, передышка будет больше, а может быть, она продлится всего несколько дней. Все может быть, этого никто не знает, не может знать потому, что все величайшие державы связаны, стеснены, принуждены бороться на нескольких фронтах. Поведение Гофмана определяется, с одной стороны, тем, что надо разбить Советскую республику, а с другой стороны – тем, что у него на целом ряде фронтов война, а с третьей стороны – тем, что в Германии революция зреет, растет, и Гофман это знает, он не может, как утверждают, сию минуту взять Питер, взять Москву. Но он может это сделать завтра, это вполне возможно. Я повторяю, что в такой момент, когда факт болезни армии налицо, когда мы пользуемся каждым моментом, во что бы то ни стало, хотя бы для дня передышки, мы говорим, что всякий серьезный революционер, связанный с массами, знающий, что такое война, что такое масса, должен ее дисциплинировать, должен ее излечить, пытаться ее подымать для новой войны, – всякий такой революционер нас оправдает, всякий позорный договор признает правильным, ибо послед-

нее – в интересах пролетарской революции и обновления России, освобождения ее от больного органа. Подписывая этот мир, как понимает всякий здравомыслящий человек, мы не прекращаем нашей рабочей революции; всякий понимает, что, подписывая мир с немцами, мы не прекращаем нашей военной помощи: мы посылаем финнам оружие, но не отряды, которые оказываются негодными.

Может быть, мы примем войну; возможно, завтра отдадим и Москву, а потом перейдем в наступление: на неприятельскую армию двинем нашу армию, если создастся тот перелом в народном настроении, который зреет, для которого, может быть, понадобится много времени, но он наступит, когда широкие массы скажут не то, что они говорят теперь. Я вынужден брать хотя бы тягчайший мир потому, что я не могу сказать себе теперь, что это время пришло. Когда наступит пора обновления, то все почувствуют это, увидят, что русский человек не дурак; он видит, он поймет, что надо воздержаться, что этот лозунг нужно провести, – в этом главная задача нашего партийного съезда и съезда Советов.

Надо уметь работать на новом пути. Это неизмеримо тяжелее, но это вовсе не безнадежно. Это вовсе не сорвет Советскую власть, если мы глупейшей авантюрой сами не сорвем ее. Придет время, когда народ скажет: я не позволю больше себя мучить. Но это может случиться, если мы не пойдем на эту авантюру, а сумеем работать в тяжелых условиях, при неслыханно унижительном договоре, который мы подписали на днях, ибо одной войной, одним мирным договором такой исторический кризис не решается. Немецкий народ по своей монархической организации был связан в 1807 году, когда подписал свой Тильзитский мир, после нескольких унижительных миров, которые превращались в передышку для нового унижения и нового нарушения. Советская организация масс облегчит нашу задачу.

Наш лозунг должен быть один – учиться военному делу настоящим образом, ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог социалистическая революционная война – вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок и нужно создать всю ту энергию, всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции.

Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали, чтобы поддержать контакт с дальним тылом, там создавать новые армии. Бросьте иллюзии, за которые вас жизнь наказала и еще больше накажет. Перед нами вырисовывается эпоха тягчайших поражений, она налицо, с ней надо уметь считаться, нужно быть готовыми для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев: этого нечего прикрашивать; это действительно Тильзитский мир. Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражения, с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим. *(Аплодисменты.)*

Краткий газетный отчет напечатан 9 марта (24 февраля) 1918 г. в «Правде» № 45

2. Заключительное слово по политическому отчету Центрального Комитета 8 марта

Товарищи, позвольте мне начать с замечаний сравнительно мелких, с конца. Тов. Бухарин в конце своей речи дошел до того, что сравнил нас с Петлюрой. Если он считает, что это так, то как же может он оставаться в одной партии с нами? Разве это не фраза? Конечно, если бы это действительно было так, мы не сидели бы в одной партии. То, что мы вместе, доказывает, что на девять десятых с Бухариным согласны. Правда, он прибавил немного революционных фраз о том, что мы хотели предать Украину. Я уверен, что о таких заведомых пустяках говорить не стоит. Я вернусь к товарищу Рязанову и здесь я хочу отметить, что подобно тому, как исключение, случающееся раз в десять лет, лишь подтверждает правило, так и ему случилось сказать нечаянно серьезную фразу. *(Аплодисменты.)* Он сказал, что Ленин уступает пространство, чтобы выиграть время. Это почти философское рассуждение. На этот раз вышло так, что у тов. Рязанова получилась совершенно серьезная, правда,

фраза, в которой вся суть: я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время. В этом вся суть, и только в этом. Все остальное – только разговоры: необходимость революционной войны, подъем крестьянства и пр. Когда тов. Бухарин изображает дело так, что насчет возможности войны двух мнений быть не может, и говорит: «спросите любого военного» (я записал с его слов), раз он так ставит вопрос, что спрашивает любого военного, то я ему отвечу: таким любым военным оказался французский офицер, с которым мне пришлось беседовать^[13]. Этот французский офицер, смотря на меня, конечно, злыми глазами, – ведь я продал немцам Россию, – говорил: «Я роялист, я сторонник монархии и во Франции – сторонник поражения Германии, не подумайте, что я сторонник Советской власти, – как же подумаешь, если он монархист, – но я был за то, чтобы вы подписали договор в Бресте, потому что это необходимо». Вот вам «спросите любого военного». Любой военный должен был сказать то, что я говорил: надо было подписать договор в Бресте. Если теперь из речи Бухарина вытекает, что наши разногласия очень уменьшились, то это потому, что главный пункт разногласий его сторонники спрятали.

Когда теперь Бухарин громит нас за то, что мы деморализовали массы, он абсолютно прав, только он себя громит, а не нас. Кто провел эту кашу в ЦК? – Вы, тов. Бухарин. (Смех.) Как вы не кричите «нет», а правда возьмет верх: мы в своей товарищеской семье, мы на своем собственном съезде, скрывать нечего, и придется говорить правду. А правда состоит в том, что в ЦК было три течения. 17 февраля Ломов и Бухарин не голосовали. Я просил голосование воспроизвести, размножить, всякий член партии зайдет в секретариат, если пожелает, и посмотрит голосование – историческое голосование 21-го января, которое показывает, что колебались-то они, а мы нисколько не колебались, мы говорили: «возьмем мир в Бресте, – лучшего не получите, – чтобы готовить революционную войну». Сейчас мы уже выиграли пять дней, чтобы эвакуировать Питер. Сейчас выпущено воззвание Крыленко и Подвойского^[14], которые не были в числе левых и которых Бухарин третировал, говоря, что «вытаскивают» Крыленко, как будто мы выдумали то, что Крыленко докладывал. Мы с этим абсолютно согласны; ведь вот как обстоит дело, ведь это военные доказывали то, что я говорил, а вы отговариваетесь тем, что немец не наступит. Разве можно это положение сравнить с октябрем, когда дело было не в технике? Нет, если вы хотите считаться с фактами, так считайтесь с тем, что разногласия касались того, что нельзя начать войну, когда она заведомо невыгодна. Когда тов. Бухарин начал заключительное слово громовым вопросом: «возможна ли война в ближайшем будущем?», он меня очень удивил. Я отвечаю без колебаний: возможна, – а сейчас надо принять мир. Тут никакого противоречия нет. После этих коротких замечаний я перейду к детальным ответам предыдущим ораторам. По отношению к Радеку я должен сделать исключение. Но было другое выступление – тов. Урицкого. Что там было, кроме Каноссы^[15], «предательства», «отступили», «приспособились»? Ну, что это такое? Разве это не из газеты левоэсеровской ваша критика? Тов. Бубнов читал нам заявление, поданное в ЦК цекистами, считающими себя очень левыми, которые провели полностью пример демонстрации перед всем миром: «поведение ЦК наносит удар международному пролетариату». Разве это не фраза? «Демонстрировать перед всем миром бессилие!» Чем мы демонстрируем? Тем, что предложили мир? Тем, что армия побежала? Разве мы не доказали, что начать войну с Германией сейчас, не приняв Брестского мира, значит показать миру, что наша армия больна, не желает идти на бой? Совершенно пустое, когда Бубнов утверждает, что это колебание целиком было создано нами, – это было потому, что наша армия больна. Когда бы то ни было, передышку надо было дать. Если бы следовали правильной стратегии, мы имели бы месяц передышки, а так как вы последовали стратегии неправильной, мы имеем только пять дней передышки, – и это хорошо. История войны показывает, что для того чтобы остановить армию, бегущую в панике, достаточно иногда бывает даже дней. Кто не берет, не подписывает сейчас дьявольский мир, тот – человек фразы, а не

стратегии. Вот в чем горе. Когда мне чекисты пишут: «демонстрация бессилия», «предательство» – это вреднейшая, пустейшая ребячья фраза. Демонстрировали мы бессилие тем, что попробовали воевать, когда нельзя было демонстрировать, когда наступление на нас было неизбежно. Что касается псковских крестьян, то мы привезем их на съезд Советов, чтобы они рассказали, как обращаются немцы, чтобы они создали ту психологию, когда заболевший паническим бегством солдат начнет выздоравливать и скажет: «Да, теперь я понял, что это не та война, которую большевики обещали прекратить, – это новая война, которую немцы ведут против Советской власти». Тогда наступит оздоровление. Но вы ставите вопрос, который решить нельзя. Никто не знает срока передышки.

Дальше я должен коснуться позиции тов. Троцкого. В его деятельности нужно различать две стороны: когда он начал переговоры в Бресте, великолепно используя их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем. Немец нас надул: из семи дней он пять украл^[16]. Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан. Я предложил совершенно определенно мир подписать. Лучше Брестского мира мы получить не могли. Всем ясно, что передышка была бы в месяц, что мы не проиграли бы. Поскольку история отмела это, об этом не стоит вспоминать, но смешно, что Бухарин говорит: «жизнь покажет, что мы были правы». Я был прав, потому что я писал об этом еще в 1915 году: «Надо готовиться вести войну, она неизбежна, она идет, она придет»². Но надо было мир взять, а не хорохориться зря. И тем более надо было мир взять, что война придет, а сейчас мы, по меньшей мере, облегчаем эвакуацию Питера, мы ее облегчили. Это факт. Когда тов. Троцкий выдвигает новые требования: «обещайте, что не подпишете мир с Винниченко», я говорю, что ни в коем случае такого обязательства на себя не возьму^[17]. Если бы съезд взял обязательство, ни я, ни один из моих единомышленников, никто ответственности за это на себя не возьмет. Это значило бы вместо ясной линии маневрирования, – отступая, когда можно, иногда наступая, – вместо этого связать себя снова формальным решением. Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя. Смешно не знать военной истории, не знать того, что договор есть средство собирать силы: я уже ссылался на прусскую историю. Некоторые, определенно, как дети, думают: подписал договор, значит продался сатане, пошел в ад. Это просто смешно, когда военная история говорит яснее ясного, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил. В истории бывали случаи, когда войны следовали одна за другой, все это мы забыли, мы видим, старая война превращается в...³. Если вам угодно, связывайте себя формальными соображениями навсегда и давайте тогда ответственные посты левым эсерам^[18]. Мы на себя ответственности за это не возьмем. Тут нет ни тени желания раскола. Я убежден, что жизнь вас научит. 12 марта – не за горами – вы получите большой материал^[19].

Товарищ Троцкий говорит, что это будет предательством в полном смысле слова. Я утверждаю, что это совершенно неверная точка зрения⁴. Чтобы показать конкретно, я возьму пример: два человека идут, на них нападают десять человек, один борется, другой бежит – это предательство; но если две армии по сто тысяч и против них пять армий; одну армию окружили двести тысяч, другая должна идти на помощь, но знает, что триста тысяч расположены так, что там ловушка: можно ли идти на помощь? Нет, нельзя. Это не предательство, не трусость: простое увеличение числа изменило все понятия, каждый военный это знает, –

² См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 50–51. *Ред.*

³ В стенограмме несколько слов отсутствует. *Ред.*

⁴ В секретарской записи текст, начинающийся со слов «... есть средство собирания сил...» записан так: «...есть для собирания сил. История создала сотни всяких договоров. Тогда отдавайте посты Троцкому и др...». *Ред.*

тут не персональное понятие: поступая так, я сберегаю свою армию, пусть ту возьмут в плен, я свою обновлю, у меня есть союзники, я выжду, союзники придут. Только так можно рассуждать; но когда к соображениям военным припутываются другие, тут ничего, кроме фразы, нет. Так политику вести нельзя.

Все, что может быть сделано, мы сделали. Тем, что мы подписываем договор, мы сберегли Питер, хотя бы на несколько дней. (Пусть секретари и стенографы не вздумают этого писать.) В договоре приказано вывести из Финляндии наши войска, войска заведомо негодные, но нам не запрещено ввозить оружие в Финляндию. Если бы Питер пал несколько дней назад, то паника охватила бы Питер, и мы ничего бы не вывезли, а за эти пять дней мы помогли нашим финским товарищам, – я не скажу, сколько, они это сами знают.

Слова о том, что мы предали Финляндию, являются самой ребяческой фразой. Мы именно тем и помогли, что вовремя отступили перед немцами. Не погибнет никогда Россия, если провалится Питер, тут тысячу раз прав тов. Бухарин, а если маневрировать по-бухарински, тогда можно хорошую революцию загубить. *(Смех.)*

Мы ни Финляндии, ни Украины не предали. В этом нас не упрекнет ни один сознательный рабочий. Мы помогаем, чем можем. Мы из наших войск ни одного хорошего человека не увели и не уведем. Если вы говорите, что Гофман поймают, накроет, – конечно, он может, в этом я не сомневаюсь, но во сколько дней он это сделает, – он не знает и никто не знает. Кроме того, соображения ваши, что поймают, накроет, есть соображения политического соотношения сил, о котором буду говорить дальше.

Выяснив, почему я абсолютно не могу принять предложение Троцкого – так вести политику нельзя, – я должен сказать, что примером того, насколько товарищи на нашем съезде ушли от фразы, которая фактически осталась у Урицкого, показал Радек. Я его никоим образом не могу обвинить за это выступление во фразе. Он сказал: «Ни тени предательства, ни позора нет, потому что ясно, что вы отступили перед военной подавляющей силой». Это оценка, которая всю позицию Троцкого разбивает. Когда Радек сказал: «Стиснув зубы, надо готовить силы», это правда, – тут я целиком подписываюсь: не хорохорюсь, а стиснув зубы, готовиться.

Стиснув зубы, не хорохорюсь, а готовь силы. Революционная война придет, в этом у нас разногласий нет; разногласия относительно Тильзитского мира – подписывать ли? Хуже всего – это больная армия, да, и потому в ЦК должна быть одна твердая линия, а не разногласия или средняя линия, которую поддержал и тов. Бухарин. Не розовые краски я рисую насчет передышки; никто не знает, сколько будет продолжаться передышка, и я не знаю. Смешны потуги тех, которые стараются из меня выжать, сколько будет продолжаться передышка. Благодаря сохранным магистралям мы помогаем и Украине и Финляндии. Используем передышку, маневрируя, отступая.

Немецкому рабочему уже сказать нельзя, что русские капризничают, ведь теперь ясно, что идет германо-японский империализм, и это будет ясно всем и каждому; кроме желания душить большевиков, у немца есть желание душить и на Западе, все перепуталось, и в этой новой войне придется и нужно уметь маневрировать.

Касаясь речи тов. Бухарина, я отмечаю, что, когда у него не хватает аргументов, он выдвигает нечто от Урицкого и говорит: «Договор нас шельмует». Тут аргументы не нужны: если мы ошельмованы, мы должны были бы собрать бумаги и убежать, но, хотя мы и «ошельмованы», я не думаю, чтобы наши позиции были поколеблены. Тов. Бухарин пытался анализировать классовую основу наших позиций, но вместо этого рассказал анекдот о покойном экономисте-москвиче. Когда нашли в нашей тактике связь с мешочничеством, то, – ей-богу, смешно, забыли, что отношение класса в целом, – класса, а не мешочников, – показывает нам, что русская буржуазия и все ее прихвостни – делонародовцы и новожиизненцы^[20] – втравливают нас в эту войну всеми силами. Ведь этот классовый факт вы не подчеркиваете.

Объявлять сейчас войну Германии, значит поддаваться на провокацию русской буржуазии. Это не ново, потому что это есть вернейший, – я не говорю: абсолютно верный, ничего абсолютно верного не бывает, – вернейший путь сбросить нас сейчас. Когда тов. Бухарин говорил: жизнь за них, все кончится тем, что мы признаем революционную войну, – он праздновал легкую победу, ибо неизбежность революционной войны мы предсказывали еще в 1915 году. Наши разногласия были в том, что немец: наступит или нет; что нам надо было объявить состояние войны прекращенным; что надо в интересах революционной войны отступить физически, отдавая страну, чтобы выиграть время. Стратегия и политика предписывают самый что ни на есть гнусный мирный договор. Наши разногласия исчезнут все, раз мы эту тактику признаем.

Краткое изложение напечатано 19 (6) марта 1918 г. в газете «Рабоче-Крестьянский Нижегородский Листок» № 54

3. Резолюция о войне и мире^[21]

Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унижайший мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику.

Исторически неизбежны в настоящий период начавшейся эры социалистической революции многократные военные наступления империалистских государств (как с Запада, так и с Востока) против Советской России. Историческая неизбежность таких наступлений при теперешнем крайнем обострении всех внутригосударственных, классовых, а равно международных, отношений может в каждый, самый близкий момент, даже в несколько дней, привести к новым империалистическим наступательным войнам против социалистического движения вообще, против Российской Социалистической Советской Республики в особенности.

Поэтому съезд заявляет, что первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России, для разъяснения неизбежности исторического приближения России к освободительной, отечественной, социалистической войне, для создания везде и повсюду строжайше связанных и железной единой волей скрепленных организаций масс, организаций, способных на сплоченное и самоотверженное действие как в будничные, так и особенно в критические моменты жизни народа, – наконец, для всестороннего, систематического, всеобщего обучения взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям.

Съезд видит надежнейшую гарантию закрепления социалистической революции, победившей в России, только в превращении ее в международную рабочую революцию.

Съезд уверен, что с точки зрения интересов международной революции шаг, сделанный Советской властью, при данном соотношении сил на мировой арене, был неизбежен и необходим.

В убеждении, что рабочая революция неуклонно зреет во всех воюющих странах, готовя неизбежное и полное поражение империализма, съезд заявляет, что социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран.

Написано в марте, не позднее 8, 1918 г.

Впервые напечатано 1 января 1919 г. в газете «Коммунар» № 1

Печатается по тексту газеты, сверенному с рукописью

4. Выступления против поправок Троцкого к резолюции о войне и мире 8 марта^[22]

1

Товарищи, в своей речи я уже говорил, что ни я, ни мои сторонники не считаем возможным принятие этой поправки. Мы никоим образом ни в одном стратегическом маневре связывать себе руки не должны. Все зависит от соотношения сил и момента наступления на нас тех или иных империалистических стран, от момента, когда оздоровление нашей армии, несомненно начинающееся, дойдет до того, что мы будем в состоянии и обязаны будем не только отказаться от подписания мира, но и объявить войну. Я согласен вместо тех поправок, которые предлагает тов. Троцкий, принять следующие:

Во-первых, сказать, – и это я буду безусловно отстаивать, – что настоящая резолюция не публикуется в печати, а сообщается только о ратификации договора.

Во-вторых, в формах публикации и содержания ЦК предоставляется право внести изменения в связи с возможным наступлением японцев.

В-третьих, сказать, что съезд дает полномочия ЦК партии как порвать все мирные договоры, так и объявить войну любой империалистической державе и всему миру, когда ЦК партии признает для этого момент подходящим.

Это полномочие порвать договоры в любой момент мы должны дать ЦК, но это никоим образом не значит, что мы порываем сейчас, в том положении, которое сегодня существует. Сейчас мы ничем не должны себе связывать рук. Слова, которые предлагает внести тов. Троцкий, соберут голоса тех, кто против ратификации вообще, голоса – за среднюю линию, которая снова создаст то положение, когда ни один рабочий, ни один солдат ничего не поймет в нашей резолюции.

Мы сейчас постановим необходимость ратификации договора и дадим полномочия Центральному Комитету объявить войну в любой момент, потому что на нас наступление готовится, может быть, с трех сторон; Англия или Франция захотят у нас отнять Архангельск – это вполне возможно, но во всяком случае ни в отношении разрыва мирного договора, ни в отношении объявления войны мы не должны стеснять свое центральное учреждение ничем. Украинцам финансовую помощь мы даем, помогаем, чем можем. Во всяком случае, нельзя связывать себя тем, что мы никакого мирного договора не подпишем. В эпоху растущих войн, сменяющих одна другую, растут новые комбинации. Мирный договор есть одно живое маневрирование – либо мы на этом условии лавирования стоим, либо заранее формально связываем себе руки так, что нельзя будет двинуться: нельзя ни мириться, ни воевать.

2

Я, кажется, говорил: нет, я этого принять не могу. Эта поправка создает намек, выражает то, что хочет сказать тов. Троцкий. Намеки не следует ставить в резолюции.

Первый пункт говорит о том, что мы принимаем ратификацию договора, считая необходимым воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику. Говоря о передышке, мы не забываем, что наступление на нашу республику продолжается. Вот моя мысль, которую я подчеркнул в заключительном слове.

5. Выступление против заявления группы «левых коммунистов» о поддержке поправки Троцкого 8 марта^[23]

Я лишен возможности ответить сейчас на полемику тов. Радека, – поскольку я не голо-
сую, у меня нет мотивов голосования. В обычном порядке я ответить не могу, не хочу задер-
живать съезд просьбой дать мне слово для ответа на эту полемику. Напоминаю поэтому
только сказанное в заключительном слове, а во-вторых, выражаю свой протест против того,
чтобы слово по мотивам голосования превращалось в полемику, отвечать на которую я не
в состоянии.

6. Дополнение к резолюции о войне и мире 8 марта

Я прошу слова для дополнения резолюции:

Съезд признает необходимым не публиковать принятой резолюции и обязывает всех
членов партии хранить эту резолюцию в тайне. В печать дается только – и притом не сегодня,
а по указанию ЦК – сообщение, что съезд за ратификацию.

Кроме того, съезд особо подчеркивает, что Центральному Комитету дается полномо-
чие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистскими и буржуазными
государствами, а равно объявить им войну.

7. Выступление против поправки Зиновьева к дополнению к резолюции о войне и мире 8 марта

Я думаю, товарищи, что надобности в этой поправке, которую вносит тов. Зиновьев,
нет^[24]. Я надеюсь, что в зале только члены партии, я думаю, что можно принять, ввиду госу-
дарственной важности вопроса, решение взять личную подписку с каждого находящегося
в этой зале.

Это вовсе не такая излишняя мера, мы находимся в условиях, когда военные тайны
становятся для Российской республики очень важными вопросами, самым существенным.
Если мы в печати скажем, что съезд признал ратификацию, то тогда недоразумения быть
не может. Я только предлагаю не голосовать этого сейчас потому, что могут быть измене-
ния: сегодня еще должны прийти сведения, у нас приняты специальные меры, чтобы нас
информировали с северо-востока и юга, – эти известия могут кое-что изменить. Раз съезд
согласится, что мы должны маневрировать в интересах революционной войны, даст даже
полномочия ЦК объявить войну, – ясное дело, что в этом у нас согласие обеих частей партии,
спор только и состоял в том, продолжать ли без всякой передышки войну или нет. Я пола-
гаю, что, внося такую поправку, я говорю вещь бесспорную для большинства и для оппози-
ции; думаю, что иных толкований быть не может. Я считаю более практическим подтвердить
лишь о том, что надо держать ее в тайне. Кроме того, принять дополнительные меры и взять
на этот счет личную подписку с каждого находящегося в зале.

8. Предложение по поводу резолюции о войне и мире 8 марта

1

Нельзя ли, ввиду того что была роздана резолюция, сейчас же принять решение, что всякий, получивший резолюцию, приносит ее на этот стол немедленно и тут же. Это есть одна из мер сохранения военной тайны.

2

Я прошу проголосовать. Наши партийные центры состоят из взрослых людей, которые поймут, что сообщения, содержащие военную тайну, делаются устно. Я поэтому вполне настаиваю, чтобы немедленно все тексты резолюций, имеющиеся на руках, положить сюда на этот стол.

9. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта^[25]

Товарищи, по вопросу об изменении названия партии, как вы знаете, с апреля 1917 г. в партии развернулась довольно обстоятельная дискуссия, и поэтому в Центральном Комитете сразу удалось достигнуть не вызывающего, кажется, больших споров, а может быть, даже почти никаких, решения: именно, Центральный Комитет предлагает вам переменить название нашей партии, назвав ее Российской коммунистической партией, в скобках – большевиков. Это добавление мы все признаем необходимым, потому что слово «большевик» приобрело право гражданства не только в политической жизни России, но и во всей заграничной прессе, которая следит за развитием событий в России в общих чертах. Что название «социал-демократическая партия» научно неправильно, это уже также было разъяснено в нашей прессе. Когда рабочие создали собственное государство, они подошли к тому, что старое понятие демократизма, – буржуазного демократизма, – оказалось в процессе развития нашей революции превзойденным. Мы пришли к тому типу демократии, который в Западной Европе нигде не существовал. Он имел свой прообраз только в Парижской Коммуне, а про Парижскую Коммуну Энгельс выражался, что Коммуна не была государством в собственном смысле слова^[26]. Одним словом, поскольку сами трудящиеся массы берутся за дело управления государством и создания вооруженной силы, поддерживающей данный государственный порядок, постольку исчезает особый аппарат для управления, исчезает особый аппарат для известного государственного насилия, и постольку, следовательно, и за демократию, в ее старой форме, мы не можем стоять.

С другой стороны, начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только строгим учетом и контролем за производством и распределением продуктов, но идущего дальше к осуществлению принципа: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Вот почему название коммунистической партии является единственно научно правильным. Возражение, что оно может подать повод к смешению нас с анархистами, в Центральном Комитете было сразу отвергнуто, потому что анархисты никогда не называют себя просто коммунистами, но

с известными добавлениями. В этом отношении имеются всякие разновидности социализма, однако они не ведут к смешению социал-демократов с социал-реформистами и с социалистами национальными и т. п. партиями.

С другой стороны, важнейшим доводом за перемену названия партии является то, что до сих пор старые официальные социалистические партии во всех передовых странах Европы не отделались от того угара социал-шовинизма и социал-патриотизма, который привел к полному краху европейского социализма, официального, во время настоящей войны, так что до сих пор почти все официальные социалистические партии являлись настоящим тормозом рабочего революционного социалистического движения, настоящей помехой ему. И наша партия, симпатии к которой в массах трудящихся во всех странах в настоящее время, безусловно, чрезвычайно велики, – наша партия обязана выступить с возможно более решительным, резким, ясным, недвусмысленным заявлением о том, что она свою связь с этим старым официальным социализмом рвет, и для этого перемена названия партии будет средством, наиболее способным достичь цели.

Дальше, товарищи, гораздо более трудным вопросом явился вопрос о теоретической части программы, о практической и политической части ее. Что касается до теоретической части программы, то мы имеем некоторые материалы, а именно: изданы были московский и петербургский сборники о пересмотре партийной программы^[27]; в двух главных теоретических органах нашей партии: «Просвещении»^[28], выходившем в Петербурге, и «Спартаке»^[29], выходившем в Москве, были помещены статьи, обосновывавшие то или иное направление изменения теоретической части программы нашей партии. В этом отношении известный материал имеется. Намечались две основные точки зрения, которые, на мой взгляд, не расходятся, по крайней мере, коренным образом, принципиально; одна точка зрения, которую я защищал, состоит в том, что нам выкидывать старую теоретическую часть нашей программы нет оснований, и это было бы даже неправильно. Нужно только дополнить ее характеристикой империализма, как высшей ступени развития капитализма, а затем – характеристикой эры социалистической революции, исходя из того, что эта эра социалистической революции началась. Каковы бы ни были судьбы нашей революции, нашего отряда международной пролетарской армии, каковы бы ни были дальнейшие перипетии революции, во всяком случае, объективное положение империалистических стран, впутавшихся в эту войну, доведших до голода, разорения, одичания самые передовые страны, – положение объективно безвыходное. И тут надо сказать то, что тридцать лет тому назад, в 1887 г., говорил Фридрих Энгельс, оценивая вероятную перспективу европейской войны. Он говорил о том, как короны будут дюжинами валяться в Европе, и никто не захочет поднимать их, он говорил о том, какая неимоверная разруха станет судьбой европейских стран и как конечным результатом ужасов европейской войны может быть лишь одно – он выразился так: «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой»^[30]. На этот счет Энгельс выражался чрезвычайно точно и осторожно. В отличие от людей, которые искажают марксизм, которые преподносят свои запоздалые лжеумствования, что на почве разрухи социализма не может быть, Энгельс понимал превосходно, что война всякая, даже во всяком передовом обществе, создаст не только разруху, одичание, мучения, бедствия в массах, которые захлебнутся в крови, что нельзя ручаться, что это поведет к победе социализма, он говорил, что это будет: «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой», т. е., следовательно, тут возможен еще ряд тяжелых переходных ступеней при громадном разрушении культуры и производительных средств, но результатом может быть только подъем авангарда трудящихся масс, рабочего класса, и переход к тому, чтобы он взял в свои руки власть для создания социалистического общества. Ибо, каковы бы ни были разрушения культуры – ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение

не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима, трудности лишь будут в ее возобновлении. Итак, вот одна точка зрения, что мы должны старую программу оставить, дополнив ее характеристикой империализма и начала социальной революции.

Я эту точку зрения выразил в проекте программы, который был мною напечатан⁵. Другой проект был напечатан тов. Сокольниковым в московском сборнике. Другая точка зрения выражена была в наших беседах, в частности – тов. Бухариным, в печати – тов. В. Смирновым в московском сборнике. Эта точка зрения состояла в том, что надо либо совершенно вычеркнуть, либо почти удалить старую теоретическую часть программы и заменить новой, характеризующей не историю развития товарного производства и капитализма, как делала наша программа, а современную стадию высшего развития капитализма – империализм – и непосредственный переход к эре социальной революции. Мне не думается, чтобы эти две точки зрения расходились коренным образом и принципиально, но я буду отстаивать свою точку зрения. Мне кажется, что теоретически неправильно вычеркнуть старую программу, характеризующую развитие от товарного производства до капитализма. Неверного в ней ничего нет. Так дело шло, так оно идет, ибо товарное производство родило капитализм, а он привел к империализму. Это общая всемирно-историческая перспектива, и основы социализма забывать не следует. Каковы бы дальнейшие перипетии борьбы ни были, как бы много частных зигзагов нам ни пришлось преодолеть (а их будет очень много, – мы видим на опыте, какие гигантские изломы делает история революции, и только еще у нас; дело куда как пойдет сложнее и быстрее, темп развития будет более бешеным, и повороты будут более сложными, когда революция превратится в европейскую), – для того, чтобы в этих зигзагах, изломах истории не затеряться и сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу к социализму, которая нам, естественно, представляется прямой, и мы должны ее представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец, – в жизни она никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной, – чтобы не затеряться в этих изломах, чтобы в периоды шагов назад, отступлений, временных поражений или когда нас история или неприятель отбросит назад, чтобы не затеряться, важно на мой взгляд и теоретически единственно правильно будет старую основную программу нашу не выкидывать. Ибо мы находимся сейчас только на первой переходной ступени от капитализма к социализму у нас, в России. История нам не дала той мирной обстановки, которая теоретически на известное время мыслилась и которая для нас желательна, которая позволила бы быстро перейти эти переходные ступени. Мы сразу видим, как гражданская война многое затруднила в России и как эта гражданская война сплетается с целым рядом войн. Марксисты никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества. И это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эрой самых разнообразных войн – войн империалистских, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами, различными комбинациями империалистских держав, входящих неминуемо в те или иные союзы в эпоху громадных государственно-капиталистических и военных трестов и синдикатов. Эта эпоха – эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов – она началась, мы ее ясно видим, – это только начало. Поэтому выбросить все, что относится к характеристике товарного производства вообще, капитализма вообще, – мы не имеем оснований. Мы только что сделали первые шаги, чтобы капитализм совсем стряхнуть и переход к социализму начать. Сколько еще этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем. Это зависит от того, когда начнется в настоящем масштабе европей-

⁵ См. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 147–162. *Ред.*

ская социалистическая революция, от того, как она легко, быстро или медленно справится со своими врагами и выйдет на торную дорогу социалистического развития. Этого мы не знаем, а программа марксистской партии должна исходить из абсолютно точно установленных фактов. Только в этом – сила нашей программы, которая через все перипетии революции подтвердилась. Только на этом базисе марксисты свою программу должны строить. Мы должны исходить из абсолютно точно установленных фактов, состоящих в том, что развитие обмена и товарного производства во всем мире стало преобладающим историческим явлением, привело к капитализму, а капитализм перерос в империализм, – это абсолютно непреложный факт, нужно это прежде всего в программе установить. Что этот империализм начинает эру социальной революции, – это тоже факт, который для нас очевиден, о котором мы должны ясно сказать. На виду всего мира, констатируя этот факт в своей программе, мы факел социальной революции поднимаем не в смысле только агитационной речи, – поднимаем, как новую программу, говоря всем народам Западной Европы: «Вот то, что мы с вами вынесли из опыта капиталистического развития. Вот каков был капитализм, вот как он пришел к империализму, и вот та эра социальной революции, которая начинается и в которой первая роль по времени выпала на нашу долю». Мы выступим перед всеми цивилизованными странами с этим манифестом, который не будет только горячим призывом, который будет абсолютно точно обоснованным, получающимся из фактов, всеми социалистическими партиями признаваемых. Тем яснее будет противоречие между тактикой этих партий, теперь изменивших социализму, и теми теоретическими предпосылками, которые все мы разделяем, которые в плоть и кровь каждого сознательного рабочего перешли: развитие капитализма и переход его в империализм. Накануне империалистских войн съезды в Хемнице и в Базеле дали в резолюциях такую характеристику империализма, противоречие между которой и теперешней тактикой социал-предателей – вопиющее^[31]. Мы должны поэтому это основное повторить, чтобы тем яснее показать трудящимся массам Западной Европы, в чем обвиняют их руководителей.

Вот то основное, по которому я считаю такое построение программы единственно теоретически правильным. Отбросить, как будто старый хлам, характеристику товарного производства и капитализма – это не вытекает из исторического характера происходящего, ибо дальше первых ступеней перехода от капитализма к социализму мы не пошли, и наш переход усложняется такими особенностями России, которых в большинстве цивилизованных стран нет. Следовательно, не только возможно, но неизбежно, что в Европе эти переходные стадии будут иными; и поэтому фиксировать все внимание на тех национальных специфических переходных ступенях, которые для нас необходимы, а в Европе могут не стать необходимыми, это будет теоретически неправильно. Мы должны начать с общей базы развития товарного производства, перехода к капитализму и перерождения капитализма в империализм. Этим мы теоретически занимаем, укрепляем позицию, с которой нас ни один, не изменивший социализму, не собьет. Из этого дается столь же неизбежный вывод: эра социальной революции начинается.

Делаем это мы, оставаясь на почве непреложно установленных фактов.

Дальше, нашей задачей является характеристика советского типа государства. Я по этому вопросу старался изложить теоретические взгляды в книге «Государство и революция»⁶. Мне кажется, что марксистский взгляд на государство в высшей степени искажен был господствовавшим официальным социализмом Западной Европы, что замечательно наглядно подтвердилось опытом советской революции и создания Советов в России. В наших Советах еще масса грубого, недоделанного, это не подлежит сомнению, это ясно всякому, кто присматривался к их работе, но что в них важно, что исторически ценно, что пред-

⁶ См. Сочинения, 5 изд., том 33, стр. 1–120. *Ред.*

ставляет шаг вперед во всемирном развитии социализма – это то, что здесь создан новый тип государства. В Парижской Коммуне это было на несколько недель, в одном городе, без сознания того, что делали. Коммуны не понимали те, кто ее творил, они творили гениальным чутьем проснувшихся масс, и ни одна фракция французских социалистов не признавала, что она делает. Мы находимся в условиях, когда, благодаря тому, что мы стоим на плечах Парижской Коммуны и многолетнего развития немецкой социал-демократии, мы можем ясно видеть, что мы делаем, создавая Советскую власть. Народными массами, несмотря на всю ту грубость, недисциплинированность, что есть в Советах, что есть пережиток мелкобуржуазного характера нашей страны, – несмотря на все это, новый тип государства создан. Он применяется не неделями, а месяцами, не в одном городе, а в громадной стране, в нескольких нациях. Этот тип Советской власти себя показал, если он перебросился на столь отличную во всех отношениях страну, как Финляндия, где нет Советов, но тип власти опять-таки новый, пролетарский^[32]. Так это доказательство того, что теоретически представляется бесспорным, что Советская власть есть новый тип государства без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, с заменой буржуазного демократизма новой демократией, – демократией, которая выдвигает авангард трудящихся масс, делая из них и законодателя, и исполнителя, и военную охрану, и создает аппарат, который может перевоспитать массы.

В России это едва только начато, и начато плохо. Если мы сознаем, что плохого в том, что мы начали, мы это преодолеем, если история даст нам возможность поработать над этой Советской властью сколько-нибудь порядочное время. Поэтому мне кажется, что характеристика нового типа государства должна занять выдающееся место в нашей программе. К сожалению, нам пришлось работать теперь над программой в условиях работы правительства, в условиях такой невероятной спешки, что нам не удалось даже созвать свою комиссию, выработать официальный проект программы. То, что роздано товарищам делегатам, названо лишь черновым наброском⁷, и всякий это ясно увидит. В нем вопросу о Советской власти посвящено довольно большое место, и мне кажется, что тут международное значение нашей программы должно сказаться. Было бы крайне ошибочным, мне кажется, если бы мы международное значение нашей революции ограничивали призывами, лозунгами, демонстрациями, воззваниями и т. д. Этого мало. Мы должны конкретно показать европейским рабочим, за что мы взялись, как взяли, как это понимать, это толкнет их конкретно на вопрос, как социализма добиться. Тут они должны посмотреть: русские берутся за хорошую задачу, и если берутся плохо, то мы сделаем это лучше. Для этого как можно больше конкретного материала нужно дать и сказать, что нового мы создать попытались. В Советской власти мы имеем новый тип государства; постараемся обрисовать его задачи, конструкцию, постараемся объяснить, почему этот новый тип демократии, в котором так много хаотического, несуразного, что составляет в нем живую душу – переход власти к трудящимся, устранение эксплуатации, аппарата для подавления. Государство есть аппарат для подавления. Надо подавлять эксплуататоров, но их подавлять нельзя полицией, их может подавлять только сама масса, аппарат должен быть связан с массами, должен ее представлять, как Советы. Они гораздо ближе к массам, они дают возможность стоять ближе к ней, они дают больше возможности воспитывать эту массу. Мы знаем прекрасно, что русский крестьянин стремится к тому, чтобы учиться, но мы хотим, чтобы он учился не из книг, а из собственного опыта. Советская власть есть аппарат – аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе. Это гигантски трудная задача. Но исторически важно то, что мы беремся за ее решение, и решение не только с точки зрения лишь нашей одной страны, но и призывая на помощь европейских рабочих. Мы должны сделать конкретное разъяснение нашей программы именно с этой

⁷ См. настоящий том, стр. 70–76. *Ред.*

общей точки зрения. Вот почему мы считаем, что это есть продолжение пути Парижской Коммуны. Вот почему мы уверены, что, вставши на этот путь, европейские рабочие сумеют нам помочь. Им лучше сделать то, что мы делаем, причем центр тяжести с формальной точки зрения переносится на конкретные условия. Если в старое время было особенно важно такое требование, как гарантия права собраний, то наша точка зрения на право собраний состоит в том, что никто теперь не может помешать собраниям, и Советская власть должна обеспечить только зал для собраний. Для буржуазии важно общее прокламирование широковещательных принципов: «Все граждане имеют право собираться, но собираться под открытым небом, – помещений мы вам не дадим». А мы говорим: «Поменьше фраз и побольше сути». Необходимо отобрать дворцы, – и не только Таврический, но и многие другие, – а о праве собраний мы молчим. И это надо распространить на все остальные пункты демократической программы. Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. И для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это – гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство – партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами. Нашу заслугу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно, а не учиться этому из книг, из лекций. Вот почему, если мы эти наши задачи конкретно и ясно выскажем, мы толкнем все европейские массы на обсуждение этого вопроса и на практическую его постановку. Мы, может быть, делаем плохо то, что необходимо делать, но мы толкаем массы на то, что они должны делать. Если то, что делает наша революция, не случайность, – а мы в этом глубоко убеждены, – не продукт решения нашей партии, а неизбежный продукт всякой революции, которую Маркс назвал народной, т. е. такой, которую творят народные массы сами своими лозунгами, своими стремлениями, а не повторением программы старой буржуазной республики, – если мы это ставим так, то мы достигнем самого существенного. И здесь мы подходим к вопросу о том, следует ли уничтожать различия между программами максимум и минимум. И да и нет. Я не боюсь этого уничтожения, потому что та точка зрения, которая была еще летом, теперь не должна иметь места. Я говорил «рано» тогда, когда мы еще не взяли власти, – теперь, когда мы эту власть взяли и ее испытали, – это не рано⁸. Мы должны теперь вместо старой программы писать новую программу Советской власти, нисколько не отрекаясь от использования буржуазного парламентаризма. Думать, что нас не откинут назад, – утопия.

Исторически отрицать нельзя, что Россия создала Советскую республику. Мы говорим, что при всяком откидывании назад, не отказываясь от использования буржуазного парламентаризма, – если классовые, враждебные силы загонят нас на эту старую позицию, – мы будем идти к тому, что опытом завоевано, – к Советской власти, к советскому типу государства, государства типа Парижской Коммуны. Это нужно выразить в программе. Вместо программы-минимум мы введем программу Советской власти. Характеристика нового типа государства должна занять видное место в нашей программе.

Ясно, что мы сейчас не можем выработать программу. Мы должны выработать основные ее положения и сдать в комиссию или в Центральный Комитет для выработки основных тезисов. Даже проще: разработка возможна на основании той резолюции о Брест-Литовской конференции, которая дала уже тезисы⁹. На основании опыта русской революции должна быть сделана такая характеристика Советской власти и затем предложение практических преобразований. Здесь, мне кажется, в исторической части нужно заметить, что сейчас начата экспроприация земли и производства^[33]. Мы здесь ставим конкретную задачу организации потребления, универсализации банков, превращения их в сеть государственных учре-

⁸ См. Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 372–376. *Ред.*

⁹ См. настоящий том, стр. 35–36. *Ред.*

ждений, всю страну охватывающих и дающих нам общественное счетоводство, учет и контроль, проведенный самим населением, лежащий в основе дальнейших шагов социализма. Я думаю, что эта часть, наиболее трудная, должна быть формулирована в виде конкретных требований нашей Советской власти, – что мы сейчас же сделать хотим, какие реформы намерены провести в области банковской политики, в деле организации производства продуктов, организации обмена, учета и контроля, введения трудовой повинности и пр. Когда удастся, мы дополним, какие шаги, шажки и полушажки мы сделали в этом отношении. Тут должно быть совершенно точно, ясно определено то, что у нас начато, то, что не доделано. Мы все прекрасно знаем, что громадная часть начатого нами не доделана. Нисколько не преувеличивая, совершенно объективно, не отходя от фактов, мы должны сказать в программе о том, что есть, и о том, что мы сделать собираемся. Эту правду мы покажем европейскому пролетариату и скажем: это надо делать, – чтобы они говорили: то-то и то-то русские делают плохо, а мы сделаем лучше. И, когда это стремление увлечет массы, тогда социалистическая революция будет непобедима. На глазах у всех совершается империалистическая война, насквозь грабительская. Когда на глазах у всех империалистическая война обнажает себя, превращается в войну всех империалистов против Советской власти, против социализма – это даст еще один новый толчок пролетариату Запада. Нужно обнажать это, обрисовать войну, как объединение империалистов против социалистического движения. Вот те общие соображения, которыми я считаю необходимым поделиться с вами и на основании которых я делаю практическое предложение сейчас обменяться основными взглядами по этому вопросу и затем выработать, может быть, несколько основных тезисов здесь же, а сейчас, если это будет признано трудным, отказаться от этого и сдать вопрос о программе Центральному Комитету или особой комиссии, которой поручить, на основании имеющихся материалов и на основании стенографических или подробных секретарских отчетов съезда, составить программу партии, которая должна сейчас же изменить свое название. Мне кажется, мы можем осуществить это в настоящее время, и я думаю, что все согласятся с тем, что при той неподготовленности нашей программы в редакционном отношении, на которой застали нас события, сейчас ничего другого сделать нельзя. Я уверен, что за несколько недель мы можем это сделать. У нас достаточно теоретических сил во всех течениях нашей партии, чтобы в несколько недель получить программу. В ней, конечно, может быть много ошибочного, не говоря уже о редакционных и стилистических неточностях, потому что у нас нет месяцев для того, чтобы за эту работу засесть со спокойствием, необходимым для редакторской работы.

Все эти ошибки мы исправим в процессе нашей работы в полной уверенности, что мы даем возможность Советской власти осуществить эту программу. Если мы, по крайней мере, формулируем точно, не отходя от действительности, то, что Советская власть есть новый тип государства, форма диктатуры пролетариата, что демократии мы поставили иные задачи, что задачи социализма мы перевели из общей абстрактной формулы «экспроприации экспроприаторов» в такие конкретные формулы, как национализация банков^[34] и земель, – это и будет существенною частью программы.

Земельный вопрос придется преобразовать в том смысле, что мы здесь видим первые шаги того, как мелкое крестьянство, желающее стать на сторону пролетариата, желающее помочь ему в социалистической революции, как оно при всех своих предрассудках, при всех своих старых воззрениях поставило себе практическую задачу перехода к социализму. Мы не навязываем этого другим странам, но это факт. Крестьянство не словами, а делами показало, что оно желает помочь и помогает пролетариату, завоевавшему власть, осуществить социализм. Напрасно приписывают нам то, что мы хотим насильно ввести социализм. Мы будем справедливо делить землю, с точки зрения преимущественно мелкого хозяйства. При этом мы даем предпочтение коммунам и крупным трудовым артелям^[35]. Мы поддерживаем монополизацию торговли хлебом. Мы поддерживаем, – так говорило крестьянство, – экс-

проприацию банков и фабрик. Мы готовы помочь рабочим в осуществлении социализма. Я думаю, нужно издать основной закон о социализации земли на всех языках. Это издание состоится, – если уже не состоялось^[36]. Эту мысль выскажем конкретно в программе, – ее нужно выразить теоретически, не отходя ни на шаг от конкретно констатированных фактов. На Западе это претворится иначе. Может быть, мы делаем ошибки, но мы надеемся, что пролетариат Запады их исправит. И мы обращаемся к европейскому пролетариату с просьбой помочь нам в нашей работе.

Нашу программу мы можем таким образом разработать в несколько недель, и ошибки, которые мы сделаем, – их поправит жизнь, – мы их сами исправим. Они все будут легки, как перышко, по сравнению с теми положительными результатами, которые будут достигнуты.

Краткое изложение напечатано 20 (7) марта 1918 г. в газете «Рабоче-Крестьянский Нижегородский Листок» № 55

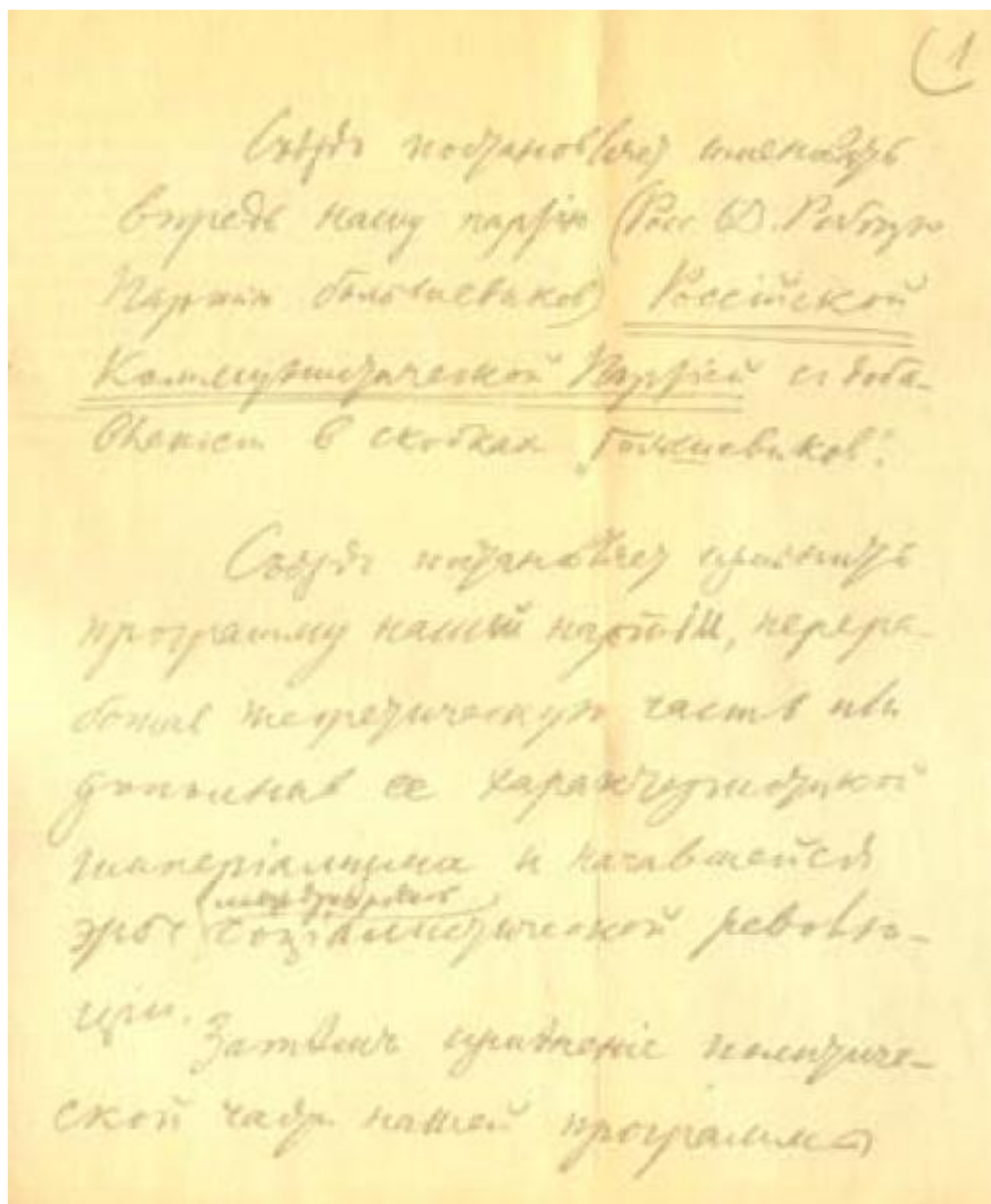
10. Резолюция об изменении названия партии и партийной программы

Съезд постановляет именовать впредь нашу партию (Российскую социал-демократическую рабочую партию большевиков) *Российской коммунистической партией* с добавлением в скобках «большевиков».

Съезд постановляет изменить программу нашей партии, переработав теоретическую часть или дополнив ее характеристикой империализма и начавшейся эры международной социалистической революции.

Затем изменение политической части нашей программы должно состоять в возможно более точной и обстоятельной характеристике нового типа государства, Советской республики, как формы диктатуры пролетариата и как продолжения тех завоеваний международной рабочей революции, которые начаты Парижской Коммуной. Программа должна указать, что наша партия не откажется от использования и буржуазного парламентаризма, если ход борьбы отбросит нас назад, на известное время, к этой, превзойденной теперь нашей революцией, исторической ступени. Но во всяком случае и при всех обстоятельствах партия будет бороться за Советскую республику, как высший по демократизму тип государства и как форму диктатуры пролетариата, свержения ига эксплуататоров и подавления их сопротивления.

В том же духе и направлении должна быть переработана экономическая, в том числе и аграрная, а равно педагогическая и прочие части нашей программы. Центр тяжести должен состоять в точной характеристике начатых нашей Советской властью экономических и других преобразований с конкретным изложением ближайших конкретных задач, поставленных себе Советскою властью и вытекающих из сделанных уже нами практических шагов экспроприации экспроприаторов.

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Резолюция об изменении названия партии и партийной программы». – Март 1918 г.

Съезд поручает особой комиссии составить, по возможности безотлагательно, на основании изложенных указаний, программу нашей партии и утвердить ее, как программу нашей партии.

Написано 8 марта 1918 г.

Напечатано 9 марта 1918 г. в газете «Правда» № 45

Печатается по рукописи

11. Предложение по вопросу о пересмотре программы партии 8 марта

Товарищи, позвольте мне огласить проект резолюции, которая формулирует несколько иное предложение, по существу несколько, однако, схожее с тем, что говорил предыдущий оратор^[37]. Я бы предложил вниманию съезда следующую резолюцию. *(Читает.)*¹⁰

Товарищи, это предложение отличается тем, что я хотел бы сначала защитить мою мысль об ускорении издания программы и поручить прямо ЦК издать ее или поручить ему создание особой комиссии.

Темп развития такой бешеный, что нам откладывать дело не следует. При трудностях настоящего времени мы получим программу, в которой будет много ошибок, но это не беда, – следующий съезд исправит ее, хотя это будет слишком быстрое исправление программы, но жизнь шагает так быстро, что если нужно будет сделать ряд исправлений программы, – сделаем. Теперь наша программа будет строиться не столько по книжкам, сколько из практики, из опыта Советской власти. Поэтому я думаю, что в наших интересах, чтобы мы обратились к международному пролетариату не с горячими призывами, с увещательными митинговыми речами, не с криками, а с точной конкретной программой нашей партии. Пусть программа будет менее удовлетворительна, чем та, которая получилась бы при обработке в нескольких комиссиях, при утверждении съездом.

Я бы хотел надеяться, что эту резолюцию мы сможем принять единогласно, потому что я обошел то разногласие, на которое указывает тов. Бухарин; я формулировал его так, что оставил вопрос открытым. Мы можем надеяться на то, что если не произойдет слишком крупных изменений, то мы в состоянии будем получить новую программу, которая будет точным документом для всероссийской партии, и не получится того гадкого положения, в котором я себя чувствовал, когда на предыдущем съезде один левый швед меня спрашивал: «а какая программа вашей партии, – такая же, как у меньшевиков?»^[38]. Надо было видеть, какие большие глаза сделал этот швед, который ясно понимал, как мы гигантски далеко ушли от меньшевиков. Такое чудовищное противоречие мы оставить не можем. Я думаю, что это принесет практическую пользу для международного рабочего движения, и то, что мы завоеваем, будет, несомненно, выше того, что программа будет наделена ошибками.

Вот почему я предлагаю ускорить это, несколько не боясь того, что съезду ее придется исправлять.

12. Выступление по поводу предложения Мгеладзе о привлечении крупнейших партийных организаций к выработке программы партии 8 марта

При тех условиях, в которых Россия находится сейчас, – в состоянии гражданской войны, откромсывания частей, – это недопустимо. Само собой разумеется, что при малейшей возможности комиссия, которая будет исправлять, будет печатать немедленно, и всякий раз местные организации могут высказаться, должны высказаться, но формально связывать себя тем, что на будущее время будет неосуществимо, будет еще большей оттяжкой, чем съезд.

¹⁰ См. настоящий том, стр. 58–59. *Ред.*

13. Выступление против поправки Ларина к названию партии 8 марта^[39]

Товарищи, я согласен с тов. Лариным в том, что использование изменения названия и выкидывания слова рабочей партии действительно будет, но считаться с этим нельзя. Тогда мы слишком впадем в мелочи, если с каждым злом будем считаться. Ведь мы возвращаемся к хорошему старому образцу, который всемирно известен. Мы все знаем «Манифест Коммунистической партии», его знает весь мир, ведь исправление не в том состоит, что пролетариат есть единственный до конца революционный класс, что все остальные классы, в том числе трудящееся крестьянство, могут быть революционными, лишь поскольку они переходят на точку зрения пролетариата. Это – такая основа, такое всемирно известное положение Коммунистического манифеста^[40], что тут сколько-нибудь добросовестных недоразумений не может быть, а за недобросовестными, за кривотолками все равно не угонишься. Вот почему надо вернуться к старому, хорошему, безусловно правильному образцу, который сыграл свою историческую роль, обойдя весь мир, все страны; мне кажется, отступить от этого лучшего образца нет оснований.

14. Выступление против поправки Пельше к резолюции о программе партии 8 марта

Мне кажется, что предыдущий оратор неправ^[41]. Массы не такие дети и понимают, что борьба чрезвычайно серьезна. Они видели, как раньше нас отбрасывали назад, хотя бы в июле. Выкинуть эти слова невозможно. Ни в коем случае не следует делать вид, будто бы мы буржуазных парламентских учреждений совершенно не ценим. Они – громадный шаг вперед по сравнению с предыдущим. Так что, выкидывая эти слова, мы создаем впечатление того, чего еще нет, – абсолютной прочности достигнутой ступени. Мы знаем, что этого еще нет. Это будет, когда международное движение поддержит. Я готов вычеркнуть слова «ни в коем случае», можно оставить слова «партия не откажется от использования», но открывать дорогу чисто анархическому отрицанию буржуазного парламентаризма мы не можем. Это – ступени, непосредственно связанные одна с другой, всякое отбрасывание назад может вернуть нас к этой ступени. Я не считаю, чтобы у масс это вызвало надлом. Если понимать под массами совершенно политически необразованных людей – они не поймут, а члены партии и сочувствующие поймут это, поймут, что мы не считаем завоеванные позиции окончательно укрепленными. Если мы гигантским напряжением воли разовьем энергию всех классов, укрепим эту позицию, тогда мы прошлого не станем вспоминать. Но для этого нужна поддержка Европы. А теперь сказать, что мы можем работать при худших условиях, – никакого надлома масс не получится.

15. Выступления против поправки Бухарина к резолюции о программе партии 8 марта^[42]

1

Я никак не могу согласиться с поправкой тов. Бухарина. Программа характеризует империализм и начавшуюся эру социальной революции. Что эра социальной революции началась, – это абсолютно точно установлено. Что же хочет тов. Бухарин? – Характеризовать социалистическое общество в развернутом виде, т. е. коммунизм. Тут неточности у него. Мы

сейчас стоим безусловно за государство, а сказать – дать характеристику социализма в развернутом виде, где не будет государства – ничего тут не выдумашь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип – от каждого по способностям, каждому по потребностям. Но до этого еще далеко, и сказать это – значит ничего не сказать, кроме того, что сказать, что почва слаба под ногами. К этому придем в конце концов, если мы придем к социализму. То, что мы сказали, над этим поработать хватит с нас. Если бы мы это сделали, это было бы гигантской исторической заслугой. Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, – мы этого не знаем, этого сказать не можем. Сказать, что эра социальной революции началась, что мы то-то сделали и то-то сделать хотим, – это мы знаем, мы скажем, и это покажет европейским рабочим, что мы, так сказать, не преувеличиваем свои силы нисколько: вот что мы начали делать, что собираемся сделать. Но чтобы мы сейчас знали, как будет выглядеть законченный социализм, – мы этого не знаем. Теоретически, о теоретических сочинениях, в статьях, в речах, в лекциях мы будем развивать те мысли, что борьба против анархистов ведется Каутским неправильно, но в программу мы ставить этого не можем, потому что нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится. Дальше ничего мы сказать не можем, и надо быть как можно осторожнее и точнее. В этом будет состоять, и только в этом, обаятельная сила нашей программы. А если мы малейшие претензии заявим на то, чего мы не можем дать, – это ослабит силу нашей программы. Они будут подозревать, что наша программа – это только фантазия. Программа есть характеристика того, что мы начали делать, и следующие шаги, какие хотим сделать. Дать характеристику социализма мы не в состоянии, и эта задача формулирована была неправильно.

2

Так как формулировки не было в письменной форме, то недоразумение, конечно, возможно. Но тов. Бухарин меня не убедил. Название нашей партии достаточно ясно выражает, что мы идем к полному коммунизму, что выставляем такие абстрактные положения, что каждый из нас будет работать по способностям, а получать по потребностям, без всякого военного контроля и насилия. Об этом сейчас говорить рано. Когда еще государство начнет отмирать? Мы до тех пор успеем больше, чем два съезда собрать, чтобы сказать: смотрите, как наше государство отмирает. А до тех пор слишком рано. Заранее провозглашать отмирание государства будет нарушением исторической перспективы.

16. Речь по вопросу о выборах в Центральный Комитет 8 марта^[43]

Ломов чрезвычайно остроумно сослался на мою речь, в которой я требовал, чтобы Центральный Комитет был способен вести однородную линию. Это не означает, чтобы все в Центральном Комитете имели одно и то же убеждение. Так считать, значило бы идти к расколу, потому я предложил съезду не принимать такого заявления, чтобы дать возможность товарищам, посоветовавшись с своими местными организациями, обдумать свое решение. Я тоже был в Центральном Комитете в таком положении в то время, когда принималось предложение о том, чтобы мира не подписывать, и молчал, нисколько не закрывая глаза на то, что ответственности я за это не принимаю. У каждого члена Центрального Комитета есть возможность сложить с себя ответственность, не выходя из его состава и не устраивая скандала. Конечно, при известных условиях это, товарищи, допустимо, иногда это неизбежно, но чтобы это было необходимо теперь при этой организации Советской власти, которая дает нам возможность проверять себя, насколько мы не теряем контакта с массами, –

в этом я сомневаюсь. Я думаю, что, если возникнет вопрос о Винниченко, товарищи могут защищать свою точку зрения, не выходя из Центрального Комитета. Если мы будем стоять на точке зрения подготовки к революционной войне и на точке зрения маневрирования, то для этого нужно войти в Центральный Комитет, можно заявить, что разногласия возникли снизу, заявить об этом мы имеем абсолютное право. Нет и тени опасности, что история возложит ответственность на Урицкого и Ломова за то, что они не отрекутся от звания членов Центрального Комитета. Нужно сделать попытку найти некоторую узду, чтобы вывести из моды выход из Центрального Комитета. Нужно сказать, что съезд выражает надежду на то, что товарищи будут формулировать свое несогласие своими протестами, но не выходами из Центрального Комитета, и, считаясь с этим своим заявлением, отклонят снятие кандидатур группы товарищей и произведут выборы, приглашая их взять свои заявления обратно.

17. Резолюция по поводу отказа «левых коммунистов» войти в ЦК

Съезд считает, что отказ от вхождения в ЦК при теперешнем положении партии особенно нежелателен, ибо, будучи вообще принципиально недопустимым для желающих единства партии, такой отказ теперь вдвойне грозил бы единству партии.

Съезд заявляет, что не выходом из ЦК, а соответственным заявлением может и должен каждый снимать с себя ответственность за шаги Центрального Комитета, им не разделяемые.

Поэтому съезд, в твердой надежде, что, посоветовавшись с массовыми организациями, товарищи откажутся от своего заявления, производит выборы, не считаясь с этим заявлением.

Написано 8 марта 1918 г.

18. Черновой набросок проекта программы

Взять за основу мой проект¹¹ (брошюра, стр. 19 и слл.¹²).

Теоретическую часть оставить, выкинув последний абзац первой части (стр. 22 брошюры, со слов: «На очередь дня» до слов: «содержание социалистической революции»¹³, т. е. 5 строк вон).

* * *

В следующем абзаце (стр. 22), начинающемся со слов: «Выполнение этой задачи», внести изменение, указанное в статье «К пересмотру партийной программы», «Просвещение» (№ 1–2, сентябрь – октябрь 1917), стр. 93¹⁴.

В этом же абзаце два раза поставить вместо «социал-шовинизма»:

(1) **«оппортунизма** и социал-шовинизма»;

(2) «между **оппортунизмом** и социал-шовинизмом, с одной стороны, и революционно-интернационалистической борьбой пролетариата за осуществление социалистического строя, с другой».

¹¹ Название партии просто: «Коммунистическая партия» (без добавления «Российская»), а в скобках: (партия большевиков).

¹² См. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 147–162. *Ред.*

¹³ См. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 151. *Ред.*

¹⁴ См. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 151 и том 34, стр. 371–372. *Ред.*

* * *

Дальше придется переделать все, примерно, следующим образом:

Революция 25 октября (7 ноября) 1917 г. осуществила в России диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством или полупролетариями.

Эта диктатура ставит перед коммунистической партией в России задачу довести до конца, завершить начатую уже экспроприацию помещиков и буржуазии, передачу всех фабрик, заводов, железных дорог, банков, флота и прочих средств производства и обращения в собственность Советской республики;

использовать союз городских рабочих и беднейших крестьян, давший уже отмену частной собственности на землю и закон о той переходной форме от мелкого крестьянского хозяйства к социализму, которую современные идеологи ставшего на сторону пролетариев крестьянства называли социализацией земли, для постепенного, но неуклонного перехода к общей обработке земли и к крупному социалистическому земледелию;

закрепить и развить дальше федеративную республику Советов, как неизмеримо более высокую и прогрессивную форму демократии, чем буржуазный парламентаризм, и как единственный тип государства, соответствующий, на основании опыта Парижской Коммуны 1871 года, а равно опыта русских революций 1905 и 1917–1918 годов, переходному периоду от капитализма к социализму, т. е. периоду диктатуры пролетариата;

всесторонне и всемерно использовать зажженный в России факел всемирной социалистической революции для того, чтобы, парализуя попытки империалистских буржуазных государств вмешаться во внутренние дела России или объединиться для прямой борьбы и войны против социалистической Советской республики, перенести революцию в более передовые и вообще во все страны.

ДЕСЯТЬ ТЕЗИСОВ О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Укрепление и развитие Советской власти

Укрепление и развитие Советской власти, как формы, – опытом уже проверенной, массовым движением и революционной борьбой выдвинутой формы, – диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства (полупролетариев).

Укрепление и развитие должны состоять в осуществлении (более широком, всеобщем и планомерном осуществлении) тех заданий, которые исторически на эту форму государственной власти, на этот новый тип государства, ложатся, именно:

(1) объединение и организация угнетенных капитализмом трудящихся и эксплуатируемых масс и только их, т. е. только рабочих и беднейших крестьян, полупролетариев, при автоматическом исключении эксплуататорских классов и богатых представителей мелкой буржуазии;

(2) объединение наиболее деятельной, активной, сознательной части угнетенных классов, их авангарда, который должен воспитывать поголовно все трудящееся население к самостоятельному участию в управлении государством не теоретически, а практически.

(4) (3) Уничтожение парламентаризма (как отделение законодательной работы от исполнительной); соединение законодательной и исполнительной государственной работы. Слияние управления с законодательством.

(3) (4) Более тесная связь с массами всего аппарата государственной власти и государственного управления, чем прежние формы демократизма.

(5) Создание вооруженной силы рабочих и крестьян, наименее оторванной от народа (Советы = вооруженные рабочие и крестьяне). Организованность всенародного вооружения, как один из первых шагов к полному осуществлению вооружения всего народа.

(6) Более полный демократизм, в силу меньшей формальности, большей легкости выбора и отзыва.

(7) Тесная связь (и непосредственная) с профессиями и с производительными – экономическими единицами (выборы по заводам, по местным крестьянским и кустарным округам). Эта тесная связь дает возможность осуществлять глубокие социалистические преобразования.

(8) (Отчасти, если не целиком, входит в предыдущее) – возможность устранить бюрократию, обойтись без нее, начало реализации этой возможности.

(9) Перенесение центра тяжести в вопросах демократизма с формального признания формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на практическую осуществимость пользования свободой (демократией) трудящейся и эксплуатируемой массой населения.

(10) Дальнейшее развитие советской организации государства должно состоять в том, чтобы каждый член Совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством, наряду с участием в собраниях Совета; – а затем в том, чтобы все население поголовно привлекалось постепенно как к участию в советской организации (при условии подчинения организациям трудящихся), так и к несению службы государственного управления.

Выполнение этих задач требует

а) В области политической:

развить Советскую республику.

Преимущества Советов $\left(\begin{array}{c} \text{«Просвещение», стр. 13—14} \\ \text{[6 пунктов]} \end{array} \right)^*$;

* См. Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 304–305. *Ред.*

распространение советской конституции, *по мере* прекращения сопротивления эксплуататоров, на *все* население;

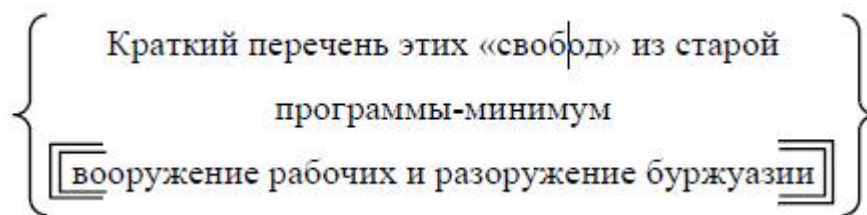
федерация наций, как переход к *сознательному* и более тесному единству трудящихся, научившихся *добровольно* подниматься выше национальной розни;

обязательно беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров; нормы «общей» (*т. е.* буржуазной) демократии подчиняются этой цели, уступают ей:

«Свободы» и демократия *не* для всех, а для трудящихся и эксплуатируемых масс в интересах их освобождения от эксплуатации; беспощадное подавление эксплуататоров;

NB: центр тяжести передвигается от формального *признания* свобод (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому обеспечению *пользования* свободами со стороны трудящихся, свергающих эксплуататоров.

Например, от *признания* свободы собраний к *передаче* всех лучших зал и помещений рабочим, от признании свободы слова к передаче всех лучших типографий в руки рабочих и т. д.

Переход *через* Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан, а затем и *поголовно* всех граждан к непосредственному и *ежедневному* несению своей доли тягот по управлению государством.

б) В области экономической:

социалистическая организация производства в общегосударственном масштабе: управляют рабочие *организации* (профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и т. д.) под общим руководством Советской власти, единственно *суверенной*.

Тоже – транспорт и распределение (сначала государственная монополия «торговли», затем замена, полная и окончательная, «торговли» – планомерно-организованным *распределением* через союзы торгово-промышленных служащих, под руководством Советской власти).

– Принудительное объединение *всего* населения в потребительско-производительные коммуны.

Не отменяя (временно) денег и не запрещая отдельных сделок купли-продажи отдельными семьями, мы должны прежде всего сделать обязательным, по закону, проведение всех таких сделок через потребительски-производительные коммуны.

– Немедленный приступ к полному осуществлению всеобщей трудовой повинности, с наиболее осторожным и постепенным распространением ее на мелкое, живущее своим хозяйством без наемного труда крестьянство;

первой мерой, первым шагом к всеобщей трудовой повинности должно быть введение потребительски-рабочих (бюджетных) книжек (обязательное введение), для всех богатых (= лиц с доходом свыше 500 р. в месяц, затем для владельцев предприятий с наемными рабочими, для семей с прислугой и пр.);

купля-продажа допустима и не через свою коммуну (при поездках, на базарах и т. п.), но с обязательной записью сделки (если она выше известной суммы) в потребительско-рабочие книжки.

– Полное сосредоточение банкового дела в руках государства и всего денежно-торгового оборота в банках. Универсализация банковых текущих счетов: постепенный переход к обязательному ведению текущих счетов в банке сначала крупнейшими, а затем и *всеми* хозяйствами страны. Обязательное держание денег в банках и переводы денег *только* через банки.

– Универсализация учета и контроля за всем производством и распределением продуктов, причем этот учет и контроль должны осуществляться сначала рабочими организациями, затем *поголовно* всем населением.

– Организация соревнования между различными (всеми) потребительно-производительными коммунами страны для неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, для перехода к высшей технике, для экономии труда и продуктов, для постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки, для постепенного выравнивания *всех* заработных плат и жалований во *всех* профессиях и категориях.

– Неуклонные, систематические меры к (переходу к Massenspeisung¹⁵) замене индивидуального хозяйничанья отдельных семей общим кормлением больших групп семей.

В области педагогической:

?

старые пункты плюс

В области финансовой:

замена косвенных налогов прогрессивным подоходным и поимущественным налогом, а равно отчислением (определенного) дохода от государственных монополий. В связи с этим перевод натурой хлеба и других продуктов рабочим, занятым за счет государства определенными видами общественно-необходимых работ.

Международная политика

Поддержка революционного движения социалистического пролетариата в передовых странах в первую голову.

Пропаганда. Агитация. Братанье.

Беспощадная борьба с оппортунизмом и социал-шовинизмом.

Поддержка демократического и революционного движения во всех вообще странах, особенно в колониях и в зависимых.

Освобождение колоний. Федерация, как переход к добровольному слиянию.

Написано в марте, не позднее 8, 1918 г.

Напечатано 9 марта 1918 г. в газете «Коммунист» № 5

Печатается по рукописи

¹⁵ Общественному питанию. Ред.

Заметка о поведении «левых коммунистов»

Несколько товарищей, называющих себя «левыми коммунистами», заняли после заключения Брестского мира положение «оппозиции» в партии, и их деятельность вследствие этого все больше скатывается к совершенно нелояльному и недопустимому нарушению партийной дисциплины.

Тов. Бухарин отказался принять должность члена ЦК, на каковую назначил его партийный съезд.

Тт. Смирнов, Оболенский, Яковлева ушли со своих должностей народных комиссаров и управляющего делами Высшего совета народного хозяйства.

Это совершенно нелояльные, нетоварищеские, нарушающие партийную дисциплину поступки, и такое поведение было и остается *шагом к расколу* со стороны названных товарищей...¹⁶

Написано между 8 и 18 марта 1918 г.

Впервые напечатано в 1929 г. в Ленинском сборнике XI

Печатается по рукописи

¹⁶ На этом рукопись обрывается. *Ред.*

Главная задача наших дней^[44]

*Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
– Матушка-Русь!*

История человечества продельывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное – без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное – значение. От войны к миру; от войны между хищниками, посылающими на бойню миллионы эксплуатируемых и трудящихся ради того, чтобы установить новый порядок раздела награбленной сильнейшими из разбойников добычи, к войне угнетенных против угнетателей, за освобождение от ига капитала; из бездн страданий, мучений, голода, одичания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира; – неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы.

России пришлось особенно отчетливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции. Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы в несколько месяцев прошли ряд этапов соглашательства с буржуазией, изживания мелкобуржуазных иллюзий, на что другие страны тратили десятилетия. Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистским хищникам всех стран.

И в несколько дней нас бросил на землю империалистский хищник, напавший на безоружных. Он заставил нас подписать невероятно тяжелый и унижительный мир – дань за то, что мы посмели вырваться, хотя бы на самое короткое время, из железных тисков империалистической войны. Хищник давит и душит и рвет на части Россию с тем большим остервенением, чем более грозно встает перед ним призрак рабочей революции в его собственной стране.

Мы принуждены были подписать «Тильзитский» мир. Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Она может стать таковой, ибо у нас все же достаточно осталось простора и природных богатств, чтобы снабдить всех и каждого если не обильным, то достаточным количеством средств к жизни. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, – чтобы создать действительно могучую и обильную Русь.

Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянёт каждый мускул, если поймет, что спасение возможно *только* на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили. Идти вперед по этому пути, не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов – таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической.

Недостойно настоящего социалиста, если ему нанесено тяжелое поражение, ни хорохориться, ни впадать в отчаяние. Неправда, будто у нас нет выхода и остается только выбирать между «бесславной» (с точки зрения шляхтича) смертью, каковой является тягчайший мир, и «доблестной» смертью в безнадежном бою. Неправда, будто мы предали свои идеалы или своих друзей, подписав «Тильзитский» мир. Мы ничего и никого не предали, ни одной лжи не осятели и не прикрыли, ни одному другу и товарищу по несчастью не отказались помочь всем, чем могли, всем, что было в нашем распоряжении. Полководец, который уводит в глубь страны остатки разбитой или заболевшей паническим бегством армии, который защищает это отступление, в случае крайности, тягчайшим и унижительнейшим миром, не совершает измены по отношению к тем частям армии, которым он помочь не в силах и которые отрезаны неприятелем. Такой полководец исполняет свой долг, выбирая единственный путь к спасению того, что можно еще спасти, не соглашаясь на авантюры, не прикрашивая перед народом горькой правды, «отдавая пространство, чтобы выиграть время», пользуясь *всякой*, хотя бы даже минимальной, передышкой, чтобы собрать силы, чтобы дать вздохнуть или полечиться армии, которая заболела разложением и деморализацией.

Мы подписали «Тильзитский» мир. Когда Наполеон I принудил Пруссию, в 1807 году, к Тильзитскому миру, завоеватель разбил все армии немцев, занял столицу и все крупные города, ввел свою полицию, принудил побежденных давать вспомогательные корпуса для ведения новых грабительских войн завоевателем, раздробил Германию, заключая с одними немецкими государствами союзы против других немецких государств. И тем не менее, даже после *такого* мира, немецкий народ устоял, сумел собраться с силами, сумел подняться и завоевать себе право на свободу и самостоятельность.

Для всякого, кто хочет думать и умеет думать, пример Тильзитского мира (который был лишь одним из многих тяжелых и унижительных договоров, навязывавшихся немцам в ту эпоху) показывает ясно, как ребячески наивна мысль, будто при всяких условиях тягчайший мир есть бездна гибели, а война – путь доблести и спасения. Эпохи войн учат нас, что мир играл нередко в истории роль передышки и собирания сил для новых битв. Тильзитский мир был величайшим унижением Германии и в то же время поворотом к величайшему национальному подъему. Тогда историческая обстановка не давала иного выхода этому подъему, кроме выхода к *буржуазному* государству. Тогда, сто с лишним лет тому назад, историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью.

Теперь капитализм поднял много и много выше культуру вообще, культуру масс в частности. Война встряхнула массы, разбудила их неслыханными ужасами и страданиями. Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локомотива. Историю творят

теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм дорос теперь до социализма.

И потому, если Россия идет теперь – а она бесспорно идет – от «Тильзитского» мира к национальному подъему, к великой отечественной войне, то выходом для этого подъема является не выход к буржуазному государству, а выход к международной социалистической революции. Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма.

«Ненависть к немцу, бей немца» – таков был и остался лозунг обычного, т. е. буржуазного, патриотизма. А мы скажем: «Ненависть к империалистическим хищникам, ненависть к капитализму, смерть капитализму» и вместе с тем: «Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими. Они запоздали прийти на помощь к нам. Мы выиграем время, мы дождемся их, они *придут* на помощь к нам».

Да, учись у немца! История идет зигзагами и кружными путями. Вышло так, что именно немец воплощает теперь, наряду с зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля.

А это как раз то, чего нам недостает. Это как раз то, чему нам надо научиться. Это как раз то, чего не хватает нашей великой революции, чтобы от победоносного начала прийти, через ряд тяжелых испытаний, к победному концу. Это как раз то, что требуется Российской Советской Социалистической Республике, чтобы перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесспорно стать могучей и обильной.

11 марта 1918 г.

«Известия ВЦИК» № 46, 12 марта 1918 г. Подпись: **И. Ленин**

Печатается по тексту брошюры: И. Ленин. «Главная задача наших дней», Москва, 1918

Речь в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 12 марта 1918 г.

(Появление товарища Ленина встречается бурными аплодисментами.) Товарищи! Годовщину русской революции нам приходится справлять в такую минуту, когда революция переживает тяжелые дни, когда многие готовы впасть в уныние и разочарование. Но если мы посмотрим на окружающее, если мы вспомним, что сделала революция за этот год и как складывается международное положение, то ни у кого из нас, я уверен, не останется места ни для отчаяния, ни для уныния. Не должно быть места сомнению, что дело международной социалистической революции, начатой в октябре, несмотря на трудности и препятствия, несмотря на все усилия ее врагов, победит.

Товарищи, припомните, какими путями шла русская революция... Как в феврале, благодаря соединению пролетариата с буржуазией, увидевшей, что при царизме существование даже буржуазного общества невозможно, в несколько дней, благодаря сотрудничеству рабочих и наиболее просвещенной части крестьянства, именно солдат, переживших все ужасы войны, – как им удалось в несколько дней столкнуть монархию, которая в 1905, 1906, 1907 гг. сопротивлялась несравненно более тяжелым ударам и потопила в крови революционную Россию. И когда после февральской победы у власти оказалась буржуазия, развитие революции пошло с невероятной быстротой.

Русская революция дала то, чем она резко отличается от революций в Западной Европе. Она дала революционную массу, приготовленную 1905 годом к самостоятельному выступлению; она дала Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, органы, неизмеримо более демократические, чем все предшествующие, позволившие воспитывать, облагородить рабочую, солдатскую и крестьянскую бесправную массу, вести ее за собой, и, благодаря этим обстоятельствам, русская революция в несколько месяцев проделала ту эпоху соглашения с буржуазией, которая в Западной Европе занимала целые долгие десятилетия. Буржуазия обвиняет теперь рабочий класс и его представителей – большевиков – в том, что армия оказалась не на высоте своего положения. Но мы теперь видим, что, если бы тогда, в марте, в апреле, у власти стояли не соглашатели, не буржуазия, которая выторговывала себе местечки, ставила у власти капиталистов и оставляла в то же время армию раздетой, голодной, когда у власти стояли такие господа, как Керенский, которые называли себя социалистами, а на деле во всех карманах прятали тайные договоры, обязывающие русский народ воевать до 1918 года, тогда, может быть, можно было спасти русскую армию и революцию от тех невероятно тяжелых испытаний и унижений, через которые мы должны были пройти. Если бы тогда власть перешла к Советам, если бы соглашатели, вместо того чтобы помогать Керенскому гнать армию в огонь, если бы они тогда пришли с предложением демократического мира, тогда армия не была бы так разрушена. Они должны были сказать ей: стой спокойно. Пусть в одной руке у нее будет разорванный тайный договор с империалистами и предложение всем народам демократического мира, и пусть в другой руке будет ружье и пушка, и пусть будет полная сохранность фронта. Вот когда можно было спасти армию и революцию. Подобный жест, даже перед таким врагом, как немецкий империализм, если бы даже на помощь ему выступила вся буржуазия, все капиталисты всего мира, все представители буржуазных партий, – он все-таки мог бы тогда помочь делу. Он мог поставить врага в такое положение, что он видел бы, с одной стороны, предлагаемый ему демократический мир и разоблаченные договоры, а с другой стороны – ружье. Теперь мы не имеем такого крепкого фронта. Без артиллерии укрепить его мы не можем. Восстановление его слишком трудно, оно идет слишком медленно, потому что нам не приходилось еще иметь дела с таким врагом. Одно дело была борьба с идиотом Романовым или хвастуном Керенским, а здесь мы

имеем дело с врагом, который организовал все свои силы и всю хозяйственную жизнь страны для защиты от революции. Мы знали, что вместо того, чтобы порвать империалистические договоры, власть Керенского в июне 1917 года бросила солдат в наступление, после чего их силы окончательно ослабели. И когда теперь со стороны буржуазии кричат о неслыханном развале и о национальном позоре, думают ли они, что революция, рожденная войной, рожденная неслыханным разрушением, что она может идти так спокойно, гладко, мирно, без мучений, без терзаний, без ужасов? Если кто-нибудь представлял себе такое рождение революции, то это или пустые слова, или так может рассуждать кто-нибудь из мягкотелых интеллигентов, не понимающий значения этой войны и революции. Да, так рассуждают они. Но мы ясно видим, как через весь этот процесс идет величайший народный подъем, чего не видят люди, которые кричат о национальном позоре.

Как бы то ни было, но мы вырвались из войны. Мы не говорим, что мы вырвались, ничего не отдавши, не заплативши дани. Но мы вырвались из войны. Мы дали передышку народу. Мы не знаем, насколько эта передышка будет продолжительна. Может быть, она будет очень непродолжительна, потому что и с запада и с востока на нас направляются империалистские хищники и новая война неминуемо начнется. Да, мы не закрываем глаз на то, что у нас все разрушено. Но народ сумел избавиться от царского правительства, от буржуазного правительства и создать советские организации, которые только теперь, когда вернулись с фронта солдаты, дошли до последнего деревенского захолустья. И необходимость и значение их понял самый низший слой, самый угнетенный, подавленная масса, над которой издевались цари, помещики, капиталисты, которой редко удавалось вложить свою душу, свое творчество в дело. Она достигла того, что Советская власть стала не только достоянием крупных городов и фабричных местностей, она проникла во все глухие углы. Каждый крестьянин, который видел со стороны власти до сих пор только угнетение и грабежи, видит теперь у власти правительство бедняков, правительство, которое выбирается им самим, которое вывело его из угнетения и, несмотря на все неслыханные препятствия и трудности, сумеет вывести его и дальше.

Товарищи! Если нам теперь приходится переживать дни тяжелого поражения и угнетения, когда на голову русской революции наступил сапог прусских помещиков и империалистов, то я уверен, что, как бы в отдельных кругах ни велико было возмущение и негодование, в глубине народной массы идет процесс созидания, накопления энергии, дисциплины, который даст нам твердость вынести все удары и доказывает, что мы не предали и не предадим революцию. Если же нам и пришлось пережить эти испытания и поражения, то это случилось потому, что история не устроена так гладко и мило, чтобы все трудящиеся поднялись одновременно с нами во всех странах. Мы не должны забывать, с каким врагом мы имеем дело. Враги, с которыми нам приходилось иметь дело до сих пор, – и Романов, и Керенский, и русская буржуазия – тупая, неорганизованная, некультурная, вчера целовавшая сапог Романова и после этого бегавшая с тайными договорами в кармане, – разве все они чего-нибудь стоят против той международной буржуазии, которая все, что завоевано человеческим умом, превратила в орудие для подавления воли трудящихся и всю свою организацию приспособила для истребления людей?

Вот какой враг обрушился на нас в момент, когда мы окончательно разоружились, когда мы прямо должны сказать: у нас армии нет, а страна, которая лишилась армии, и должна принять неслыханно позорный мир.

Мы никому не изменяем, мы никого не предаем, мы не отказываем в помощи своим собратьям. Но мы должны будем принять неслыханно тяжелый мир, мы должны будем принять ужасные условия, мы должны будем принять отступление, чтобы выиграть время, пока оно есть, чтобы подошли союзники, а союзники у нас есть. Как ни велика ненависть к империализму, как ни сильно чувство, законное чувство негодования и возмущения против него,

мы должны сознавать, что мы теперь оборонцы. Мы не защищаем тайных договоров, мы защищаем социализм, мы защищаем социалистическое отечество. Но чтобы иметь возможность защищать его, мы должны были пойти на самые тяжкие унижения. Мы знаем, что бывают такие полосы в истории каждого из народов, когда приходится уступать перед напором более сильного нервами противника. Мы получили отсрочку, и мы должны воспользоваться ею, чтобы армия сколько-нибудь отдохнула, чтобы она поняла в массе – не в головах тех десятков тысяч, которые в крупных городах ходят на митинги, а в миллионах и в десятках миллионов, которые разбежались по деревням, – чтобы они поняли, что старая война кончилась, начинается новая война, война, на которую мы отвечали предложением мира, война, в которой мы уступили, чтобы побороть наше отсутствие дисциплины, нашу вялость, нашу дряблость, при которых мы могли победить царизм и русскую буржуазию, но не европейскую международную буржуазию. Если мы сумеем побороть их, мы выиграем, потому что союзники у нас есть, и мы в этом уверены.

Как ни бесчинствуют теперь международные империалисты, видя наше поражение, а внутри их стран зреют их враги и союзники для нас. Мы знали и знаем твердо, что в немецком рабочем классе процесс этот идет, может быть, медленнее, чем мы этого ожидали, чем мы, может быть, желаем, но несомненно, что растет возмущение против империалистов, растет число союзников в нашей работе и они придут к нам на помощь.

Сумейте дать силы, сумейте дать лозунг, введите дисциплину, это наша обязанность перед социалистической революцией. При этих условиях мы сумеем удержаться, пока союзный пролетариат придет к нам на помощь, а вместе с ним мы победим всех империалистов и всех капиталистов.

«Известия ВЦИК» № 47, 14 марта 1918 г.

Печатается по тексту газеты «Известия ВЦИК», сверенному со стенограммой

IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов^[45] 14–16 марта 1918 г.

Напечатано: проект резолюции по поводу обращения Вильсона – 15 марта 1918 г. в газете «Известия ВЦИК» № 48; доклад о ратификации мирного договора – 16 и 17 (3 и 4) марта 1918 г. в газете «Правда» («Социал-Демократ») №№ 47 и 48; заключительное слово по докладу— 19 (6) марта 1918 г. в газете «Правда» № 49; резолюция о ратификации Брестского договора – 16 (3) марта 1918 г. в газете «Правда» («Социал-Демократ») № 47

Печатается: проект резолюции по поводу обращения Вильсона— по рукописи; доклад – по стенограмме, сверенной с текстом газеты «Правда» («Социал-Демократ»); заключительное слово – по стенограмме, сверенной с текстом газеты «Правда»; резолюция о ратификации Брестского договора – по тексту газеты «Правда» («Социал-Демократ»), сверенному с рукописью

1. Проект резолюции по поводу обращения Вильсона^[46]

Съезд выражает свою признательность американскому народу и в первую голову трудящимся и эксплуатируемым классам Северо-Американских Соединенных Штатов по поводу выражения президентом Вильсоном своего сочувствия русскому народу, через съезд Советов, в то дни, когда Советская социалистическая республика России переживает тяжелые испытания.

Ставши нейтральной страной, Российская Советская республика пользуется обращением к ней президента Вильсона, чтобы выразить всем народам, гибнущим и страдающим от ужасов империалистской войны, свое горячее сочувствие и твердую уверенность, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благосостояние всех трудящихся.

Написано 14 марта 1918 г.

2. Доклад о ратификации мирного договора 14 марта

Товарищи, нам приходится решать сегодня вопрос, который знаменует поворотный пункт в развитии русской и не только русской, а и международной революции, и для того, чтобы правильно решить вопрос о том тягчайшем мире, который заключили представители Советской власти в Брест-Литовске и который Советская власть предлагает утвердить, или ратифицировать, для того, чтобы правильно решить этот вопрос, более всего необходимым является для нас уразуметь исторический смысл того поворота, у которого мы стали, понять, в чем состояла главная особенность развития революции до сих пор и в чем состоит основная причина того тяжкого поражения и той эпохи тяжелых испытаний, которые мы пережили.

Мне кажется, что главным источником разногласий в среде советских партий^[47] по данному вопросу является именно то, что некоторые слишком поддаются чувству законного и справедливого негодования по поводу поражения Советской республики империализмом, слишком поддаются иногда отчаянию и, вместо того, чтобы учесть исторические условия развития революции, как они сложились перед настоящим миром и как они рисуются нам после мира, вместо этого пытаются ответить относительно тактики революции на основании непосредственного чувства. Между тем весь опыт всех историй революций учит нас, что, когда мы имеем дело со всяким массовым движением или с классовой борьбой, в осо-

бенности такой, как современная, развертывающейся не только на всем протяжении одной, хотя и громадной страны, а захватывающей все международные отношения, – в этом случае в основу своей тактики, прежде всего и больше всего, необходимо класть учет объективного положения, рассматривать аналитически, каков был ход революции до сих пор и почему он так грозно, так круто, так невыгодно для нас изменился.

Если мы посмотрим с этой точки зрения на развитие нашей революции, то мы ясно увидим, что до сих пор она переживала период сравнительной и в значительной мере кажущейся самостоятельности и временной независимости от международных отношений. Тот путь, которым шла наша революция с конца февраля 1917 г. до 11 февраля текущего года^[48], когда началось немецкое наступление, – этот путь в общем и целом был путем легких и быстрых успехов. Если мы взглянем на развитие этой революции в международном масштабе, с точки зрения развития только русской революции, то мы увидим, что пережили за этот год три периода. Первый период, когда рабочий класс России вместе со всем, что было передовым, сознательным, подвижным в крестьянстве, поддержанный не только мелкой буржуазией, но и буржуазией крупной, в несколько дней смел монархию. Этот головокружительный успех объясняется тем, что русский народ, с одной стороны, из опыта 1905 года извлек гигантский запас революционной боеспособности, с другой стороны, тем, что Россия, как особенно отсталая страна, особенно пострадала от войны и особенно рано пришла в состояние полной невозможности продолжать эту войну при старом режиме.

За коротким бурным успехом, когда создалась новая организация, – организация Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, – последовали для нашей революции долгие месяцы переходного периода, – периода, когда власть буржуазии, сразу подорванная Советами, поддерживалась и укреплялась мелкобуржуазными соглашательскими партиями – меньшевиками и эсерами, поддерживавшими эту власть. Это была власть, поддерживавшая империалистскую войну, империалистские тайные договоры, кормившая рабочий класс обещаниями, власть, которая ровно ничего не делала, которая поддерживала разруху. В этот долгий для нас, для русской революции период скопляли свои силы Советы; это был долгий для русской революции период и короткий – с точки зрения международной, потому что в большинстве центральных стран период изживания мелкобуржуазных иллюзий, период переживания соглашательства различных партий, фракций, оттенков занимал не месяцы, а долгие, долгие десятилетия, – этот период, с 20 апреля и до возобновления империалистской войны Керенским в июне, носившим в кармане тайный империалистский договор, – имел решающую роль. В этот период мы пережили июльское поражение, пережили корниловщину и только на опыте массовой борьбы, только тогда, когда широчайшие массы рабочих и крестьян не из проповеди, а из собственного опыта увидели всю тщету мелкобуржуазного соглашательства, – только тогда, после долгого политического развития, после долгой подготовки и перемены в настроении и взглядах партийных группировок создалась почва для Октябрьского переворота, и наступил третий период русской революции в ее первой, оторванной или временно отделенной от международной, полосе.

Этот третий период, октябрьский, период организации, наиболее трудный и в то же время период наиболее крупных и наиболее быстрых триумфов. С октября наша революция, отдавшая власть в руки революционного пролетариата, установившая его диктатуру, обеспечившая ему поддержку громадного большинства пролетариата и беднейшего крестьянства, с октября наша революция шла победным, триумфальным шествием. По всем концам России началась гражданская война в виде сопротивления эксплуататоров, помещиков и буржуазии, поддержанных частью империалистической буржуазии.

Началась гражданская война, и в этой гражданской войне силы противников Советской власти, силы врагов трудящихся и эксплуатируемых масс, оказались ничтожными; гражданская война была сплошным триумфом Советской власти, потому что у противников ее, у

эксплуататоров, у помещиков и буржуазии, не было никакой, ни политической, ни экономической опоры, и их нападение разбилось. Борьба с ними соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию; слой за слоем, массы за массами, вплоть до трудящегося казачества, отпадали от тех эксплуататоров, которые пытались вести ее от Советской власти.

Этот период победного, триумфального шествия диктатуры пролетариата и Советской власти, когда она привлекла на свою сторону безусловно, решительно и бесповоротно гигантские массы трудящихся и эксплуатируемых в России, ознаменовал собой последний и высший пункт развития русской революции, которая все это время шла как бы в независимости от международного империализма. Это было причиной, почему страна, наиболее отставшая и наиболее подготовленная к революции опытом 1905 года, так быстро, так легко, так планомерно выдвигала к власти один класс за другим, изживая отдельные политические составы, и наконец пришла к тому политическому составу, который являлся последним словом не только русской революции, но и западноевропейских рабочих революций, ибо Советская власть упрочилась в России и приобрела бесповоротные симпатии трудящихся и эксплуатируемых, потому что уничтожила старый угнетательский аппарат государственной власти, потому что она в основе создала новый и высший тип государства, каким в зародыше была Парижская Коммуна, низвергнувшая старый аппарат и поставившая на его место непосредственно вооруженную силу масс, заменившая демократизм буржуазно-парламентарный демократизмом трудовых масс за исключением эксплуататоров и систематически подавлявшая их сопротивление.

Вот что сделала русская революция за этот период, вот почему сложилось в небольшом авангарде русской революции впечатление о том, что этот триумфальный ход, это быстрое шествие русской революции может рассчитывать на дальнейшую победу. И в этом состояла ошибка, потому что период, когда русская революция развивалась, передавая в России власть от одного класса к другому и изживая классовое соглашательство в пределах одной России, – этот период мог исторически существовать только потому, что величайшие гиганты хищников мирового империализма были временно приостановлены в своем наступательном движении против Советской власти. Революция, которая в несколько дней свергла монархию, в несколько месяцев исчерпала все попытки соглашательства с буржуазией и в несколько недель в гражданской войне победила всякое сопротивление буржуазии, – такая революция, революция социалистической республики, могла ужиться среди империалистических держав, в обстановке мировых хищников, рядом со зверями международного империализма лишь постольку, поскольку буржуазия, находясь в мертвой схватке борьбы друг с другом, была парализована в своем наступлении на Россию.

И вот начался тот период, который приходится так наглядно и так тяжело чувствовать, – период тягчайших поражений, тягчайших испытаний для русской революции, период, когда, вместо быстрого, прямого и открытого наступления на врагов революции, нам приходится испытывать тягчайшие поражения и отступать перед силой, неизмеримо большей, чем наша сила, – перед силой международного империализма и финансового капитала, перед силой военной мощи, которую вся буржуазия, с ее современной техникой, со всей организацией, сплотила против нас в интересах грабежа, угнетения и удушения мелких народностей; нам приходилось думать об уравнивании сил, нам пришлось стать перед задачей неизмеримо трудной, нам пришлось видеть в прямой стычке не такого врага, как Романов и как Керенский, которые не могут быть взяты всерьез, – нам пришлось встретиться с силами международной буржуазии во всем ее военно-империалистическом могуществе, стать лицом к лицу с мировыми хищниками. И попятно, что, ввиду запоздания помощи со стороны международного социалистического пролетариата, нам пришлось принять на себя столкновение с этими силами и понести тягчайшее поражение.

И эта эпоха – эпоха тяжелых поражений, эпоха отступлений, эпоха, когда мы должны спасать хотя бы небольшую часть позиции, отступая перед империализмом, выжидая время, когда изменятся международные условия вообще, пока подоспеют к нам те силы европейского пролетариата, которые имеются, которые зреют, которые не могли так легко, как мы, справиться со своим врагом, ибо было бы величайшей иллюзией и величайшей ошибкой забывать, что русской революции легко было начать и трудно делать дальнейшие шаги. Это неизбежно было так, потому что нам приходилось начать с самого гнилого, отсталого политического строя. Европейской революции приходится начать с буржуазии, приходится иметь дело с врагом, неимоверно более серьезным, в условиях, неизмеримо более тяжелых. Европейской революции будет неизмеримо труднее начаться. Мы видим, что ей неизмеримо труднее проломить первую брешь в том строе, который ее давит. Ей будет гораздо легче войти во вторую и третью ступень своей революции. И не может быть иначе в силу того соотношения сил между революционными классами и реакционными, которое имеется в настоящее время на международной арене. Вот тот основной поворот, который постоянно упускается из виду людьми, смотрящими на теперешнее положение, на необычайно тяжелое положение революции не с точки зрения исторической, а с точки зрения чувства и возмущения. И опыт истории говорит нам, что всегда, во всех революциях, – в течение такого периода, когда революция переживала крутой перелом и переход от быстрых побед к периоду тяжелых поражений, – наступал период псевдореволюционной фразы, всегда приносившей величайший вред развитию революции. И вот, товарищи, лишь тогда, если мы поставим своей задачей учесть тот перелом, который бросил нас от быстрых, легких и полных побед к тяжелым поражениям, лишь тогда мы в состоянии будем правильно оценить нашу тактику. Вопрос этот, – неизмеримо трудный, неизмеримо тяжелый вопрос, – который представляет из себя результат переломного пункта в развитии в настоящее время революции, – от легких побед внутри к необычайно тяжелым поражениям извне, – и переломный пункт во всей международной революции, от эпохи пропагандистско-агитационной деятельности русской революции при выжидательном положении империализма, от той эпохи – к наступательным действиям империализма против Советской власти, ставит особенно тяжело и особенно остро вопрос перед всем международным западноевропейским движением. Если мы не забудем этого исторического момента, нам нужно будет разобраться в том, как сложился основной круг интересов России в вопросе о теперешнем, тягчайшем, так называемом похабном мире.

Мне случалось не раз в полемике против тех, кто отказывался от необходимости принять этот мир, мне случалось не раз встречать указания на то, что точка зрения подписания мира выражает будто бы собою интересы только усталых крестьянских масс, деклассированных солдат, и так далее, и тому подобное. И я всегда по поводу таких ссылок и таких указаний удивлялся тому, как забывают товарищи классовый масштаб национального развития, – люди, исключительно подыскивающие свои объяснения. Как будто партия пролетариата, бравшая власть, заранее не рассчитывала на то, что только союз пролетариата и полупролетариата, т. е. беднейшего крестьянства, т. е. большинства крестьянства России, что только подобный союз в состоянии дать власть в России революционной власти Советов – большинства, настоящего большинства народа, – что без этого бессмысленна всякая попытка установить власть, особенно в трудные повороты истории. Как будто бы можно было теперь отделаться от этой всеми нами признанной истины и обойтись презрительным упоминанием насчет усталого состояния крестьян и деклассированных солдат. Относительно усталого состояния крестьянства и деклассированных солдат мы должны сказать, что страна допустит сопротивление, что беднейшее крестьянство лишь в тех пределах может пойти к сопротивлению, в каких это беднейшее крестьянство способно направить свои силы на борьбу.

Когда мы брали власть в октябре, ясно было, что ход событий приходит к этому с неизбежностью, что поворот к большевизму Советов означает поворот во всей стране, что власть большевизма неизбежна. Когда мы, сознавая это, шли на взятие власти в октябре, мы совершенно ясно и отчетливо говорили себе и всему народу, что это переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, что пролетариат знает, что крестьянство его поддержит, а в чем, – вы сами знаете: в его активной борьбе за мир, в его готовности продолжать дальнейшую борьбу против крупного финансового капитала. В этом мы не ошибаемся, и никто не может, оставаясь сколько-нибудь в пределах классовых сил и классовых отношений, отвлечься от той несомненной истины, что мы не можем спрашивать от мелкокрестьянской страны, давшей так много и для европейской и для международной революции, вести борьбу при условии того тяжелого и самого тяжелого условия, когда помощь со стороны западноевропейского пролетариата, несомненно, идет к нам, – это доказали факты, забастовки и т. д., – но когда помощь эта, идущая к нам, несомненно, запоздала. Вот почему я говорю, что подобного рода ссылки на усталость крестьянских масс и т. д. представляют из себя просто результат отсутствия доводов и полной беспомощности тех, кто к этим доводам прибегает, полное отсутствие у них всякой возможности охватить все классовые отношения в целом, в их общем масштабе – революции пролетариата и крестьянства в его массе; только тогда, если мы при каждом крутом повороте истории оцениваем соотношение классов в целом, всех классов, а не выбираем отдельные примеры и отдельные казусы; только тогда мы чувствуем себя стоящими прочно на анализе вероятных фактов. Я вполне понимаю, что русская буржуазия теперь толкает нас на революционную войну тогда, когда она для нас совершенно невозможна. Этого требуют классовые интересы буржуазии.

Когда они только кричат: похабный мир, ни слова не говоря о том, кто довел армию до этого положения, я вполне понимаю, что это буржуазия с делонародовцами, меньшевиками-церетелевцами, Черновцами и их подголосками (*аплодисменты*), я вполне понимаю, что это буржуазия кричит о революционной войне. Этого требуют ее классовые интересы, этого требуют ее стремления к тому, чтобы Советская власть сделала фальшивый ход. Это понятно от людей, которые, с одной стороны, наполняют страницы своих газет контрреволюционными писаниями... (*Голоса*: «Закрыли все».) Еще, к сожалению, не все, но закроем все. (*Аплодисменты.*) Хотел бы я посмотреть на тот пролетариат, который позволит контрреволюционерам, сторонникам буржуазии и соглашателям с ней, продолжать использовать монополию богатств для одурманивания народа своим, буржуазным опиумом. Такого пролетариата не было. (*Аплодисменты.*)

Я совершенно понимаю, что со страниц подобных изданий несетя сплошной вой, вопль и крик против похабного мира, я совершенно понимаю, что за эту революционную войну стоят люди, которые в то же время, от кадетов до правых эсеров, встречают немцев при их наступлении и торжественно говорят: вот немцы, и пускают своих офицеров гулять с погонями в местностях, занятых нашествием германского империализма. Да, от таких буржуа, от таких соглашателей меня несколько не удивляет проповедь революционной войны. Они хотят, чтобы Советская власть попала в западню. Они показали себя, эти буржуа и эти соглашатели. Мы их видели и видим живьем, мы знаем, что вот в Украине украинские Керенские, украинские Черновы и украинские Церетели, – вот они, господа Винниченки. Эти господа, украинские Керенские, Черновы, Церетели, скрыли от народа тот мир, который они заключили с германскими империалистами, и теперь, при помощи германских штыков, пытаются свергнуть Советскую власть на Украине. Вот что сделали те буржуа и те соглашатели и их единомышленники. (*Аплодисменты.*) Вот что сделали эти украинские буржуа и соглашатели, пример которых стоит перед нами воочию, которые скрыли и скрывают от народа свои тайные договоры, которые с немецкими штыками идут против Советской власти. Вот чего хочет русская буржуазия, вот куда толкают сознательно или бессознательно

подголоски буржуазии Советскую власть: они знают, что принять империалистскую войну с могучим империализмом она сейчас никак не может. Вот почему лишь в этой международной обстановке, лишь в этой общей классовой обстановке мы поймем всю глубину ошибки тех, кто, подобно партии левых эсеров, дал себя увлечь теорией, обычной во всех историях революций в тяжелые моменты и состоящей наполовину из отчаяния, наполовину из фразы, когда, вместо того чтобы трезво взглянуть на действительность и оценить с точки зрения классовых сил задачи революции по отношению к внутренним и внешним врагам, вас призывают решать серьезный и тягчайший вопрос под давлением чувства, только с точки зрения чувства. Мир невероятно тяжел и позорен. Мне самому случалось не раз в своих заявлениях и в речах называть его Тильзитским миром, который завоеватель Наполеон навязал прусскому и германскому народам после ряда тягчайших поражений. Да, этот мир представляет из себя тягчайшее поражение и унижает Советскую власть, но, если вы, из этого исходя, этим ограничиваясь, апеллируете к чувству, возбуждаете негодование, пытаетесь решить величайший исторический вопрос, вы впадаете в то смешное и жалкое положение, в котором однажды была вся партия эсеров (*апломсменты*), когда в 1907 году, при ситуации, несколько схожей в известных чертах, она равным образом апеллировала к чувству революционера, когда, после тягчайшего поражения нашей революции в 1906 и 1907 году, Столыпин предписал нам законы о третьей Думе, – позорнейшие и тягчайшие условия работы в одном из самых гнусных представительных учреждений, когда наша партия, после небольшого колебания внутри себя (колебаний по этому вопросу было больше, чем теперь), решила вопрос так, что мы не имеем права поддаваться чувству, что, как ни велико наше возмущение и негодование против позорнейшей третьей Думы, а мы должны признать, что тут не случайность, а историческая необходимость развивающейся классовой борьбы, у которой дальше не хватило сил, которая их соберет даже в этих позорных условиях, которые были предписаны. Мы оказались правы. Те, которые пытались увлечь революционной фразой, увлечь справедливостью, поскольку она выражала чувство трижды законное, те получили урок, который не будет забыт ни одним думающим и мыслящим революционером.

Революции не идут так гладко, чтобы обеспечить нам быстрый и легкий подъем. Не было ни одной великой революции, даже в рамках национальных, которая не переживала бы тяжелого периода поражений, и нельзя к серьезному вопросу массовых движений, развивающихся революций относиться так, чтобы, объявляя мир похабным, унижительным, революционер не мог с ним помириться; недостаточно привести агитационные фразы, осыпать нас порицаниями по поводу этого мира, – это заведомая азбука революции, это заведомый опыт всех революций. Наш опыт с 1905 года, – а если мы чем богаты, если благодаря чему-нибудь пришлось русскому рабочему классу и беднейшему крестьянству взять на себя труднейшую и почетнейшую роль начала международной социалистической революции, так именно потому, что русскому народу удалось, благодаря особому стечению исторических обстоятельств, в начале XX века проделать две великие революции, – то надо учиться опыту этих революций, надо уметь понять, что, лишь принимая во внимание изменения соотношений классовых связей одного государства с другим, можно установить заведомо, что мы не в состоянии принять бой сейчас; мы должны считаться с этим, сказать себе: какова бы ни была передышка, как бы ни был непрочен, как бы ни был короток, тяжел и унижителен мир, он лучше, чем война, ибо он дает возможность вздохнуть народным массам, потому что он дает возможность поправить то, что сделала буржуазия, которая теперь кричит везде, где имеет возможность кричать, особенно под защитой немцев в занятых областях. (*Апломсменты.*)

Буржуазия кричит о том, что ведь большевики разложили армию, что армии нет и в этом виноваты большевики, но посмотрим на прошлое, товарищи, посмотрим, прежде всего, на развитие нашей революции. Разве вы не знаете, что бегство и разложение нашей армии началось задолго до революции, еще в 1916 году, что всякий, кто видел армию, должен это

признать? И что же сделала наша буржуазия, чтобы предотвратить это? Разве не ясно, что единственный шанс на спасение от империалистов был тогда в ее руках, что этот шанс представлялся в марте – апреле, когда советские организации могли взять власть простым движением руки против буржуазии. И если бы тогда Советы взяли власть, если бы буржуазная интеллигенция и мелкобуржуазная, с эсерами и меньшевиками, вместо того, чтобы помогать Керенскому обманывать народ, прятать тайные договоры и вести армию в наступление, если бы она тогда пришла на помощь армии, снабдив ее вооружением, продовольствием, заставив буржуазию помогать отечеству при содействии всей интеллигенции, не отечеству торгашей, не отечеству договоров, помогающих истреблять народ (*апломсмены*), если бы Советы, заставив буржуазию помогать отечеству трудящихся, рабочих, помогли раздетой, разутой, голодной армии, – только тогда мы имели бы, может быть, десятимесячный период, достаточный, чтобы дать армии вздохнуть и дать единодушную поддержку, чтобы она, ни на шаг не отступая с фронта, предлагала всеобщий демократический мир, разорвав тайные договоры, но держалась на фронте, не отступая ни на шаг. Вот в чем был шанс на мир, который рабочие и крестьяне давали и одобряли. Это тактика защиты отечества, не отечества Романовых, Керенских, Черновых, отечества с тайными договорами, отечества продажной буржуазии, а отечества трудящихся масс. Вот кто привел к тому, что переход от войны к революции и от русской революции к международному социализму проходит с такими тяжелыми испытаниями. Вот почему такой пустой фразой звучит такое предложение, как революционная война, когда мы знаем, что армии у нас нет, когда мы знаем, что удержать армию было невозможно, и люди, знакомые с делом, не могли не видеть, что наш указ о демобилизации не выдуман, а что он является результатом очевидной необходимости, простой невозможности удержать армию. Удержать армию было нельзя. И прав оказался тот офицер, не большевик, который говорил еще до октябрьского переворота, что армия воевать не может и не будет^[49]. Вот к чему привели месяцы торговли с буржуазией и все речи о необходимости продолжения войны; какими бы благородными чувствами они ни диктовались со стороны многих революционеров, или немногих революционеров, они оказались пустыми революционными фразами, отдающими себя на посягательства международного империализма, чтобы он ограбил еще столько и еще больше, как он уже успел сделать после нашей тактической или дипломатической ошибки – после неподписания Брестского договора. Когда мы говорили противникам подписания мира: если бы передышка была сколько-нибудь продолжительна, вы поняли бы, что интересы оздоровления армии, интересы трудящихся масс стоят выше всего и что мир должен быть заключен ради этого, – они утверждали, что передышки быть не может.

Но наша революция отличалась от всех предыдущих революций именно тем, что она подняла жажду строительства и творчества в массах, когда трудящиеся массы в самых захолустных деревнях, приниженные, задавленные, угнетавшиеся царями, помещиками, буржуазией, поднимаются, и этот период революции завершается только теперь, когда происходит деревенская революция, которая строит жизнь по-новому. И ради этой передышки, как бы она ни была непродолжительна и мала, мы обязаны, если мы ставим интересы трудящихся масс выше интересов буржуазных вояк, которые машут саблями и призывают нас на бой, мы обязаны были подписать этот договор. Вот чему учит революция. Революция учит, что, когда мы делаем дипломатические ошибки, когда мы полагаем, что немецкие рабочие придут к нам завтра на помощь, в надежде, что Либкнехт победит сейчас (а мы знаем, что так или иначе Либкнехт победит, это неизбежно в развитии рабочего движения (*апломсмены*)), это значит, что, в увлечении, революционные лозунги трудного социалистического движения превращаются в фразу. И ни один представитель трудящихся, ни один честный рабочий не откажется принести величайшую жертву для помощи социалистическому движению Германии, потому что за все это время на фронте он научился различать между

германскими империалистами и измученными немецкой дисциплиной солдатами, по большей части нам сочувствующими. Вот почему я говорю, что русская революция практически исправила нашу ошибку, исправила ее этой передышкой. По всей вероятности, она будет очень непродолжительна, но мы имеем возможность хотя бы кратчайшей передышки, чтобы армия, которая измучена, изголодалась, прониклась сознанием того, что она получила возможность передохнуть. Для нас ясно, что период старых империалистских войн окончился и грозят новые ужасы начала новых войн, но периоды таких войн были во многих исторических эпохах, причем наибольшее обострение они приобретали перед их окончанием. И нужно, чтобы это поняли не только на митингах в Петрограде и Москве; надо, чтобы поняли это в деревнях многие десятки миллионов, чтобы возвратившаяся с фронта наиболее просвещенная часть деревни, которая пережила все ужасы войны, помогла это понять и громадная масса крестьян и рабочих убедилась в необходимости революционного фронта и сказала, что мы поступили правильно.

Нам говорят, что мы предали Украину и Финляндию, – о, какой позор! Но произошло такое положение, что мы отрезаны от Финляндии, с которой мы заключали раньше молчаливый договор до начала революции и заключили теперь формальный^[50]. Говорят, что мы отдаем Украину, которую идут губить Чернов, Керенский и Церетели; нам говорят: предатели, вы предали Украину! Я говорю: товарищи, я достаточно видывал виды в истории революции, чтобы меня могли смутить враждебные взгляды и крики людей, которые отдаются чувству и не могут рассуждать. Я вам приведу простой пример. Представьте, что два приятеля идут ночью, и вдруг на них нападают десять человек. Если эти негодяи отрезают одного из них, – что другому остается? – броситься на помощь он не может; если он бросится бежать, разве он предатель?¹⁷ А представьте, что речь идет не о личностях или областях, в которых решаются вопросы непосредственного чувства, а встречаются пять армий по сто тысяч человек, которые окружают армию в двести тысяч человек, а другая армия должна идти к ней на помощь. Но если эта армия знает, что она наверное попадет в ловушку, она должна отступить; она не может не отступить, хотя бы даже для прикрытия отступления понадобилось подписать похабный, поганый мир, – как угодно ругайте, а все же подписать его необходимо. Нельзя считаться с чувством дуэлянта, который вынимает шпагу и говорит, что я должен умереть, потому что меня заставляют заключить унижительный мир. Но мы все знаем, что как ни решайте, а армии у нас нет, и никакие жесты не спасут нас от необходимости отступить и выиграть время, чтобы армия могла вздохнуть, и с этим согласится всякий, кто смотрит на действительность, а не обманывает себя революционной фразой. Это должен знать всякий, кто смотрит на действительность, не обманывая себя фразами и фанабериями.

Если мы знаем это, – наш революционный долг подписать хотя и тяжелый, архитяжелый и насильнический договор, ибо мы этим достигнем лучшего положения и для нас и для наших союзников. Мы потеряли разве, что мы подписали 3 марта мирный договор? Всякий, кто пожелает взглянуть на вещи с точки зрения массовых отношений, а не с точки зрения дворянчика-дуэлянта, тот поймет, что, не имея армии или имея заболевший остаток армии, принимать войну, называть эту войну революционной есть самообман, есть величайший обман народа. Наш долг сказать правду народу: да, мир тягчайший, Украина и Финляндия гибнут, но мы должны идти на этот мир, и на него пойдет вся сознательная трудовая Россия, потому что она знает неприкрашенную правду, она знает, что такое война, она знает, что ставить на карту все, считаясь с тем, что сейчас вспыхнет немецкая революция, есть самообман. Подписав мир, мы получили то, что наши финляндские друзья получили от нас, – передышку, помощь, а не гибель.

¹⁷ В стенограмме, по-видимому, неточная запись; следует читать: «не броситься на помощь он не может; если он бросится бежать, разве он не предатель?» (см. настоящий том, стр. 31). *Ред.*

Я знаю примеры в истории народов, когда подписывался гораздо более насильнический мир, когда мир этот отдавал на милость победителя жизнеспособные народы. Сравним этот наш мир с миром Тильзитским; Тильзитский мир был навязан победоносным завоевателем Пруссии и Германии. Этот мир был настолько тяжел, что не только были захвачены все столицы всех германских государств, не только были отброшены пруссаки к Тильзиту, что равносильно тому, если бы нас отбросили к Омску или Томску. Мало того, – наибольший ужас заключался в том, что Наполеон заставил побежденные народы давать вспомогательные войска для своих войн, и, когда, тем не менее, обстановка сложилась так, что немецким народам приходилось вынести натиск завоевателя, когда эпоха революционных войн Франции сменилась эпохой империалистских завоевательных войн, тогда ясно обнаружилось то, чего не хотят понять увлеченные фразой люди, которые изображают подписание мира, как падение. С точки зрения дворянчика-дуэлянта эта психология понятна, но не с точки зрения рабочего и крестьянина. Последний проделал тяжелую школу войны, и он научился считать. Бывали испытания и тяжелее, и выходили из них народы более отсталые. Бывал заключаем мир и более тяжелый, и заключаем немцами в эпоху, когда они не имели армии, или их армия бывала больна, как больна наша армия. Они заключили тягчайший мир с Наполеоном. И этот мир не был падением Германии, – наоборот, он явился поворотным пунктом, национальной защитой и подъемом. И мы стоим накануне такого поворотного пункта, и мы переживаем условия аналогичные. Надо смотреть правде в лицо и гнать от себя фразу и декламацию. Надо говорить, что если это нужно, то мир необходимо заключить. Война освободительная, война классовая, война народная займет место наполеоновской. Система наполеоновских войн изменится, мир будет сменять войну, война сменять мир, и из каждого нового тягчайшего мира всегда вытекала более широкая подготовка к войне. Самый тяжелый из мирных договоров – Тильзитский – вошел в историю, как поворотный пункт к тому времени, когда у немецкого народа начался поворот, когда он отступал до Тильзита, до России, а на самом деле выигрывал время, выжидал, когда международная ситуация, позволившая одно время восторжествовать Наполеону, такому же грабителю, как теперь Гогенцоллерн, Гинденбург, пока эта ситуация не изменилась, пока не оздоровилось сознание измученного десятилетиями наполеоновскими войнами и поражениями немецкого народа, и пока он снова не воскрес к новой жизни. Вот чему учит нас история, вот почему преступны всякое отчаяние и фраза, вот почему всякий скажет: да, старые империалистические войны кончаются. Исторический поворот наступил.

С октября наша революция была сплошным триумфом, а теперь начались долгие и трудные времена, мы не знаем, какие долгие, но знаем, что это долгий и трудный период поражений и отступлений, потому что таково соотношение сил, потому что отступлением мы дадим народу отдохнуть. Дадим возможность, чтобы каждый рабочий и крестьянин понял ту правду, которая даст ему возможность понять, что наступают новые войны империалистов-хищников против угнетенных народов, когда рабочий и крестьянин поймет, что мы должны встать на защиту отечества, ибо мы с октября стали оборонцами. С 25 октября мы сказали открыто, что мы за защиту отечества, ибо у нас есть это отечество, из которого мы изгнали Керенских и Черновых, ибо мы тайные договоры уничтожили, мы буржуазию подавили, пока еще плохо, но мы научимся делать это лучше.

Товарищи, есть еще более важное различие между состоянием русского народа, потерпевшего тягчайшие поражения от завоевателей Германии, и народом немецким, есть величайшее различие, о котором надо сказать, хотя я говорил о нем вкратце в предыдущей части своей речи. Товарищи, когда немецкий народ сто с лишком лет тому назад попал в период тягчайших завоевательных войн, в период, когда он должен был отступать и подписывать один позорный мир за другим, прежде чем немецкий народ проснулся, – тогда дело обстоит так, немецкий народ был только слабым и отсталым, – только таким. Против него сто-

яла не только военная сила и мощь завоевателя Наполеона, против него стояла страна, которая была выше его в отношении революционном и политическом, выше Германии во всех отношениях, которая поднялась неизмеримо выше других стран, которая сказала последнее слово. Она была неизмеримо выше народа, который прозябал в подчинении империалистов и помещиков. Народ, который был, повторяю, только слабым и отсталым народом, он сумел научиться из горьких уроков и подняться. Мы в лучшем положении: мы не только слабый и не только отсталый народ, мы тот народ, который сумел, – не благодаря особым заслугам или историческим предначертаниям, а благодаря особому сцеплению исторических обстоятельств, – сумел взять на себя честь поднять знамя международной социалистической революции. (*Аплодисменты.*)

Я прекрасно знаю, товарищи, и я прямо говорил не раз, что это знамя в слабых руках, и его не удержат рабочие самой отсталой страны, пока не придут рабочие всех передовых стран им на помощь. Те социалистические преобразования, которые мы совершили, они во многом несовершенны, слабы и недостаточны: они будут указанием западноевропейским передовым рабочим, которые скажут себе: «русские начали не так то дело, которое нужно было начать», но важно то, что наш народ по отношению к немецкому народу не только слабый и не только отсталый народ, а народ, поднявший знамя революции. Если буржуазия какой угодно страны наполняет все столбцы своих изданий клеветами на большевиков, если в этом отношении сливаются голоса печати империалистов Франции, Англии, Германии и т. д., понося большевиков, то нет ни одной страны, где можно было бы собрать заседание рабочих и где имена и лозунги нашей социалистической власти вызывали бы взрывы негодования. (*Голос: «Ложь».*) Нет, не ложь, а правда, и всякий, кто бывал в Германии, в Австрии, в Швейцарии и Америке в последние месяцы, вам скажет, что это не ложь, а правда, что величайший энтузиазм встречают среди рабочих имена и лозунги представителей Советской власти в России, что, вопреки всякой лжи буржуазии Германии, Франции и т. д., рабочие массы поняли, что как мы ни слабы, а здесь, в России, делается их дело. Да, наш народ должен вынести тягчайшую ношу, которую он взвалил на себя, но народ, сумевший создать Советскую власть, не может погибнуть. И я повторяю: ни один сознательный социалист, ни один думающий над историей революции рабочий не может оспорить того, что, при всех недостатках Советской власти, – которые я слишком знаю и превосходно оцениваю, – что Советская власть является высшим типом государства, прямым продолжением Парижской Коммуны. Она поднялась на ступень вперед остальных европейских революций, и поэтому мы не стоим в столь тяжелых условиях, как немецкий народ сто лет тому назад; изменение в этом отношении сил между грабителями и использование конфликта и удовлетворение требований грабителя Наполеона, грабителя Александра I, грабителей английской монархии – только это оставалось тогда, как единственный шанс, угнетенным крепостным правом, и, тем не менее, немецкий народ не пал от Тильзитского мира. А мы, я повторяю, находимся в лучших условиях, так как у нас есть величайший союзник во всех западноевропейских странах – международный социалистический пролетариат, который с нами, что бы ни говорили наши противники. (*Аплодисменты.*) Да, этому союзнику не легко поднять свой голос, как не легко было сделать это нам до конца февраля 1917 года. Этот союзник живет в подполье, в условиях военно-каторжной тюрьмы, в которую превращены все империалистические страны, но он знает нас и понимает наше дело; ему трудно двинуться к нам на помощь, поэтому советским войскам нужно много времени и много терпения и тяжелых испытаний, чтобы дождаться того времени, – мы будем сберегать малейшие шансы на то, чтобы оттянуть время, ибо время работает за нас. Наше дело крепнет, силы империалистов слабеют, и, каковы бы ни были испытания и поражения от «тильзитского» мира, мы начинаем тактику отступления, и, повторяю еще раз: нет сомнений, что как сознательный пролетариат, так и сознательные крестьяне за нас, и мы сумеем не только героически наступать, а и героиче-

ски отступать и подождем, когда международный социалистический пролетариат придет на помощь, и начнем вторую социалистическую революцию уже в мировом масштабе. (*Аплодисменты.*)

3. Заключительное слово по докладу о ратификации мирного договора 15 марта

Товарищи, если бы я хотел найти подтверждение тому, что было сказано в первой моей речи относительно характера предлагаемой нам революционной войны, то доклад представителя левых эсеров^[51] дал бы мне самое лучшее и наглядное подтверждение, и я думаю, что будет наиболее целесообразно, если я приведу по стенограмме его речь и мы увидим, какие доводы приводят они в подтверждение своих положений. (*Читает по стенограмме.*)

Вот вам образец того, на какие доводы они опираются. Здесь говорилось о волостном сходе^[52]. Те, кому кажется это собрание волостным сходом, могут прибегать к таким доводам, но ясно, что здесь люди повторяют наши слова, а продумать их не умеют. Люди повторяют то, чему большевики учили левых эсеров, когда они еще были в среде правых, и когда они говорят, то видно, что они заучили то, что мы говорили, но на чем это было основано, не поняли и теперь повторяют. Церетели и Чернов были оборонцами, а теперь мы оборонцы, мы «изменники», мы «предатели». Приспешники буржуазии говорят здесь о волостном сходе, — они делают глазки, когда они это говорят, — но всякий рабочий прекрасно понимает цели того оборончества, которым руководились Церетели и Чернов, и те побуждения, которые заставляют нас быть оборонцами.

Если мы поддержим русских капиталистов, которые хотели получить Дарданеллы, Армению, Галицию, как это было написано в тайном договоре, то это будет оборончество в духе Чернова и Церетели, и это оборончество было опозорено тогда, а теперь наше оборончество почетно. (*Аплодисменты.*)

И когда я рядом с подобными доводами встречаю два раза в стенограмме речи Камкова повторенное слово, что большевики, это — приказчики германского империализма (*аплодисменты справа*), слово резкое, — я очень рад, что все те, кто политику Керенского проводил, аплодисментами это подчеркивают. (*Аплодисменты.*) И уж, конечно, товарищи, не мне возражать против резких слов. Никогда я против этого возражать не буду. Только, чтобы быть резким, нужно на это иметь право, а право на резкость дает то, чтобы слово не расходилось с делом. И вот такое маленькое условие, которое многие интеллигенты не ценят, а рабочие и крестьяне и на волостных сходах, — это так мизерно, волостной сход, — они это и на волостных сходах и в советских организациях улавливали, и у них сходится и слово и дело. Но мы ведь знаем прекрасно, что они, левые эсеры, сидели в партии правых эсеров до октября, когда те участвовали в дележке выгоды, когда те были приказчиками, потому что им было обещано место министра за то, что ты молчишь о всех тайных договорах. (*Аплодисменты.*) Но никак нельзя назвать приказчиками империализма людей, которые провозгласили ему войну делом, порвали договоры, на риск, связанный с этим, пошли, — пошли на затягивание переговоров в Бресте, зная, что это страну губит, вытерпели военное наступление, ряд неслыханных поражений и ни капли не скрывали от народа.

Здесь Мартов уверял, что он не прочел договора. Пусть верит ему, кто хочет. Мы знаем, что эти люди привыкли много газет читать, но договор не читали. (*Аплодисменты.*) Пусть верит, кто хочет. Но я вам скажу, что если партия эсеров знает прекрасно, что мы уступаем насилию, нами же разоблаченному полностью, что мы делаем это сознательно, открыто говоря, что мы сейчас не можем сражаться, но уступаем, — история знает ряд позорнейших договоров и ряд войн, — когда люди в ответ на это преподносят слово «приказчики», то эта резкость их разоблачает, когда они уверяют, что снимают ответственность, что они делают, —

разве это не лицемерие, когда люди снимают ответственность, а продолжают быть в правительстве? Я утверждаю, что, когда они говорят, что снимают ответственность, – нет, они ее не снимают, и напрасно они думают, что это волостной сход. Нет, это все, что есть лучшего и честного среди трудящихся масс. *(Аплодисменты.)* Это вам не буржуазный парламент, куда раз в год или два выбирают людей, чтобы они сидели на местах и чтобы они получали жалованье. Это – люди, посланные с мест, а завтра они будут на местах, завтра они расскажут, что если голоса партии левых эсеров тают, то это заслуженно, потому что эта партия, которая ведет себя так, является тем же мыльным пузырем в крестьянстве, каким она оказалась в рабочем классе. *(Аплодисменты, голоса: «Правильно».)*

Дальше я вам процитирую еще одно место из речи Камкова, чтобы показать, как к этому относится всякий представитель трудящихся и эксплуатируемых масс. «Когда здесь товарищ Ленин вчера утверждал, что товарищи Церетели и Чернов и другие разлагали армию, неужели мы не найдем мужества сказать, что мы с Лениным тоже разлагали армию». Попал пальцем в небо. *(Аплодисменты.)* Он слышал, что мы были пораженцами, и вспомнил об этом тогда, когда мы пораженцами быть перестали. Не вовремя вспомнил. Заучили словечко, погремушка революционная есть, а подумать над тем, как дело обстоит, не умеют. *(Аплодисменты.)* Я утверждаю, что из тысячи волостных сходов, где Советская власть укрепилась, что из тысячи этих сходов более чем в девятистах есть люди, которые скажут партии левых эсеров, что она никакого доверия не заслуживает. Они скажут, подумайте: мы разлагали армию и теперь должны вспомнить об этом. Но как мы разлагали армию? Мы были пораженцами при царе, а при Церетели и Чернове мы не были пораженцами. Мы выпустили в «Правде» воззвание, которое Крыленко, тогда еще преследуемый, опубликовал по армии: «Почему я еду в Питер». Он сказал: «К бунтам мы вас не зовем». Это не было разложением армии. Разлагали армию те, кто объявил эту войну великой.

Разлагали армию Церетели и Чернов, потому что народу говорили великолепные слова, которые разные левые эсеры привыкли кидать на ветер. Слова весят легко, а русский народ на волостных сходах привык продумывать и брать всерьез. Если же ему говорили, что мы стремимся к миру и обсуждаем условия империалистической войны, то я спрашиваю: а как же с тайными договорами и с июньским наступлением? Вот чем разлагали армию. Если ему говорили о борьбе с империалистами, о защите отечества, он спрашивал себя: а берут ли где-нибудь за шиворот капиталистов, – вот чем разлагали армию, и вот почему я сказал, и никто не опроверг, что спасение армии было бы в том, если бы власть мы взяли в марте и апреле и если бы вместо бешеной ненависти эксплуататоров за то, что мы их подавили, – они совершенно законно нас ненавидят, – если бы вместо этого они интересы отечества трудящихся и эксплуатируемых поставили выше интересов отечества Керенского и тайных договоров Рябушинского и видов на Армению, Галицию, Дарданеллы, – в этом было бы спасение, и в этом отношении, начиная с великой русской революции, а в особенности с марта, когда вышло половинчатое воззвание к народам всех стран^[53], правительство, издавшее воззвание, звавшее свергнуть банкиров всех стран, а само делившее с банкирами доходы и выгоды, – вот что разлагало армию, и вот почему армия не могла стоять. *(Аплодисменты.)*

И я утверждаю, что мы, начиная с этого воззвания Крыленко, которое не было первым^[54] и которое я вспоминаю потому, что оно особенно запомнилось мне, мы армии не разлагали, а говорили: держите фронт, – чем скорее вы возьмете власть, тем легче ее удержите, и говорить теперь, что мы против гражданской войны, а за восстание, – как это недостойно и какая это презренная болтовня людей. Когда это пойдет в деревни и когда там солдаты, которые войну видали не так, как интеллигенты, и которые знают, что легко только картонным мечом махать, когда они скажут, что им, разутым, раздетым и страдающим, в критический момент помогли тем, что погнали в наступление, – они теперь говорят им, что ничего, что не будет армии, а будет восстание. Народ гнать против регулярной армии с высшей тех-

никой – это преступно, и этому мы учили как социалисты. Ведь война многому научила, не только тому, что люди страдали, но и тому, что берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины; этому научила война, и прекрасно, что научила. Учиться надо тому, что без машины, без дисциплины жить в современном обществе нельзя, – или надо преодолеть высшую технику, или быть раздавленным. Ведь годы мучительнейшего страдания научили крестьян, что такое война. И когда всякий со своими речами пойдет в волостные сходы, когда партия левых эсеров пойдет туда, то она понесет вполне заслуженное ею наказание. *(Аплодисменты.)*

Еще пример, еще цитата из речи Камкова. *(Читает.)*

Удивительно легко иногда бывает вопросы ставить; только есть одно изречение, – оно невежливое и грубое, – которое про такие вопросы говорит, – из песни слова не выкинешь, – я напому: один дурак может больше спрашивать, чем десять умных ответить. *(Аплодисменты, шум.)*

Товарищи, в этой цитате, которую я вам прочел, меня приглашают ответить на вопрос: неделю, две или больше будет передышка? Я утверждаю, что на всяком волостном сходе и на каждой фабрике человека, который от имени серьезной партии с подобным вопросом будет выступать к народу, его народ высмеет и прогонит вон, потому что на всяком волостном сходе поймут, что нельзя задавать вопросы о том, чего нельзя знать. Это поймут любой рабочий и крестьянин. *(Аплодисменты.)* Если вы хотите ответ непременно получить, то я вам скажу, что, конечно, любой из пишущих в газетах или выступающий на митингах левый эсер скажет, от чего зависит этот срок: от того, когда наступит Япония, с какими силами, какое встретит сопротивление; от того, насколько увязнет немец в Финляндии, в Украине; от того, когда придет наступление на всех фронтах; от того, как оно разовьется; от того, как внутренний конфликт в Австрии и Германии пойдет дальше, и еще от многих других причин. *(Аплодисменты.)*

И поэтому, когда с победным видом в серьезном собрании задают такой вопрос: ответьте мне, какая передышка, – я говорю, что таких людей будут гнать с рабочих и крестьянских собраний те, кто понимает, что после мучительной трехлетней войны всякая неделя передышки есть величайшее благо. *(Аплодисменты.)* И я утверждаю, что как бы нас ни ругали здесь теперь, что если бы завтра собрали все те ругательные слова, которые сыпались по нашему адресу от правых, почти правых, околоправых, левых эсеров, кадетов, меньшевиков, если их все собрать и напечатать, если получится сотни пудов, все это будет для меня весить, как перышко по сравнению с тем, что у нас, в большевистской фракции, девять десятых ее представителей сказали: мы войну знаем и мы видим, что теперь, когда мы эту короткую передышку делали, это – плюс в оздоровлении нашей больной армии. И на каждом крестьянском собрании девять десятых крестьян скажут то, что знает всякий интересующийся делом, и ни одно предложение практическое, когда мы чем-нибудь сможем помочь, мы не отвергли и не отвергаем.

Мы получили возможность передохнуть, хотя бы даже на двенадцать дней, благодаря той политике, которая пошла против революционной фразы и «общественного» мнения. Когда Камков и левые эсеры заигрывают с вами и делают глазки, то, с одной стороны, они делают глазки вам, а, с другой стороны, обращаются к кадетам: зачтите нам, ведь мы же душою с вами. *(Голос с места: «Ложь».)* И когда один из представителей эсеров, кажется, даже не левых, а сверхлевых, максималист, говорил о фразе, он говорил, что фразой является все то, что относится к чести. *(Голос: «Правильно».)* Ну, конечно, из правого лагеря закричат «правильно»; этот возглас мне приятнее, чем возглас «ложь», хотя и последний никакого впечатления на меня не производит. Но если бы я обвинял их во фразах, не давши никакого ясного и точного подтверждения, но ведь я привел два примера и взял я их не из вымысла, а из живой истории.

Вспомните, разве представители эсеров не оказались в таком же положении, когда в 1907 году давали подписку Столыпину, что будут служить верой и правдой монарху Николаю II? Я надеюсь, что я за долгие годы революции кое-чему научился, и, когда меня поносят за предательство, я говорю: нужно разобраться предварительно в истории. Если мы хотели повернуть историю, – а оказывается, повернулись мы, а история не повернулась, – казните нас. Историю не убедишь речами, и история покажет, что мы были правы, что мы вынесли рабочие организации в Великую Октябрьскую революцию 1917 г., но только благодаря тому, что мы пошли выше фразы и сумели смотреть на факты, учиться у них, и когда теперь, 14–15 марта, выяснилось, что, если бы воевали, мы помогли бы империализму, мы добились бы транспорт и потеряли Петроград, – мы видим, что бросать слова и махать картонным мечом бесполезно. Но когда подходит ко мне Камков и спрашивает: «надолго ли эта передышка?», на это ответить нельзя, потому что не было международной объективной революционной ситуации. Не может быть долгой передышки реакции теперь, потому что объективная ситуация везде революционная, потому что везде рабочие массы негодуют, на краю терпения, на краю истощения от войны, это факт. Из этого факта вырваться нельзя, и поэтому я доказывал вам, что был период, когда революция шагала вперед, и мы шагали впереди и за нами петушком попевали левые эсеры. *(Аплодисменты.)* А теперь наступил период, когда приходится отступать перед подавляющей силой. Это – характеристика совершенно конкретная. Мне на нее никто не ответит. Исторический анализ это должен утвердить. Вот насчет волостного схода наш марксист, почти марксист, Мартов пройдет; он пройдет насчет того, что закрыли газеты; он похвалится, что угнетенные и обиженные газеты закрыли за то, что они помогают свергнуть Советскую власть, он пройдет *(аплодисменты)*... Об этом он не помолчит. Таких вещей он вам преподнесет, а попытка ответить на мой в упор поставленный исторический вопрос, правда это или нет, что мы с октября шли триумфальным шествием или нет... *(Голоса справа: «Нет».)* Вы скажете, что «нет», а эти все скажут, что «да». Я спрошу: а теперь можем ли мы идти в наступление победным шествием на международный империализм? Не можем, и все это знают. Когда это, – прямую, простую фразу, – говорят прямо в лицо, чтобы люди учились революции, – революция мудрая, трудная и сложная наука, – чтобы учились и рабочие и крестьяне, которые делают ее, враги кричат: трусы, предатели, бросили знамя, отделяются словами, машут руками. Нет. Таких революционеров фразы много видели все истории революций, и ничего, кроме смрада и дыма, от них не осталось. *(Аплодисменты.)*

Другой пример, товарищи, который я привел, это был пример Германии, Германии, подавленной Наполеоном, Германии, выдавшей позорные мир и вперемежку с ними войны. Меня спрашивают: долго ли мы будем договоры соблюдать? Но если бы дитя трех лет спрашивало меня о том: а будете ли вы соблюдать договор или нет? – то это было бы и мило и наивно. Но когда взрослый Камков из партии левых эсеров спрашивает это, знаю, немногие взрослые рабочие и крестьяне поверят в наивность, но большинство скажет: «Не лицемерьте». Ибо исторический пример, который я привел, говорит яснее ясного, что освободительные войны народов, потерявших армию, – а это бывало не раз, – народов, задавленных до полной потери всей земли, задавленных до того, что они вспомогательные корпуса отдавали завоевателю для новых завоевательных походов, – это из истории вычеркнуто быть не может, и вы не выскоблите этого ничем. Но если левый эсер Камков, возражая мне, говорил, как я видел из стенограммы: «вот в Испании были же революционные войны», так он меня подтверждал, ведь он себя этим бил. Как раз Испания и Германия подтверждают мой пример, что решить вопрос об историческом периоде завоевательных войн на основании того, что «будете ли вы соблюдать договор, и когда вы нарушите, когда вас поймают...» ведь это же детей достойно, а история говорит, что всякий договор вызывается приостановкой борьбы и изменением соотношения сил, что бывали мирные договоры, которые через несколько дней

лопались, что бывали мирные договоры, которые через месяц лопались, что бывали периоды во много лет, когда Германия и Испания заключали мир и через несколько месяцев его нарушали, и нарушали по нескольку раз, и в ряде войн народы учились, что значит вести войны. Когда Наполеон вел германские войска, чтобы душить другие народы, он их научил революционной войне. Вот как шла история.

Вот почему я говорю вам, товарищи, я глубоко убежден в том, что решение, вынесенное девятьюдесятыми нашей большевистской фракции^[55], будет вынесено девятьюдесятыми всех сознательных трудящихся рабочих и крестьян России. *(Аплодисменты.)*

У нас есть проверка того, правду ли я сказал, или я ошибаюсь, ибо вы приедете на места и каждый из вас расскажет местным Советам, и везде будут местные решения. Я скажу в заключение: не поддавайтесь на провокацию. *(Аплодисменты.)* Буржуазия знает, что она делает, буржуазия знает, почему она ликовала в Пскове, ликовала на днях в Одессе, буржуазия Винниченков, украинских Керенских, Церетели и Чернова. Она ликовала потому, что она прекрасно поняла, какую гигантскую ошибку дипломатии, в учете момента, сделала Советская власть, попытавшись вести войну при бегущей больной армии. Буржуазия вас тянет в западню на войну. Не только наступать, но и отступать приходится. Это всякий солдат знает. Поймите, что буржуазия и вас и нас тянет в западню. Поймите, что вся буржуазия и все ее вольные и невольные пособники подстраивают эту западню. Вы сумеете перенести самые тяжелые поражения и самые трудные позиции сохранять и, отступая, выигрывать время. Время работает за нас. Обожравшись, империалисты лопнут, а в их чреве растет новый гигант; он растет медленнее, чем мы хотим, но он растет, он придет к нам на помощь, и, когда мы увидим, что он начинает свой первый удар, тогда мы скажем: кончилась пора отступления, начинается эпоха мирового наступления и эпоха победы мировой социалистической революции. *(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)*

4. Резолюция о ратификации Брестского договора

Съезд утверждает (ратифицирует) мирный договор, заключенный нашими представителями в Брест-Литовске 3-го марта 1918 года.

Съезд признает правильным образ действий ЦИК и Совета Народных Комиссаров, постановивших заключить данный, невероятно тяжелый, насильственный и унижительный мир, ввиду неимения нами армии и крайнего истощения войною сил народа, получавшего от буржуазии и буржуазной интеллигенции не поддержку в его бедствиях, а корыстно-классовое использование их.

Съезд признает также безусловно правильным образ действий мирной делегации, которая отказалась войти в подробное обсуждение германских условий мира, ибо эти условия навязаны нам явным ультиматумом и неприкрытым насилием.

Съезд самым настойчивым образом выдвигает перед всеми рабочими, солдатами и крестьянами, перед всеми трудящимися и угнетенными массами самую главную, очередную и неотложную задачу текущего момента – повышение дисциплины и самодисциплины трудящихся, создание везде и повсюду крепких и стройных организаций, охватывающих, по возможности, все производство и все распределение продуктов, беспощадную борьбу с тем хаосом, дезорганизацией, разрухой, которые исторически неизбежны как наследие мучительнейшей войны, но которые в то же время являются первейшей помехой делу окончательной победы социализма и упрочения основ социалистического общества.

Теперь, после октябрьского переворота, после свержения политической власти буржуазии в России, после разрыва и опубликования нами всех тайных империалистических договоров, после аннулирования иностранных займов, после предложения рабочим и крестьянским правительством справедливого мира всем без изъятия народам, Россия, вырвавшись

из тисков империалистической войны, вправе заявить, что она не участвует в ограблении и подавлении чужих стран.

Российская Советская Федеративная Республика отныне, единодушно осуждая грабительские войны, признает свое право и свою обязанность защиты социалистического отечества против всех возможных нападений со стороны любой из империалистических держав.

Съезд признает поэтому безусловным долгом всех трудящихся масс напрячь все силы для воссоздания и повышения обороноспособности нашей страны, для воссоздания ее военной мощи на началах социалистической милиции и всеобщего обучения всех подростков и взрослых граждан обоего пола военным знаниям и военному делу.

Съезд выражает непреклонную уверенность, что Советскою властью, которая стойко выполняла все обязанности международной солидарности рабочих всех стран в их борьбе против ига капитала за социализм, будет делаться и впредь все, что в наших силах, для содействия международному социалистическому движению, для обеспечения и ускорения пути, ведущего человечество к избавлению от ига капитала и от наемного рабства, к созданию социалистического общества и прочного, справедливого мира между народами.

Съезд глубочайше убежден, что международная рабочая революция не за горами и что полная победа социалистического пролетариата обеспечена, несмотря на то, что империалисты всех стран не останавливаются перед самыми зверскими средствами подавления социалистического движения.

Написано 13 или 14 марта 1918 г.

Предисловие к сборнику «Против течения»

Большинство статей, собранных в настоящем издании, помещено было в заграничном «Социал-Демократе» (Центр. Орг. РСДРП Партии – большевиков)^[56], который выходил с конца 1914 года по начало 1917 года в Швейцарии. Только одна большая журнальная статья взята из журнала «Коммунист»^[57] (вышел только один выпуск в 1915 г., в Швейцарии).

Для правильного понимания связи между отдельными статьями надо иметь в виду хронологическую последовательность их помещения в газете.

Статьи делятся на две основные категории. Часть посвящена оценке войны и вытекающих из этой оценки задач политики. Другая часть рассматривает внутривнутрипартийные отношения, ту борьбу фракций, которая долго казалась близоруким людям «хаосом» или «личным конфликтом» и которая на деле привела теперь, как видит всякий, к размежеванию действительных социалистов от лакеев буржуазии, господ Либерданов^[58], Мартовых и К^о.

Понятно, что первая часть или первая категория статей имеет несравненно большее значение. Без знакомства с этими статьями не обойдется ни один сознательный рабочий, желающий *понять* развитие идей международной социалистической революции и ее первой победы 25 октября 1917 года.

Н. Ленин

Написано между 19 и 26 марта 1918 г.

Напечатано в 1918 г. в сборнике, изданном Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов

Печатается по тексту сборника

Интервью корреспонденту газеты «Daily news» А. Рансому^[59]

Одно из самых слабых мест в речи Бальфура есть заявление о том, что японцы идут на помощь русским^[60]. *Каким именно русским?*

В нынешней России есть одна сила, по своей природе предназначенная для борьбы не на жизнь, а на смерть против нападений со стороны международного империализма – это власть Советов. Первым же шагом тех русских, которым собираются «помогать» японцы, при возникновении слухов о приближении последних было требование упразднения Советской власти. В случае продвижения японцев внутрь Сибири те же «русские», которым японцы собираются «помогать», будут требовать упразднения Советов во всей Сибири. Чем же Советская власть может быть заменена?

Единственное, что может ее заменить, есть буржуазное правительство. Но буржуазия в России достаточно уже ясно показала, что может держаться у власти лишь при помощи извне. Если буржуазное правительство, опирающееся на помощь извне, удержится у власти в Сибири и Восточная Россия будет потеряна для Советской власти, то и в Западной России последняя будет до такой степени ослаблена, что вряд ли долго удержится, и ее наследником явится буржуазное правительство, которое и здесь также будет нуждаться в помощи извне. Держава, которая окажет эту помощь, будет, конечно, не Англия. Легко понять, какие перспективы сулит такая возможность.

Подтверждаю, что я это действительно сказал в беседе с Рансомом и разрешаю печатать это.

Москва 23. III. 1918 г.

Ленин

Впервые напечатано в 1933 г. на русском (иллюстрация) и английском языках в книге: R. H. Bruce Lockhart. «Memoirs of a british agent», London

Печатается по машинописному тексту с собственноручной припиской В. И. Ленина

Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти»^[61]

Глава IV

...¹⁸

Теперь эта задача, – которая, конечно, достаточно еще не завершена и никогда не может быть исчерпана до конца, – не стоит уже на первом месте среди задач Советской власти. Последние съезды Советов, и в особенности Московский Всероссийский съезд, показали, что подавляющее большинство трудящихся классов сознательно и прочно перешло на сторону Советской власти вообще и партии большевиков в частности. Само собой разумеется, что для сколько-нибудь демократического правительства задача убеждения народных масс никогда не может отодвинуться совершенно, – наоборот, она всегда будет стоять среди важных задач управления. Но на первое место такая задача выдвигается лишь для партий оппозиции или для партий, борющихся за осуществление идеалов будущего. После того как большевикам еще при царизме, с одной стороны, и при правительстве Керенского, с другой стороны, удалось привлечь на свою сторону большинство активных и сознательных элементов трудящихся масс, перед нашей партией выдвинулась задача завоевания власти и подавления сопротивления эксплуататоров. Вместо того, чтобы убеждать, на первое место стала задача завоевывать Россию. С конца октября 1917 года и приблизительно до февраля 1918 года эта боевая или военная задача стояла на первом плане, как естественно должна была встать такая задача на первый план для всякой политической партии, достигающей господства в обстановке острой и наиболее ожесточенной борьбы. Само собою понятно, что для партии пролетариата задача подавления сопротивления эксплуататоров ставится особенно остро, потому что против трудящихся масс, становящихся на сторону пролетариата, выступают здесь объединенные между собою представители имущих классов, вооруженные и силою капитала, и силою знания, и многолетней, чтобы не сказать вековой, привычкой и навыком к управлению. Благодаря особым условиям, которые исторически сложились в России под влиянием не забытых еще уроков революции 1905 года и под влиянием гораздо более тяжелых и острых уроков настоящей войны, – благодаря этим условиям большевикам удалось сравнительно чрезвычайно легко решить задачу завоевания власти как в столице, так и в главных промышленных центрах России. Но в провинции, в отдаленных от центра местах, и особенно в тех районах России, где сосредоточено было больше всего известного количества населения, сравнительно отсталого и прочнее всего держащегося за традиции монархии и средневековья, – например, в казачьих областях, – Советской власти пришлось выдержать сопротивление, принимавшее военные формы, и только теперь, по истечении более чем четырех месяцев со времени Октябрьской революции, приходящее к полному концу. В настоящее время задача преодоления и подавления сопротивления эксплуататоров в России окончена в своих главных чертах. Россия завоевана большевиками, главным образом потому, – как это признал недавно и виднейший деятель контрреволюционного казачества на Дону Богаевский, – что подавляющее большинство народа даже среди казачества сознательно, твердо и решительно перешло на сторону большевиков. Но особые условия, в которые поставлены имущие классы по своему экономическому положению, дают им естественную возможность организовать не только пассивное сопротивление (саботаж), но и

¹⁸ Начало стенограммы не разыскано. *Ред.*

повторить попытку военного сопротивления Советской власти. Поэтому задача подавления сопротивления эксплуататоров также не может считаться завершенной до конца. Но во всяком случае теперь она явным образом решена уже в главных чертах и отходит на второй план. Советская власть ни на минуту не позволит себе забыть об этой задаче и никоим образом не даст отвлечь себя от ее выполнения какими угодно политическими или якобы социалистическими кличками и декламацией. Об этом приходится оговориться, потому что и меньшевики и правые эсеры ведут себя у нас, как наиболее подвижные, иногда даже как наиболее наглые, деятели контрреволюции, ведя против Советской власти борьбу гораздо более резко, чем они позволяли себе вести ее против реакционных и помещичьих правительств, и полагаясь на защиту ярлыком или названием своей партии. Понятно, что Советская власть никогда не остановится в исполнении своей задачи подавления сопротивления эксплуататоров, какими бы партийными знаменами или какою бы популярною и благовидною кличкой такое сопротивление ни прикрывалось. Но задача подавления сопротивления в настоящее время в главных чертах уже закончена, и на очередь ставится теперь задача управления государством.

Вот этот переход от стоявшей на первом месте задачи убеждения масс населения и от задачи завоевания власти и военного подавления сопротивляющихся эксплуататоров к становящейся на первое место задаче управления государством, – этот переход составляет главное своеобразие переживаемого нами момента. Трудность Советской власти в значительной степени состоит в том, чтобы добиться ясного усвоения особенностей этого перехода как со стороны политических руководителей народа, так и со стороны всех сознательных элементов трудящихся масс вообще. Ибо понятно само собой, что переход к мирным задачам управления всем населением без различия классов, – понятно, что такой переход в обстановке незаконченной еще местами гражданской войны, в обстановке громадных военных опасностей, угрожающих Советской республике и с запада и с востока, наконец, в обстановке неслыханной разрухи, созданной войною, – понятно, что такой переход представляет из себя огромные трудности.

Глава V

Задача управления государством, которая выдвинулась теперь на первый план перед Советской властью, представляет еще ту особенность, что речь идет теперь – и, пожалуй, впервые в новейшей истории цивилизованных народов – о таком управлении, когда преимущественное значение приобретает не политика, а экономика. Обычно со словом «управление» связывают именно и прежде всего деятельность преимущественно, или даже чисто, политическую. Между тем самые основы, самая сущность Советской власти, как и самая сущность перехода от капиталистического общества к социалистическому, состоит в том, что политические задачи занимают подчиненное место по отношению к задачам экономическим. И теперь, в особенности после практического опыта более чем четырехмесячного существования Советской власти в России, для нас должно быть вполне ясно, что задача управления государством сводится теперь прежде всего и в первую голову к чисто экономической задаче излечения страны от нанесенных ей войною ран, восстановления производительных сил, налаживания учета и контроля за производством и распределением продуктов, повышения производительности труда, – одним словом, она сводится к задаче экономической реорганизации.

Можно сказать, что эта задача разделяется на две главные рубрики: 1) учет и контроль за производством и распределением продуктов в наиболее широких, повсеместных и универсальных формах этого учета и контроля и 2) повышение производительности труда. Эти задачи могут быть разрешены какой угодно коллективностью или каким угодно государством, переходящим к социализму, лишь при условии, что основные экономические,

социальные, культурные и политические предпосылки этого в достаточной степени созданы капитализмом. Без крупного машинного производства, без более или менее развитой сети железных дорог, почтово-телеграфных сношений, без более или менее развитой сети учреждений народного образования, – ни та, ни другая задача в систематическом виде и во все-народном объеме, безусловно, не могли бы быть решены. Россия находится в таком положении, когда целый ряд из первоначальных предпосылок подобного перехода имеется налицо. С другой стороны, целый ряд подобных предпосылок отсутствует в нашей стране, но может быть заимствован ею сравнительно легко из практического опыта соседних, гораздо более передовых, стран, давно уже поставленных историей и международным общением в тесную связь с Россией.

Глава VI

Коренная задача всякого общества, переходящего к социалистическому устройству, состоит в победе господствующего класса – или, вернее, вырастающего в господствующий класс – пролетариата над буржуазией сообразно тому, что было изложено выше. И эта задача ставится теперь перед нами в значительной степени по-новому, – совершенно не так, как ставилась она в течение многих и многих десятилетий всемирного опыта борьбы пролетариата с буржуазией. Под победой над буржуазией мы теперь, после завоеваний Октябрьской революции, после успехов в гражданской войне, можем и должны понимать уже нечто гораздо более высокое, хотя по форме более мирное: именно – победа над буржуазией должна быть осуществлена теперь, после того как эта победа политически достигнута и военным образом закреплена, – теперь эта победа должна быть достигнута в области организации народного хозяйства, в области организации производства, в области всенародного учета и контроля. Задачи учета и контроля производства буржуазия решала с тем большим успехом, чем крупнее становилось производство, чем гуще становилась сеть общегосударственных экономических учреждений, охватывающих десятки и сотни миллионов населения современного крупного государства. Эту задачу мы должны решить теперь по-новому, опираясь на господствующее положение пролетариата, на поддержку его большинством трудящихся и эксплуатируемых масс, используя те элементы организаторского таланта, технического знания, которые накоплены предыдущим обществом и которые на девять десятых, а может быть, и на девяносто девять сотых принадлежат классу, враждебно противостоящему социалистической революции.

Глава VII

Германский империализм, представляющий в настоящее время наибольший прогресс не только военной мощи и военной техники, но и крупных промышленных организаций в рамках капитализма, ознаменовал, между прочим, свою экономическую прогрессивность тем, что раньше других государств осуществил переход к трудовой повинности. Понятно, что в условиях капиталистического общества вообще и в особенности в условиях ведущих империалистическую войну монархических государств трудовая повинность является не чем иным, как военно-каторжной тюрьмой для рабочих, новым средством закабаления трудящихся и эксплуатируемых масс, новой системой мер подавления всякого протеста со стороны этих масс. Но тем не менее остается несомненным, что только благодаря экономическим предпосылкам, которые созданы крупным капитализмом, такая реформа могла быть поставлена на очередь и могла быть осуществлена. И нам теперь, в условиях, созданных невероятной послевоенной разрухой, приходится, несомненно, поставить на одно из первых мест подобную же реформу. Но понятно, что Советская власть, переходящая от капиталисти-

ческой организации общества к социалистической, должна начать осуществление трудовой повинности совсем не с того конца, с которого начал осуществлять ее германский империализм. Для капиталистов и империалистов Германии трудовая повинность означала забалование рабочих. Для рабочих и беднейших крестьян России трудовая повинность должна означать прежде всего и больше всего привлечение к несению своей общественной службы богатых и имущих классов. Трудовую повинность мы должны начать осуществлять с богатых.

Необходимость этого вытекает, вообще говоря, не только из того, что Советская Республика является социалистической республикой. Необходимость этого вытекает также из того, что именно богатые и имущие классы своим сопротивлением, как военным, так и пассивным (саботажем), затруднили всего более дело излечения России от нанесенных ей войною ран, – дело экономического оздоровления и подъема страны. И поэтому учет и контроль, которые должны быть поставлены теперь во главу угла всего государственного управления, должны быть прежде всего затребованы от представителей богатых и имущих классов. Именно представители этих классов воспользовались той данью, которую они собрали с трудящихся в особенно больших размерах в течение войны, именно они воспользовались этой данью, чтобы отстраниться от выполнения обязательных для каждого гражданина задач участия в излечении страны и в обновлении ее, именно они воспользовались награбленной ими данью для того, чтобы засесть и окопаться в неприступном бесте и оказывать всевозможное сопротивление победе социалистического принципа устройства общества над капиталистическим. Одним из главных средств такой борьбы против Советской власти и против социализма являлось для богатых и имущих классов обладание значительными запасами денежных знаков. Богатство имущих классов в капиталистическом обществе состояло прежде всего в том, что они обладали землею и другими средствами производства: фабриками, заводами и т. д. Советской власти не трудно было, благодаря поддержке рабочих и громадного большинства крестьян, отменить право помещиков и буржуазии на этот основной вид богатства страны. Не трудно было декретировать отмену частной собственности на землю. Не трудно было национализировать большую часть фабрик и заводов. Нет сомнения, что национализация и остальных крупных промышленных предприятий и средств транспорта представляет из себя задачу, которая легко будет осуществлена в самом близком будущем.

Но капиталистическое общество создало другую форму богатства, расквитаться с которой для Советской власти далеко не так легко. Этой формой богатства являются деньги, или даже вернее – денежные знаки. Во время войны выпуск денежных знаков достиг особенно больших размеров. Россия отделена была стеною военных операций от торгового оборота с целым рядом стран, до сих пор участвовавших больше всего в ввозе и вывозе из России. И скопление денежных знаков в руках богатых и имущих классов, которые почти поголовно участвовали, и прямо и косвенно, в спекуляции на высоких ценах по военным поставкам и подрядам, – скопление большого числа денежных знаков является одним из главных способов накопления богатств и накопления власти имущих классов над трудящимися. В настоящее время экономическое положение России, – как и всякой, вероятно, капиталистической страны, пережившей трехлетнюю войну, – экономическое положение России характеризуется тем, что в руках небольшого сравнительно меньшинства буржуазии и имущих классов сосредоточены и спрятаны ими гигантские запасы денежных знаков, которые сильно обесценены громадным выпуском бумажных денег, но которые тем не менее представляют из себя и по сей час свидетельство на право взимания дани с трудящегося населения.

При переходе от капиталистического общества к социалистическому обойтись без денежных знаков или заменить их в короткий промежуток времени новыми – представляется вещью совершенно невозможной. Перед Советской властью стоит теперь трудная задача,

которая тем не менее должна быть решена во что бы то ни стало, – задача борьбы с сопротивлением богатых, – сопротивлением, принимающим форму хранения и прятания свидетельств на взимание дани с трудящихся. Такими свидетельствами являются денежные знаки. Конечно, поскольку эти денежные знаки давали прежде право на приобретение, на покупку средств производства, например земли, фабрик, заводов и т. д., постольку значение этих денежных знаков падает и даже сводится совершенно к нулю. Ибо покупка земли стала уже невозможной в России после издания закона о социализации земли, а покупка фабрик и заводов, а равно и подобных им крупных средств производства и транспорта, стала почти невозможной благодаря быстро идущему процессу национализации и конфискации всех подобного рода крупных предприятий. Значит, приобретать денежные суммы на покупку средств производства становится для представителей буржуазии и имущих классов (в том числе для крестьянской буржуазии) вещью все более и более трудной и почти невозможной. Но отставив свои старые привилегии и стараясь замедлить и затруднить как можно больше дело социалистического преобразования страны, буржуазия хранит и прячет свои свидетельства на долю общественного богатства, свои свидетельства на взимание дани с трудящихся, хранит и прячет денежные знаки для того, чтобы обеспечить себе хотя бы некоторые шансы на сохранение своего положения и на возвращение старых привилегий в случае затруднений или кризисов военного и торгового характера, которые могут еще свалиться на Россию.

Что же касается предметов потребления, то возможность приобретения их на суммы денежных знаков, скопленные спекуляцией во время войны, осталась у буржуазии и у имущих классов почти полностью, потому что задача правильной нормировки, правильного распределения этих предметов потребления в такой стране, как Россия, при громадном количестве мелких крестьянских и мелких ремесленных или кустарных слоев населения, – эта задача представляет собою огромные трудности, а в условиях разрухи, созданной войною, эта задача до сих пор остается почти нерешенной. И, таким образом, учет и контроль за производством и распределением продуктов Советская власть вынуждена начать с организованной борьбы против богатых и имущих классов, утаивающих от всякого государственного контроля громадные суммы денежных знаков.

Можно считать, что в России выпущено в настоящее время около 30 миллиардов рублей денежных знаков. Из этой суммы, вероятно, не менее чем 20 миллиардов, а может быть, и значительно больше, представляют из себя запас, который совершенно не нужен для торгового оборота и который хранится, прячется, утаивается представителями буржуазии и имущих классов в своекорыстных – или своекорыстных классовых – целях.

Советская власть должна будет соединить введение трудовой повинности с регистрацией прежде всего представителей буржуазии и имущих классов, должна будет потребовать соответствующего истинного заявления (декларации) о количестве имеющихся денежных знаков, должна будет принять ряд мер к тому, чтобы это требование не осталось на бумаге, должна будет обдумать переходные мероприятия к сосредоточению всех запасов денежных знаков в Государственном банке или в его отделениях. Без такого рода мероприятий учет и контроль за производством и распределением продуктов не может быть доведен до конца.

Глава VIII

Но введение трудовой повинности не может ограничиться учетом и контролем за теми суммами денежных знаков, которые сосредоточены в руках имущих классов. Советской власти придется принципы трудовой повинности осуществлять также по отношению к непосредственной деятельности буржуазии и имущих классов в области управления предприятиями и обслуживания этих предприятий всякого рода подсобным трудом: бухгалтерским, конторским, счетным, техническим, административным и т. д. В этом отношении задача

Советской власти также передвигается теперь из области прямой борьбы против саботажа в область организованной постановки дела в новых условиях, ибо после тех побед, которые одержаны были в гражданской войне Советской властью, начиная с октября и кончая февралем, пассивные формы сопротивления, именно: саботаж со стороны буржуазии и буржуазной интеллигенции, – были, по существу, надломлены. Не случайность, что в настоящее время мы наблюдаем чрезвычайно широкий, можно сказать, массовый поворот настроения и политического поведения в лагере бывших саботажников, т. е. капиталистов и буржуазной интеллигенции. Мы имеем теперь перед собою во всех областях хозяйственной и политической жизни предложение услуг со стороны громадного числа буржуазной интеллигенции и деятелей капиталистического хозяйства, – предложение ими услуг Советской власти. И задача Советской власти состоит теперь в том, чтобы суметь воспользоваться этими услугами, которые для перехода к социализму безусловно необходимы, особенно в такой крестьянской стране, как Россия, и которые должны быть взяты при полном соблюдении верховенства, руководства и контроля Советской власти за ее новыми, – действовавшими сплошь и рядом против воли и с тайной надеждой опротестовать эту Советскую власть, – помощниками и пособниками.

Чтобы показать, насколько необходимо Советской власти воспользоваться именно для перехода к социализму услугами буржуазной интеллигенции, мы позволим себе употребить выражение, которое на первый взгляд покажется парадоксом: учиться социализму надо в значительной степени у руководителей трестов, учиться социализму надо у крупнейших организаторов капитализма. Что это не парадокс, в этом легко убедится всякий, кто подумает над тем, что именно крупные фабрики, именно крупная машинная индустрия, развившая до неслыханных размеров эксплуатацию трудящихся, – именно крупные фабрики являются центрами сосредоточения того класса, который один только был в состоянии уничтожить господство капитала и начать переход к социализму. Не удивительно поэтому, что для решения практических задач социализма, когда на очередь поставлена организационная сторона его, мы необходимо должны привлечь к содействию Советской власти большое число представителей буржуазной интеллигенции, в особенности из числа тех, кто был занят практической работой организации крупнейшего производства в капиталистических рамках, и значит в первую голову – организацией синдикатов, картелей и трестов. Для решения этой задачи Советской власти потребуется, конечно, напряжение энергии, инициатива широкой массы трудящихся во всех областях народного хозяйства, ибо старого положения так называемым вождям промышленности, – старого положения начальников и эксплуататоров, – этого старого положения Советская власть не даст им никогда. Прежние вожди промышленности, прежние начальники и эксплуататоры, должны занять место технических экспертов, руководителей, консультантов, советчиков. Должна быть решена трудная и новая, но чрезвычайно благодарная задача соединения всего опыта и знания, которые этими представителями эксплуататорских классов скоплены, с самостоятельностью, с энергией, работой широких слоев трудящихся масс. Ибо только это соединение в состоянии создать мост, ведущий от старого, капиталистического – к новому, социалистическому обществу.

Если бы социалистическая революция победила одновременно во всем мире или, по крайней мере, в целом ряде передовых стран, то задача привлечения к процессу новой организации производства лучших специалистов техников из руководителей старого капитализма была бы чрезвычайно облегчена. Отсталой России не приходилось бы тогда самостоятельно думать о решении этой задачи, ибо на помощь нам пришли бы передовые рабочие западноевропейских стран и сняли бы с нас большую часть трудностей в той наиболее трудной задаче перехода к социализму, которая называется организационной задачей. Теперь, при таком фактическом положении, когда наступление социалистической революции на Западе замедлилось и запоздало, а России приходится ускоренным образом принимать меры

к своей реорганизации, – просто хотя бы в интересах спасения населения от голода, а затем в интересах спасения всей страны от возможного военного нашествия, – теперь нам приходится заимствовать у передовых стран не помощь социалистической организации и поддержку рабочих, а помощь тамошней буржуазии и капиталистической интеллигенции.

И обстоятельства складываются таким образом, что мы можем получить эту помощь, организовав содействие буржуазной интеллигенции в деле новых организационных проблем Советской власти. Можно получить это содействие при помощи высокой оплаты труда наилучших специалистов в каждой отрасли знания, как принадлежащих к нашему государству, так и взятых из-за границы. Конечно, говоря с точки зрения уже развитого социалистического общества, представляется совершенно несправедливым и неправильным, чтобы представители буржуазной интеллигенции получали оплату труда неизмеримо более высокую, чем оплата труда лучших слоев рабочего класса. Но в условиях практической действительности...¹⁹ мы непременно должны решить неотложную задачу путем этой (несправедливой) оплаты труда буржуазных специалистов по гораздо более высоким нормам. Если бы, например, мы допустили, что Россия для организации производства на новых началах, для повышения производительности труда, для обучения нашего народа искусству работать в лучших условиях, – если бы мы допустили, что нам пришлось бы нанять для этого, скажем, две тысячи крупнейших специалистов различных областей знания, – специалистов из числа русских и еще более из числа заграничных, скажем, американских, – если бы нам пришлось заплатить им в год пятьдесят или сто миллионов рублей, то, с точки зрения интересов народного хозяйства, вообще с точки зрения перехода от устарелых приемов производства к новейшим, наиболее усовершенствованным, – такой расход представлялся бы вполне обоснованным. За обучение лучшим способам и приемам производства такую сумму дать надо, и дать стоит, и такую сумму нам придется дать потому, что другую возможность получить подобное руководство создала бы исключительно победа социалистической революции в других странах.

Конечно, использование труда и руководящих указаний представителей буржуазной интеллигенции в соединении с необходимым контролем, осуществляемым демократическими организациями трудящихся и Советами, создаст целый ряд новых проблем, но эти проблемы вполне разрешимы. И мы не можем остановиться ни перед какими трудностями для разрешения этих проблем, ибо иного выхода к высшей организации производства при данном положении дела у нас не имеется.

Я пойду далее. Крупнейший капитализм создал такие системы организации труда, которые при условии эксплуатации масс населения были злейшей формой порабощения и выжимания добавочного количества труда, силы, крови и нервов меньшинством имущих классов из трудящихся, но которые в то же самое время являются последним словом научной организации производства, которые должны быть переняты социалистической Советской республикой, которые должны быть переработаны ею в интересах осуществления нашего учета и контроля над производством, с одной стороны, а затем – повышения производительности труда, с другой стороны. Например, знаменитая система Тейлора, получившая большое распространение в Америке, – знаменита именно тем, что она представляет из себя последнее слово самой бесшабашной капиталистической эксплуатации. Понятно поэтому, что эта система встречала в рабочих массах такую массу ненависти и возмущения. Но в то же самое время нельзя ни на минуту забывать, что в системе Тейлора заключается громадный прогресс науки, систематически анализирующей процесс производства и открывающей пути к громадному повышению производительности человеческого труда. Начатые в Америке в связи с введением системы Тейлора научные исследования, в особенности изучение

¹⁹ Опущена часть фразы, записанная неясно. *Ред.*

движений, как говорят американцы, дали громадный материал, позволяющий обучить трудящееся население неизмеримо более высоким приемам труда вообще и организации труда в частности.

Отрицательным в системе Тейлора было то, что она осуществлялась в обстановке капиталистического рабства и служила средством выжимания из рабочих двойного и тройного количества труда при прежней оплате, совершенно не считаясь со способностью наемных рабочих дать без вреда для человеческого организма это двойное или тройное количество труда при прежнем числе рабочих часов. Социалистической Советской республике предстоит задача, которую можно кратко формулировать так, что мы должны ввести систему Тейлора и научное американское повышение производительности труда по всей России, соединив эту систему с сокращением рабочего времени, с использованием новых приемов производства и организации труда без всякого вреда для рабочей силы трудящегося населения. Наоборот, правильно руководимое самими трудящимися, если они будут достаточно сознательными, применение системы Тейлора послужит вернейшим средством к дальнейшему и громадному сокращению обязательного рабочего дня для всего трудящегося населения, послужит вернейшим средством к тому, чтобы мы в период времени довольно краткий осуществили задачу, которую можно примерно выразить так: шесть часов физической работы для каждого взрослого гражданина ежедневно и четыре часа работы по управлению государством.

Переход к такого рода системе потребует очень много новых навыков и новых организационных учреждений. Нет сомнения, что этот переход причинит нам немало трудностей и что постановка такой задачи вызовет даже недоумение, а может быть, и сопротивление некоторых слоев среди самих трудящихся. Но можно быть уверенным, что передовые элементы рабочего класса поймут необходимость такого перехода и что теми условиями страшного расстройств народного хозяйства, которые теперь только обнаружились для городов и деревень, когда с фронта вернулись миллионы людей, оторванных от хозяйства и впервые видящих всю степень расстройств хозяйства, причиненного войной, нет сомнения, — почва для подготовки общественного мнения трудящихся в данном направлении создана, и что переход, который мы приблизительно и примерно наметили выше, будет поставлен как практическая задача всеми сознательно идущими элементами трудящихся классов, ныне ставших на сторону Советской власти.

Глава IX

Экономический переход указанного характера требует и от представителей Советской власти соответственного изменения в функциях руководителей. Совершенно естественно, что при той обстановке, когда на первое место выдвигалась задача убедить большинство народа или завоевать власть и подавить сопротивление эксплуататоров, — совершенно естественно, что и среди руководителей выдвигались на первое место преимущественно агитаторы по отношению к массам, с которыми Советская власть связана теснее, чем какие бы то ни было демократические формы власти в прежнем. Совершенно естественно, что для убеждения большинства населения или для увлечения его на тяжелую и трудную военную борьбу с эксплуататорами требовались в особенности способности агитаторские. Наоборот, те задачи, которые были вкратце очерчены выше и которые состоят в учете и контроле за производством и распределением продуктов, на первое место выдвигают уже практических руководителей и организаторов. Соответственно этому должна быть произведена известная переоценка руководителей, известное перемещение их, поскольку невозможно приспособление с их стороны к новым условиям и к новой задаче. Естественно, что руководящему штабу предыдущей эпохи, приноровленному преимущественно к задачам агитатор-

ским, очень труден такой переход. Естественно, что целый ряд ошибок был неизбежен в силу этого. И теперь надо добиться во что бы то ни стало, чтобы как руководители, так и массы советских избирателей, т. е. трудящиеся и эксплуатируемые массы собственно поняли необходимость указываемой здесь перемены.

Среди трудящихся и эксплуатируемых масс гораздо больше талантов и способностей организаторских, чем талантов и способностей агитаторских, потому что вся обстановка трудовой жизни этих классов требовала от них гораздо больше умения наладить совместную работу, учет и контроль за производством и распределением продуктов. Наоборот, прежние условия жизни в гораздо меньших размерах выдвигали из самих масс деятелей с талантом агитатора или пропагандиста. Может быть поэтому мы так часто наблюдаем теперь, что агитаторам и пропагандистам по профессии или по призванию приходится брать на себя задачи организатора, приходится убеждаться на каждом шагу в малой приспособленности своей к разрешению этих задач, приходится испытывать и разочарование и недовольство со стороны рабочих и крестьян. Нередко можно встретить со стороны враждебных социалистическому переустройству общества классов страны, – со стороны представителей буржуазных партий или тех, которые у нас называют себя социалистическими, а на деле обыкновенно ретиво служат буржуазии, как меньшевики и правые эсеры, – нередко можно встретить с их стороны злорадство по поводу этих ошибок и неудач Советской власти. На самом деле насколько исторически неизбежны были эти ошибки, настолько же ясно, что недочеты в этой области являются лишь болезнью роста нового социалистического общества. Переучиться так, чтобы поставить на приличествующее ему первое место практика-агитатора, – переучиться так можно, и несомненно, что переучиться так сумеют без большого труда представители Советской власти во всех концах России. Но на это требуется время, и только практический опыт совершенных ошибок в состоянии породить ясное сознание необходимости перемены, – в состоянии выдвинуть целый ряд или даже целый слой лиц, пригодных к решению новых задач. Организационных талантов среди рабочих и крестьян наверное больше, чем воображает и представляет себе буржуазия, но дело в том, что эти таланты не имеют никакой возможности выдвинуться, упрочиться, завоевать себе положение при обстановке капиталистического хозяйства.

И наоборот, если мы ясно поймем теперь необходимость широкого привлечения новых организаторских талантов к делу управления государством, если мы, – исходя именно из принципов Советской власти, – двинем систематически вперед практикой испытанных деятелей в этой области, то мы сумеем в короткое время достигнуть того, что на основе принципов, развитых Советской властью, бросаемых в массы и массами проводимых затем под контролем представляющих массу членов советских учреждений, новый слой практических организаторов производства выдвинется, завоеует себе положение, займет подобающее ему руководящее место.

Глава X

От трудовой повинности в применении к богатым Советская власть должна будет перейти, а вернее, одновременно должна будет поставить на очередь задачу применения соответственных принципов к большинству трудящихся, рабочих и крестьян. Здесь задача введения трудовой повинности представляет нам другую сторону. К этой задаче надо иначе подойти и на первый план выдвинуть не то, что должно быть осуществлено по отношению к богатым классам. Для нас не представляется безусловной необходимости в том, чтобы регистрировать всех представителей трудового народа, чтобы уследить за их запасами денежных знаков или за их потреблением, потому что все условия жизни обрекают громадное большинство этих разрядов населения на необходимость трудиться и на невозможность скопить

какие бы то ни было запасы, кроме самых скудных. Поэтому задача установления трудовой повинности в этой области превращается в задачу установления трудовой дисциплины и самодисциплины.

В старом капиталистическом обществе дисциплину над трудящимися осуществлял капитал постоянной угрозой голода. И так как эта угроза голодом соединялась с непомерно тяжелым трудом и с сознанием трудящихся, что они работают не на себя, а на чужое благо, то обстановка труда превращалась в постоянную борьбу громадного большинства трудящихся против руководителей производства. На этой почве было неизбежно создание такой психологии, что общественное мнение трудящихся не только не преследовало плохую работу или отлынивание от работы, а, напротив, видело в этом неизбежный и законный протест или способ сопротивления непомерным требованиям эксплуататора. Если теперь буржуазная пресса и ее подголоски так много кричат об анархии среди рабочих, о распушенности их или о непомерных требованиях с их стороны, – то злостный характер этой критики слишком очевиден, чтобы на нем стоило долго останавливаться. Понятно, что в стране, в которой большинство населения так неслыханно наголодалось и измучилось, как население России за последние три года, – понятно, что целый ряд случаев полного упадка настроения и полного упадка всякой организованности был совершенно неизбежен. Требовать в этом отношении быстрого перехода или надеяться на то, что перемены в этом отношении можно достигнуть несколькими декретами, было бы столь же нелепо, как если бы призывами пытались придать бодрость духа и трудоспособность человеку, которого избили до полусмерти. Только Советская власть, самими трудящимися создаваемая и считающаяся с нарастанием оздоровления среди трудящихся масс, в состоянии будет провести в этом отношении коренные изменения.

Среди представителей Советской власти и среди сторонников ее – например, среди передовых руководителей профессиональных союзов – вполне созрела уже необходимость выработки систематических мер к повышению самодисциплины трудящихся. Нет сомнения, что в обстановке капиталистического общества вообще, а еще более в обстановке той бешеной и разнузданной спекуляции, которая создана была войной, в рабочий класс проникла такая деморализация, с которой не миновать серьезно бороться. Тем более, что благодаря войне и состав передовых отрядов рабочего класса изменился далеко не в лучшую сторону. Поэтому создание дисциплины среди трудящихся, организация контроля за мерой труда, за интенсивностью труда, введение специальных промышленных судов для установления меры труда, для привлечения к ответственности всякого злостного нарушителя этой меры, для систематического воздействия на большинство в целях повышения этой меры, – все это ставится теперь на очередь как злободневнейшая задача Советской власти.

Надо по возможности только иметь при этом в виду, что в буржуазном обществе одно из главных орудий общественного воспитания, именно – пресса, совершенно не исполняла своей задачи в рассматриваемой области. И до сих пор наша советская пресса в значительной степени находится еще под впечатлением старых привычек и старых традиций буржуазного общества. Это сказывается между прочим на том, что и наша пресса продолжает уделять, как и старая буржуазная пресса, непомерно много места и внимания тем мелочам политики, тем личным вопросам политического руководства, которыми капиталисты всех стран старались отвлекать внимание народных масс от действительно серьезных, глубоких и коренных вопросов их жизни. И в этом отношении нам предстоит еще почти заново решить задачу, для решения которой есть налицо все материальные предпосылки, нет только сознания необходимости этой задачи и готовности решить ее. Это, именно, задача – превратить прессу из органа преимущественно сообщения политических новостей дня в серьезный орган экономического воспитания масс населения. Нужно будет добиться, и мы добьемся того, что пресса, обслуживающая советские массы, будет уделять меньше места вопросам о личном составе политического руководства, или о девятистепенных политических мероприя-

тиях, составляющих обыденную деятельность, рутинную работу всех политических учреждений. На первое же место пресса должна будет ставить вопросы труда в их непосредственно практической постановке. Пресса должна стать органом трудовой коммуны в том смысле, чтобы предавать гласности как раз то, что старались скрыть от массы руководители капиталистических предприятий. Для капиталиста внутренняя организация его предприятия представляла собою нечто, коммерческой тайной защищенное от глаз посторонней публики, – нечто такое, где, кажется, хотели быть всевластными и единовластными, защищенными не только от критики, не только от постороннего вмешательства, но и от постороннего глаза. Наоборот, для Советской власти именно организация труда в отдельных крупнейших предприятиях и в отдельных деревенских общинах является самым главным, коренным и злободневным вопросом всей общественной жизни. Нашим первым и главным средством для повышения самодисциплины трудящихся и для перехода от старых, никуда не годных, приемов работы или приемов отлынивания от работы в капиталистическом обществе, – главным средством должна являться пресса, вскрывающая недочеты хозяйственной жизни каждой трудовой коммуны, беспощадно клеймящая эти недочеты, открыто вскрывающая все язвы нашей хозяйственной жизни и, таким образом, апеллирующая к общественному мнению трудящихся для излечения этих язв. Пусть у нас будет вдесятеро меньше газетного материала (может быть, было бы хорошо, если его будет в 100 раз меньше), газетного материала, посвященного так называемой злобе дня, – но пусть у нас будет распространенная в сотнях тысяч и миллионах экземпляров печать, знакомящая все население с образцовой постановкой дела в немногих опережающих другие трудовых коммунах государства. Каждая фабрика, каждая артель и земледельческое предприятие, каждое селение, переходящее к новому земледелию с применением закона о социализации земли, является теперь в смысле демократических основ Советской власти самостоятельной коммуной с внутренней организацией труда. В каждой из этих коммун повышение самодисциплины трудящихся, умение их сработаться с руководителями-специалистами, хотя бы из буржуазной интеллигенции, достижение ими практических результатов в смысле повышения производительности труда, экономии человеческого труда, сбережения продуктов от того неслыханного расхищения, от которого мы страдаем непомерно в настоящее время, – вот что должно составить содержание большей части материала нашей советской печати. Вот на каком пути мы можем и должны достигнуть того, чтобы сила примера стала в первую голову моральным, а затем – и принудительно вводимым образцом устройства труда в новой Советской России.

При капиталистическом обществе были неоднократно примеры устройства трудовых коммун со стороны людей, которые надеялись мирно и безболезненно убедить человечество в преимуществе социализма и обеспечить его введение. Со стороны революционных марксистов такая точка зрения и такие приемы деятельности вызывают вполне законные насмешки, потому что в обстановке капиталистического рабства достигнуть каких-нибудь коренных изменений путем изолированных примеров было бы, действительно, совершенно пустым мечтанием, на практике приводившим либо к безжизненным предприятиям, либо к превращению этих предприятий в союзы мелких капитал истиков.

Эта привычка относиться с насмешкой и с пренебрежением к значению примера в массовом народном хозяйстве сказывается иногда и теперь у людей, которые не продумали коренного изменения, наступившего со времени завоевания политической власти пролетариатом. Теперь, когда земля перестала быть частной собственностью, когда фабрики и заводы почти перестали быть частной собственностью и, несомненно, перестанут быть таковою в самом ближайшем будущем – (ввести соответственные декреты – это не представит для Советской власти при теперешнем ее положении решительно никакого труда), – теперь значение примера трудовой коммуны, решающего лучше, чем какие бы то ни было другие способы, организационные задачи, приобрело гигантское значение. Нам надо именно

теперь позаботиться о том, чтобы масса необыкновенно ценного материала, который имеется налицо в виде опыта новой организации производства в отдельных городах, в отдельных предприятиях, в отдельных деревенских общинах, – чтобы этот опыт стал достоянием масс.

Мы до сих пор находимся еще под значительным давлением старого общественного мнения буржуазии. Если посмотреть на наши газеты, то легко убедиться в том, какое непомерно большое место уделяем мы еще вопросам, поставленным буржуазией, – вопросам, которыми она хочет отвлечь внимание трудящихся от конкретных практических задач социалистического переустройства. Мы должны превратить, – и мы превратим, – прессу из органа сенсаций, из простого аппарата для сообщения политических новостей, из органа борьбы против буржуазной лжи – в орудие экономического перевоспитания массы, в орудие ознакомления массы с тем, как надо налаживать труд по-новому. Предприятия или деревенские общины, которые не поддаются никаким призывам и требованиям относительно восстановления самодисциплины и повышения производительности труда, будут выдвигаться на черную доску социалистическими партиями и будут либо переводиться в разряд больных предприятий, относительно которых приходится принимать меры к их оздоровлению путем особых приспособлений – особых шагов и узаконений, – либо будут переводиться в разряд штрафованных предприятий, которые подлежат закрытию и участники которых должны быть преданы народному суду. Введение гласности в этой области, само по себе, будет уже громадной реформой и послужит к привлечению широких народных масс к самостоятельному участию в решении этих вопросов, всего более затрагивающих массы. До сих пор так мало удалось сделать в этом отношении именно потому, что то, что держалось в отдельных предприятиях, в отдельных общинах скрытым от общественности, остается по-старому тайной, что было понятно при капитализме и что совершенно нелепо, бессмысленно в обществе, желающем осуществить социализм. Сила примера, которая не могла проявить себя в обществе капиталистическом, получит громадное значение в обществе, отменившем частную собственность на земли и на фабрики, – не только потому, что здесь будут, может быть, следовать хорошему примеру, но и потому, что лучший пример организации производства будет сопровождаться неизбежным облегчением труда и увеличением суммы потребления для тех, кто эту лучшую организацию провел. И здесь в связи с вопросом о значении прессы, как органа экономической реорганизации и перевоспитания масс, мы должны также коснуться вопроса о значении прессы в деле организации соревнования.

Организация соревнования должна занять видное место среди задач Советской власти в экономической области. Буржуазные экономисты не раз выступали в своей критике социализма с заявлением о том, будто социалисты отрицают значение соревнования или не дают места ему в их системе, или, как они выражались, в их плане общественного устройства. Нечего и говорить, насколько нелепо это обвинение, не раз уже опровергавшееся в социалистической печати. Буржуазные экономисты смешивали, как и всегда, вопрос об особенностях капиталистического общества с вопросом об иной форме организации соревнования. Нападки социалистов никогда не направлялись на соревнование как таковое, а только на конкуренцию. Конкуренция же является особенной формой соревнования, свойственного капиталистическому обществу и состоящего в борьбе отдельных производителей за кусок хлеба и за влияние, за место на рынке. Уничтожение конкуренции, как борьбы, связанной только с рынком производителей, нисколько не означает уничтожения соревнования, – напротив, именно уничтожение товарного производства и капитализма откроет дорогу возможности организовать соревнование в его не зверских, а в человеческих формах. Именно в настоящее время в России при тех основах политической власти, которые созданы Советской республикой, при тех экономических свойствах, которые характеризуют Россию с ее необъятными пространствами и гигантским разнообразием условий, – именно теперь у нас организация

соревнования на социалистических началах должна представить собою одну из наиболее важных и наиболее благодарных задач реорганизации общества.

Мы стоим за демократический централизм. И надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм, с одной стороны, от централизма бюрократического, с другой стороны – от анархизма. Противники централизма постоянно выдвигают автономию и федерацию, как средства борьбы со случайностями централизма. На самом деле демократический централизм нисколько не исключает автономию, а напротив – предполагает ее необходимость. На самом деле даже федерация, если она проведена в разумных, с экономической точки зрения, пределах, если она основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную необходимость в известной государственной обособленности, – даже федерация нисколько не противоречит демократическому централизму. Сплошь и рядом федерация при действительно демократическом строе, а тем более при советской организации государственного устройства, является лишь переходным шагом к действительно демократическому централизму. На примере Российской Советской республики особенно наглядно показывается нам как раз, что теперь федерация, которую мы вводим и которую мы будем вводить, послужит именно вернейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей России в единое демократическое централизованное Советское государство.

И вот, подобно тому, как демократический централизм отнюдь не исключает автономии и федерации, так он нисколько не исключает, а напротив, предполагает полнейшую свободу различных местностей и даже различных общин государства в выработке разнообразных форм и государственной, и общественной, и экономической жизни. Нет ничего ошибочней, как смешение демократического централизма с бюрократизмом и с шаблонизацией. Наша задача теперь – провести именно демократический централизм в области хозяйства, обеспечить абсолютную стройность и единение в функционировании таких экономических предприятий, как железные дороги, почта, телеграф и прочие средства транспорта и т. п., а в то же самое время централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели. Поэтому задача организовать соревнование состоит из двух сторон: с одной стороны, она требует проведения демократического централизма так, как он обрисован выше, с другой стороны, – она означает возможность нахождения наиболее правильного, наиболее экономного пути к реорганизации экономического строя России. Говоря вообще, этот путь известен. Он состоит в переходе к крупному, на машинной индустрии построенному хозяйству, в переходе к социализму. Но конкретные условия и формы этого перехода неизбежно являются и должны быть разнообразными в зависимости от тех условий, при которых начинается движение, направленное к созданию социализма. И местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществлять тот или иной план – все это должно отразиться на своеобразии пути к социализму в той или иной трудовой коммуне государства. Чем больше будет такого разнообразия, – конечно, если оно не перейдет в оригинальничание, тем вернее и тем быстрее будет обеспечено как достижение нами демократического централизма, так и осуществление социалистического хозяйства. Нам остается теперь только организовать соревнование, т. е. обеспечить гласность, которая давала бы возможность всем общинам государства ознакомлять относительно того, как именно пошло экономическое развитие в различных местностях, – обеспечить, во-вторых, сравнимость результатов движения к социализму в одной и в другой коммуне государства, – обеспечить, в-третьих, возможность практического повторения опыта, проделанного в одной общине, другими общинами, – обеспечить возможность обмена теми материальными силами, – и

человеческими силами, – которые проявили себя с наилучшей стороны в соответственной области народного хозяйства или государственного управления. Придавленные капиталистическим строем, мы не можем в точности даже представить себе в настоящее время, какие богатые силы таятся в массе трудящихся, в разнообразии трудовых коммун большого государства, в интеллигентских силах, которые до сих пор работали, как мертвые безгласные исполнители предначертаний капиталистов, какие силы таятся и могут развернуться при социалистическом устройстве общества. Наше дело состоит только в том, чтобы расчистить дорогу всем этим силам. И если мы поставим организацию соревнования, как нашу государственную задачу, – то, при условии проведения советских принципов государственного порядка, при условии уничтожения частной собственности на землю, на фабрики, на заводы и пр., – результаты должны будут показать себя неизбежно и подскажут нам дальнейшие формы строительства.

Глава XI

Резолюция Чрезвычайного съезда Советов, упомянутая мною вначале, говорит, между прочим, о необходимости создания стройной и крепкой организации²⁰. В настоящее время организованность как советских учреждений, так и экономических единиц, действующих в пределах России, чрезвычайно невысока. Можно сказать, что преобладает состояние громадной дезорганизации.

Но было бы неправильно оценивать это состояние, как состояние развала, краха и упадка. Если буржуазная пресса делает такую оценку, то – понятно, что интересы класса капиталистов заставляют людей смотреть таким образом или, вернее, заставляют их делать вид, что они смотрят так. На самом же деле всякий человек, способный сколько-нибудь исторически взглянуть на вещи, не усомнится ни на минуту в том, что теперешнее состояние дезорганизации есть состояние перехода, – перехода от старого к новому, – есть состояние роста этого нового. Переход от старого к новому, если он проходит так круто, как проходит он в России с февраля 1917 года, предполагает, конечно, гигантское разрушение обветшавшего и омертвевшего в общественной жизни. И понятно, что поиски нового не могут дать сразу тех определенных, установившихся, почти застывших и окоченевших форм, которые раньше складывались веками и веками держались. Теперешние советские учреждения и те экономические организации, которые характеризуются понятием рабочего контроля в промышленности, – эти организации находятся еще в периоде брожения и полной неустановленности. В этих организациях преобладает, естественно, сторона, так сказать, дискуссионная или сторона митинговая над стороной деловой. Иначе быть не может, потому что без привлечения к общественному строительству новых слоев народа, без пробуждения активности широких масс, доселе спавших, ни о каком революционном преобразовании не может быть и речи. Бесконечные дискуссии и бесконечные митингования, – о чем так много и так озлобленно говорит буржуазная печать, – являются необходимым переходом совершенно еще неподготовленных к общественному строительству масс, – переходом от исторической спячки к новому историческому творчеству. Нет решительно ничего страшного в том, что этот переход местами затягивается, или в том, что обучение масс новой работе идет не с той быстротой, о которой может мечтать человек, привыкший работать в одиночку и не понимающий, что значит поднять сотни, тысячи и миллионы к самостоятельной политической жизни. Но, понимая это, мы должны также понять и наступающий в этом отношении перелом. Пока советские учреждения не распространились по всей России, пока социализация земли и национализация фабрик оставалась исключением из общего правила, – до тех пор

²⁰ См. настоящий том, стр. 122–123. *Ред.*

естественно, что и общественное заведование народным хозяйством не могло еще выйти (если взять дело в общенациональном масштабе) из стадии предварительной дискуссионной подготовки, из стадии обсуждения, из стадии истолковывания. Теперь как раз наступает перелом, советские учреждения распространились по всей России. С Великороссии они перекинулись на громадное большинство других национальностей России. Социализация земли в деревне и рабочий контроль в городах перестали быть исключениями, стали, наоборот, правилами.

С другой стороны, крайне критическое и даже отчаянное положение страны в смысле обеспечения хотя бы простой возможности существования для большинства населения, в смысле обеспечения его от голода, – эти хозяйственные условия настоятельно требуют достижения определенных практических результатов. Деревня могла бы прокормиться своим хлебом, – это несомненно, – но она сможет прокормиться им только в том случае, если действительно с абсолютной строгостью произойдет учет всего имеющегося хлеба и если с величайшей экономией и бережливостью сумеют распределить его между всем населением. А для правильного распределения нужна правильная постановка транспорта. А транспорт как раз всего более разрушен войною. И для восстановления транспорта в стране, отличающейся такими громадными расстояниями, как Россия, – всего более нужна стройная, крепкая организация, а, может быть, действительно миллионы людей, работающих с правильностью часового механизма. Теперь наступил как раз тот переломный пункт, когда мы должны, нисколько не останавливая подготовки масс к участию их в государственном и экономическом управлении всеми делами общества, нисколько не мешая подробнейшему обсуждению ими новых задач (напротив, всячески помогая им производить это обсуждение, чтобы самостоятельно додуматься до правильных решений), в то же самое время мы должны начать строго отделять две категории демократических функций: с одной стороны – дискуссии, митингования, с другой стороны – установление строжайшей ответственности за исполнительские функции и безусловно трудовое, дисциплинированное, добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы. К этому нельзя было перейти сразу, требовать этого было бы педантизмом или даже злостной провокацией несколько месяцев тому назад. Этого преобразования, вообще говоря, нельзя провести никаким декретом, никаким предписанием. Но настало время, когда центральным пунктом всей нашей революционной преобразовательной деятельности является осуществление именно этого преобразования. Теперь оно подготовлено, теперь условия для него назрели и теперь дальше откладывать и дальше ждать нельзя. Недавно при обсуждении вопроса о реорганизации и о правильной постановке железнодорожного транспорта возник вопрос о том, насколько единоличная распорядительная власть (власть, которую можно было бы назвать властью диктаторской) совместима с демократическими организациями вообще, с коллегиальным началом в управлении – в особенности, и – с советским социалистическим принципом организации – в частности. Несомненно, что очень распространенным является мнение, будто о таком совмещении не может быть и речи, – мнение, будто единоличная диктаторская власть несовместима ни с демократизмом, ни с советским типом государства, ни с коллегиальностью управления. Нет ничего ошибочнее этого мнения.

Демократический принцип организации – в той высшей форме, в которой с проведением Советами предложений и требований активного участия масс не только в обсуждении общих правил, постановлений и законов, не только в контроле за их выполнением, но и непосредственно в их выполнении, – это значит, что каждый представитель массы, каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь. Но из этого вовсе не следует, чтобы допустим был малей-

ший хаос или малейший беспорядок насчет того, кто ответствен в каждом отдельном случае за определенные исполнительные функции, за проведение в жизнь определенных распоряжений, за руководство определенным процессом общего труда в известный промежуток времени. Масса должна иметь право выбирать себе ответственных руководителей. Масса должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности. Масса должна иметь право выдвигать всех без изъятия рабочих членов массы на распорядительные функции. Но это нисколько не означает, чтобы процесс коллективного труда мог оставаться без определенного руководства, без точного установления ответственности руководителя, без строжайшего порядка, создаваемого единством воли руководителя. Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма. Социализм порожден крупной машинной индустрией. И если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может быть и речи. Вот почему в переживаемый нами момент, когда Советская власть и диктатура пролетариата достаточно укрепились, когда главные линии сопротивляющегося неприятеля, т. е. сопротивляющихся эксплуататоров, достаточно разрушены и обезврежены, когда подготовка масс населения функционированием советских учреждений к самостоятельному участию во всей общественной жизни достаточно произведена, – в настоящий момент на очередь выдвигаются задачи строжайше отделить дискуссии и митингования от беспрекословного исполнения всех предписаний руководителя. Это значит – отделить необходимую, полезную и вполне признаваемую любым Советом подготовку масс к проведению известной меры и к контролю за проведением этой меры, – отделить от самого этого проведения. Массы могут теперь, – это им обеспечивают Советы, – взять в свои руки всю власть и – укреплять эту власть. Но для того, чтобы не получилось того многовластия и той безответственности, от которых мы невероятно страдаем в настоящее время, – для этого нужно, чтобы для каждой исполнительной функции мы знали в точности, какие именно лица, быв выбраны на должность ответственных руководителей, несут ответственность за функционирование всего хозяйственного организма в целом. Для этого нужно, чтобы как можно чаще, при малейшей к тому возможности, определялись выборные ответственные лица для единоличного распоряжения всем хозяйственным организмом в целом. Необходимо добровольное исполнение распоряжений этого единоличного руководителя, необходим переход от той смешанной формы дискуссий, митингования, исполнения и – в то же самое время – критики, проверки и исправления – к строго правильному ходу машинного предприятия. К этой задаче в громадном большинстве трудовые коммуны России, рабочие и крестьянские массы уже подходят и уже подошли. Задача Советской власти – взять на себя роль истолкователя наступающего теперь перелома и – узаконителя его необходимости.

Глава XII

Лозунг практицизма и деловитости пользовался небольшой популярностью среди революционеров. Можно сказать даже, что не было среди них менее популярного лозунга. Вполне понятно, что, пока задача революционеров состояла в разрушении старого капиталистического общества, они должны были относиться к такому лозунгу с отрицанием и с насмешкой. Ибо на практике под этим лозунгом пряталось тогда в той или иной форме стремление примириться с капитализмом, или ослабить натиск пролетариата на основы капитализма, ослабить революционную борьбу против капитализма. Совершенно понятно, каким образом дело должно было измениться в корне после завоевания власти пролетариа-

том, после обеспечения этой власти, после приступа к работе по созданию в широком масштабе основ нового, т. е. социалистического общества. Мы и теперь, как было отмечено выше, не вправе ни на волос ослабить ни своей работы по убеждению массы населения в правильности наших идей, ни своей работы по разрушению сопротивления эксплуататоров. Но главное в исполнении этих двух функций нами уже сделано. Главным и очередным является теперь лозунг именно практичности и именно деловитости. Отсюда вытекает, что привлечение к работе буржуазной интеллигенции является теперь очередной, назревшей и необходимой задачей дня. Было бы до смешного нелепо, если бы в таком привлечении усматривали бы какое-то шатание власти, какое-то отступление от принципов социализма, или какой-то недопустимый компромисс с буржуазией. Высказывать такое мнение, значило бы повторять без всякого смысла слова, относящиеся к совершенно иному периоду деятельности революционных пролетарских партий. Напротив, именно во исполнение наших революционных задач, именно во имя того, чтобы эти задачи не остались утопией, или невинным пожеланием, а превратились бы действительно в реальность, – были бы осуществлены немедленно, – именно, во имя такой цели, мы должны теперь поставить, как свою первую, очередную и главнейшую задачу, именно практичность и деловитость организационной работы. Дело идет сейчас именно о том, чтобы со всех сторон приняться за практическое возведение того здания, план которого мы уже давно начертили, почву под которое мы достаточно энергично отвоевывали и достаточно прочно отвоевали, материал для которого мы в достаточном количестве собрали и которое надо теперь, – окружив его подсобными лесами, одевшись в рабочую одежду, не боясь испачкать ее во всяких вспомогательных материалах, строго исполняя предписания руководящих практической работой лиц, – надо это здание строить, строить и строить.

До какой степени остаются иногда непонятными указанные выше перемены в постановке наших задач, – это видно между прочим из недавней дискуссии о роли профессиональных союзов^[62]. Был высказан взгляд (который поддерживался меньшевиками, разумеется с явно провокаторскими целями, т. е. с целью провоцировать нас на шаги, выгодные лишь для буржуазии), был выражен взгляд, что профессиональные союзы в интересах сохранения и укрепления классовой самостоятельности пролетариата не должны становиться государственными организациями. Этот взгляд прикрывался благовидными и достаточно привычными и достаточно заученными словами о борьбе труда против капитала, о необходимости классовой самостоятельности пролетариата. На самом же деле этот взгляд был и остается либо буржуазной провокацией самого грубого пошиба, либо – крайним недомыслием, рабочим повторением лозунгов вчерашнего дня, что показывает анализ изменившихся условий сегодняшней полосы истории. Вчера главной задачей профессиональных союзов была борьба против капитала и отстаивание классовой самостоятельности пролетариата. Вчера лозунгом дня было недоверие к государству, ибо это было государство буржуазное. Сегодня государство становится и стало пролетарским. Рабочий класс становится и стал господствующим классом в государстве. Профессиональные союзы становятся и должны стать государственными организациями, на которые в первую очередь ложится ответственность за реорганизацию всей хозяйственной жизни на началах социализма. Поэтому применять к теперешней эпохе лозунги старого профессионализма – значило бы отречься от социалистических задач рабочего класса.

То же самое приходится сказать и о кооперативах. Кооператив есть лавочка, и какие угодно изменения, усовершенствования, реформы не изменят того, что это лавочка. К такому взгляду приучила социалистов капиталистическая эпоха. И нет сомнения, что эти взгляды были правильным выражением сущности кооперативов, пока они оставались небольшим привеском к механизму буржуазного строя. Но в том-то и дело, что положение кооперативов в корне принципиально меняется со времени завоевания государственной власти про-

летариатом, с момента приступа пролетарской государственной власти к систематическому созданию социалистических порядков. Тут количество переходит в качество. Кооператив, как маленький островок в капиталистическом обществе, есть лавочка. Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм. Задача Советской власти после того, как буржуазия экспроприрована политически и экономически, состоит явным (главным) образом в том, чтобы распространить кооперативные организации на все общество, чтобы превратить всех граждан данной страны поголовно в членов одного общенационального или, вернее, общегосударственного кооператива. Если от этой задачи мы будем отмахиваться ссылкой на классовый характер рабочих кооперативов, то мы окажемся реакционерами, тянущими назад от эпохи, наступившей после завоевания политической власти пролетариатом, к эпохе, имевшей место до такого завоевания. Рабочий класс при существовании капитализма проявлял две тенденции в своей политической и экономической деятельности. С одной стороны, это была тенденция удобно и сносно устроиться при капитализме, что было осуществимо лишь для небольшой верхней прослойки пролетариата. С другой стороны, это была тенденция стать во главе всех трудящихся и эксплуатируемых масс для революционного ниспровержения господства капитала вообще. Понятно, что, когда эта вторая тенденция победила, когда капитал низвергнут и когда надо начать строить всенародный социалистический кооператив, – понятно, что наш взгляд на задачи и условия кооперативного движения меняется коренным образом. Мы должны вступить в соглашение с кооперативами буржуазными, как и с кооперативами пролетарскими. Мы не можем бояться. Было бы смешно с нашей стороны бояться соглашения с буржуазными кооперативами, ибо мы теперь господствующая власть. Нам нужно такое соглашение, чтобы найти практически осуществимые, удобные, подходящие для нас формы перехода от частичных раздробленных кооперативов к единому всенародному кооперативу. Как государственная власть, мы не можем бояться соглашения с буржуазными кооперативами, ибо такое соглашение будет неизбежно подчинением их нам. В то же самое время мы должны понять, что мы представляем из себя новую государственную пролетарскую власть, что рабочий класс стал господствующим теперь в государстве классом. Поэтому рабочие кооперативы должны стать во главе движения, переводящего отдельные кооперативы в единый всенародный кооператив. Рабочий класс должен не замыкаться от остальных частей населения, а наоборот – руководить всеми частями населения без изъятия в деле перевода их к поголовному объединению в единый всенародный кооператив. Какие практические, непосредственно осуществимые, переходные меры нужны для этого, – это вопрос другой. Но надо ясно сознать и непререкаемо решить, что все дело теперь именно в этом практическом переходе, что пролетарская государственная власть должна за него взяться, всякие реформы его на опыте проверить и во что бы то ни стало этот переход осуществить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Седьмой Экстренный съезд РКП(б) – первый съезд Коммунистической партии после победы Великой Октябрьской социалистической революции – состоялся 6–8 марта 1918 года в Петрограде в Таврическом дворце. Он был созван для окончательного решения вопроса о заключении мирного договора с Германией, по которому внутри партии шла напряженная борьба.

2.

Речь идет о капитулянтской позиции Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, А. И. Рыкова и некоторых других членов Центрального Комитета партии и Советского правительства, выступавших после Октябрьской социалистической революции в поддержку эсеро-меньшевистского требования создать «однородное социалистическое правительство» (см. В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 44–46, 47–49).

3.

Этот довод против подписания условий мира, продиктованных Германией, выдвигался «левыми коммунистами» на совещании членов ЦК с партийными работниками 8 (21) января 1918 года. В. В. Оболенский (Н. Осинский) утверждал, что «германский солдат не пойдет на наступление», а Е. А. Преображенский пытался доказать, что германская армия «технически не может наступать: зима, дорог нет...». Ошибочность и вредность подобных утверждений раскрыта В. И. Лениным в статье «О революционной фразе» (см. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 343–353).

4.

Вскоре после опубликования ленинского Декрета о мире, принятого II Всероссийским съездом Советов, Советское правительство обратилось с нотой к странам Антанты, в которой предлагало немедленно заключить перемирие на всех фронтах и начать мирные переговоры. Отказ империалистов Антанты поддержать инициативу Советского правительства и активное противодействие с их стороны заключению мира вынудили Совет Народных Комиссаров начать сепаратные переговоры о мире с Германией. После предварительных переговоров и заключения перемирия, в Брест-Литовске 9 (22) декабря 1917 года открылась мирная конференция, в которой приняли участие делегации Советской России и держав Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция). На конференции советская делегация огласила декларацию, исходившую из положений Декрета о мире. В ней содержались предложения о заключении справедливого и демократического мира, без аннексий и контрибуций. Делегация германского блока после ряда маневров заявила о неприемлемости советских предложений и 5 (18) января 1918 года предъявила Советской России тяжелые, грабительские условия мира, согласно которым под контроль Германии должны были перейти Польша, Литва и частично территория Латвии, Эстонии, Украины и Белоруссии.

5.

Речь идет об опубликовании Советским правительством документов тайной дипломатии и тайных договоров, заключенных царским, а затем Временным буржуазным правительством России и правительствами Англии, Франции, Италии, Японии, Австро-Венгрии и других империалистических государств. Начиная с 10 (23) ноября 1917 года документы тайной дипломатии и договоры публиковались в газетах, а затем были изданы в виде «Сборников

секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел». С декабря 1917 по февраль 1918 года вышло семь сборников.

6.

Речь идет об обязательной присяге-подписке на верность царю, дававшейся депутатами III Государственной думы. Так как отказ от присяги вел к потере думской трибуны, необходимой для мобилизации пролетариата на революционную борьбу, социал-демократические депутаты подписывали присягу вместе со всеми депутатами Думы.

7.

Термин «международная полевая революция» употребил В. В. Оболенский (Н. Осинский) в «Тезисах по вопросу о войне и мире», написанных им к заседанию ЦК партии 21 января (3 февраля) 1918 года и опубликованных 14 марта в газете «левых коммунистов» «Коммунист» № 8. Разъясняя этот термин, Оболенский писал: «Революционная война, как полевая гражданская война, не может иметь характера правильных военных действий общенациональных армий, производящих стратегические операции... Военные действия носят характер партизанской борьбы (аналогичной борьбе баррикадной), мешаются с классовой агитацией».

8.

Тильзитский мирный договор, заключенный в июле 1807 года между Францией и Пруссией, возлагал на Пруссию тяжелые и унижительные обязательства. Пруссия потеряла большую территорию, на нее была наложена контрибуция в размере 100 млн. франков; она обязывалась сократить свою армию до 40 тысяч человек, выставить по требованию Наполеона вспомогательные военные силы и прекратить торговлю с Англией.

9.

«Коммунист» – ежедневная газета, фракционный орган группы «левых коммунистов»; выходила в Петрограде с 5 по 19 марта 1918 года как орган Петербургского комитета и Петербургского окружного комитета РСДРП. Всего вышло 11 номеров. Издание газеты было прекращено по постановлению Петроградской общегородской партийной конференции 20 марта 1918 года. Конференция признала, что политика Петроградского комитета, выраженная на страницах газеты «Коммунист», была глубоко ошибочной и что она ни в какой мере не отражает позиции петроградской организации Коммунистической партии. Органом петроградской партийной организации вместо «Коммуниста» конференция объявила «Петроградскую Правду».

10.

В. И. Ленин имеет в виду, по-видимому, дни от начала наступления германских войск – 18 февраля – до прибытия советской делегации в Брест-Литовск 28 февраля 1918 года. Наступление немецких оккупантов продолжалось по 3 марта – день подписания мирного договора.

11.

Революция в Финляндии началась 27 января 1918 года по призыву руководства Социал-демократической партии Финляндии. Буржуазное правительство Свинхувуда было свергнуто, власть перешла в руки рабочих. 29 января было создано революционное правительство Финляндии – Совет народных уполномоченных, в которое вошли Э. Гюлинг, О. Куусинен, Ю. Сирола, А. Тайми и другие. Важнейшими мероприятиями рабочего

правительства были: принятие закона о безвозмездной передаче безземельным крестьянам обрабатываемой ими земли в полную собственность, освобождение беднейших слоев населения от всех налогов, экспроприация предприятий, принадлежавших сбежавшим владельцам, установление государственного контроля над частными банками (их функции были переданы государственному банку) и другие.

12.

Речь идет о резолюции, принятой Московским областным бюро РСДРП 24 февраля 1918 года. Критику этого антипартийного документа см. в статье В. И. Ленина «Странное и чудовищное» (Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 399–407).

13.

В. И. Ленин имеет в виду беседу с французским офицером графом де Люберсак, состоявшуюся 27 февраля 1918 года.

14.

Имеется в виду обращение Народного комиссариата по военным делам, которое призывало всех рабочих и крестьян Советской республики к добровольному военному обучению. Необходимость перехода к добровольному изучению военного дела вызывалась тем, что русская армия по условиям мирного договора с Германией подлежала полной демобилизации. Обращение было опубликовано 5 марта 1918 года в газете «Известия ВЦИК» № 40.

15.

Каносса – замок в Северной Италии. В 1077 году германский император Генрих IV, потерпев поражение в борьбе против римского папы Григория VII, три дня простоял в одежде кающегося грешника перед воротами этого замка, чтобы снять с себя отлучение от церкви и вернуть власть императора. Отсюда и возникло выражение «идти в Каноссу» – идти с повинной, идти на унижение перед противником.

16.

По договору о перемирии, заключенному 2 (15) декабря 1917 года в Брест-Литовске между Советским правительством и державами Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция), одна из сторон могла возобновить военные действия с предупреждением за 7 дней. Германское военное командование нарушило это условие, начав наступление по всему фронту 18 февраля – через два дня после объявления о прекращении перемирия.

17.

Согласно статье VI Брестского мирного договора, подписанного 3 марта 1918 года, Россия обязывалась заключить мир с контрреволюционной украинской Центральной радой. Переговоры о мире между Советским правительством и Радой в то время не состоялись. 29 апреля 1918 года германские оккупанты с помощью кадетско-октябристской буржуазии совершили на Украине переворот, Рада была сброшена и заменена диктаторским режимом гетмана Скоропадского. Переговоры между Советской Россией и правительством Скоропадского начались 23 мая; перемирие было подписано 14 июня 1918 года.

18.

Левые эсеры – партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов); организационно оформилась на своем I Всероссийском съезде, состоявшемся 19–28 ноября

(2–11 декабря) 1917 года. До этого левые эсеры существовали как левое крыло партии эсеров, которое начало складываться в годы мировой империалистической войны; во главе его стояли М. А. Спиридонова, Б. Д. Камков и М. А. Натансон (Бобров). На II Всероссийском съезде Советов левые эсеры составляли большинство фракции эсеров, расколовшейся по вопросу об участии в съезде: правые эсеры, выполняя указание ЦК партии эсеров, покинули съезд, а левые эсеры остались на съезде и по важнейшим вопросам повестки дня голосовали вместе с большевиками, ответив, однако, отказом на предложение большевиков войти в Советское правительство.

19.

12 марта – предполагавшийся срок созыва IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов для решения вопроса о ратификации мирного договора. Съезд состоялся 14–16 марта 1918 года.

20.

Делонародовцы – правые эсеры, группировавшиеся вокруг газеты «Дело Народа», органа партии эсеров. Газета издавалась в Петрограде с марта 1917 до июля 1918 года, неоднократно меняя названия. Газета занимала позицию оборончества и соглашательства, поддерживала буржуазное Временное правительство. Издание газеты возобновилось в октябре 1918 года в Самаре (вышло четыре номера) и в марте 1919 года в Москве (вышло десять номеров). Газета была закрыта за контрреволюционную деятельность.

21.

Резолюция о войне и мире была принята 8 марта на утреннем заседании съезда партии. По предложению В. И. Ленина, утвержденному съездом, резолюция не подлежала публикации (см. настоящий том, стр. 40). Впервые она была напечатана 1 января 1919 года в ежедневной рабочей газете «Коммунар», которая издавалась ЦК РКП(б) в Москве с 9 октября 1918 по 1 июня 1919 года.

22.

При обсуждении резолюции В. И. Ленина о войне и мире Л. Д. Троцкий, поддержанный «левыми коммунистами», выступил с поправками, запрещавшими Советскому правительству подписать мир с украинской Центральной радой и финляндским буржуазным правительством. После выступления Ленина против попытки Троцкого и «левых коммунистов» лишить ЦК свободы маневрирования съезд большинством голосов отклонил эти поправки.

23.

С заявлением от имени группы «левых коммунистов» выступил К. Радек; в своем выступлении он пытался продолжить полемику по вопросу о войне и мире.

24.

Г. Е. Зиновьев предлагал поручить новому составу ЦК найти форму опубликования резолюции о войне и мире. Поправка Зиновьева не была принята; большинством голосов съезд утвердил дополнение В. И. Ленина.

25.

Вопрос о пересмотре партийной программы был поставлен В. П. Лениным после Февральской буржуазно-демократической революции. В «Наброске к пятому «Письму из

далека»» Ленин определил основные направления изменения программы, указав, что «за эту работу надо взяться тотчас» (Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 58–59). Намеченные в этом наброске положения Ленин развил в Апрельских тезисах, в докладе о пересмотре партийной программы на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) и других документах (см. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 116, 410–413). К Апрельской конференции Ленин написал «Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы», содержащий ряд поправок к программе РСДРП 1903 года (см. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 139–144). Этот проект в гранках был роздан делегатам конференции. Апрельская конференция поручила Центральному Комитету в двухмесячный срок составить к VI съезду партии проект партийной программы.

26.

В. И. Ленин излагает положения из письма Ф. Энгельса А. Бебелю от 18–28 марта 1875 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 296).

27.

Речь идет о сборниках «Материалы по пересмотру партийной программы». Под редакцией и с предисловием Н. Ленина. Петроград, изд. «Прибой», 1917 (см. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 135–162) и «Материалы по пересмотру партийной программы. Сборник статей: В. Милютин, В. Сокольников, А. Ломов и В. Смирнов», изд. Областного бюро Московского промышленного района РСДРП, 1917.

28.

«Просвещение» – ежемесячный большевистский теоретический журнал, созданный по инициативе В. И. Ленина; издавался легально в Петербурге с декабря 1911 года. Тираж журнала доходил до 5 тысяч экземпляров. Ленин из-за границы руководил «Просвещением», редактировал статьи, вел регулярную переписку с членами редакционной коллегии. В журнале был опубликован ряд его работ, среди них – «Три источника и три составных части марксизма», «Критические заметки по национальному вопросу», «О праве наций на самоопределение» и другие. Накануне первой мировой войны, в июне 1914 года, журнал был закрыт царским правительством. Осенью 1917 года издание его возобновилось, но вышел только один (двойной) номер, № 1–2 (сентябрь – октябрь), в котором была напечатана статья Ленина «К пересмотру партийной программы».

29.

«Спартак» – теоретический журнал Московского областного бюро, Московского комитета и (с № 2) Московского окружного комитета РСДРП; выходил в Москве с 20 мая (2 июня) по 29 октября (11 ноября) 1917 года.

30.

В. И. Ленин излагает написанное Ф. Энгельсом 15 декабря 1887 года «Введение к брошюре Боркхейма «На память ура-патриотам 1806–1807 годов»» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 361). Более полно Ленин цитирует эти положения Ф. Энгельса в статье «Пророческие слова» (см. настоящий том, стр. 472–478).

31.

Хемницкий съезд германской социал-демократии, состоявшийся 15–21 сентября 1912 года, принял резолюцию «Об империализме», в которой характеризовал политику империалистических государств как «беззастенчивую политику грабежей и захватов»

и призывал рабочий класс «с усиленной энергией бороться против империализма до тех пор, пока он не будет низвергнут».

32.

В. И. Ленин имеет в виду революционное правительство Финляндии – Совет народных уполномоченных, – созданное 29 января 1918 года после свержения буржуазного правительства Свинхувуда. Наряду с Советом народных уполномоченных был образован Главный совет рабочих организаций, являвшийся верховным органом власти. Основу государственной власти в стране составляли «сеймы рабочих организаций», избиравшиеся организованными рабочими.

33.

Декретом о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 года, объявившим конфискацию помещичьей земли и отменившим частную собственность на землю, в Советской России была осуществлена национализация земли. После победы Октябрьской социалистической революции Советская власть постепенно проводила национализацию промышленности и основных средств производства. К весне 1918 года в собственность государства перешли наиболее крупные заводы металлургической и машиностроительной промышленности Петрограда, Москвы и других районов; горная промышленность Урала и Донбасса. С мая 1918 года началась национализация целых отраслей крупной промышленности – сахарной, нефтяной и других. Вместе с тем Советское правительство подготавливало национализацию всей крупной промышленности, которая была провозглашена декретом от 28 июня 1918 года.

34.

Декрет о национализации банков, в основу которого лег проект Ленина, был утвержден ВЦИК 14 (27) декабря 1917 года и опубликован 15 (28) декабря в «Известиях ЦИК» № 252 (см. «Декреты Советской власти», т. 1, 1957, стр. 225–230).

35.

Декретом о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 года и «Основным законом о социализации земли» от 18 (31) января 1918 года предусматривалось проведение уравнительного распределения земли («по трудовой или потребительной норме»), требование которого было выдвинуто крестьянством. Советское правительство сделало этим уступку среднему крестьянству, направленную на укрепление союза рабочего класса и крестьянства. Вместе с тем закон о социализации земли выдвинул задачу «развития коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству» и устанавливал преимущественное право пользования землей для сельскохозяйственных коммун, артелей и товариществ.

36.

В начале 1918 года Бюро международной революционной пропаганды при Народном комиссариате иностранных дел предприняло издание Декрета о земле на иностранных языках. В феврале 1918 года декрет был издан в Петрограде на английском языке в книге «Decrees issued by the revolutionary peoples government», vol. I, Petrograd, febraary 1918 («Декреты, изданные революционным народным правительством», том I, Петроград, февраль 1918).

37.

«Предыдущий оратор» – делегат съезда от Петроградской партийной, организации Я. Г. Фенигштейн (Долецкий); исходя из того, что проект программы не обсуждался в партийных организациях, он предложил образовать на съезде комиссию для рассмотрения проекта В. И. Ленина и выработки программы к следующему съезду.

38.

Речь идет, по-видимому, о разговоре с лидером шведской левой социал-демократической партии Ц. Хёглундом, приезжавшим в Советскую Россию в феврале 1918 года.

39.

Ю. Ларин выступил на съезде с предложением вставить в название партии слово «рабочая». Поправка была отвергнута съездом.

40.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 434.

41.

«Предыдущий оратор» – Р. А. Пельше – выступил на съезде с предложением исключить из программы партии положение об использовании парламентской борьбы. Поправка была отвергнута съездом.

42.

Предложение Н. И. Бухарина, отвергнутое съездом, состояло в том, чтобы дополнить теоретическую часть программы развернутой характеристикой социализма и коммунизма и указанием на отмирание государства в ближайшее время. Положение об отмирании государства связано с теоретически ошибочной полуанархистской концепцией Бухарина по вопросу о государстве, на которую В. И. Ленин указывал еще в 1916 году. Критикуя ошибочный тезис Бухарина о том, что социал-демократия должна подчеркивать принципиальную свою враждебность по отношению к государству вообще, Ленин писал, что Бухарин «решительно неверно» определяет отличие марксистов от анархистов в вопросе о государстве (см. Сочинения, 4 изд., том 35, стр. 182–183). Критику бухаринской теории государства Ленин дал также в своих замечаниях на статьи Бухарина о государстве и на его книгу «Экономика переходного периода» (см. В. И. Ленин. «Замечания на статьи Н. И. Бухарина о государстве». М., 1933 и Ленинский сборник XI, стр. 345–403). Постановка вопроса об отмирании государства, как ближайшей цели, вскоре после победы Октябрьской революции, вела на деле к ослаблению государства пролетарской диктатуры.

43.

При выборах Центрального Комитета партии «левые коммунисты» отказались войти в него. От имени группы «левых коммунистов» М. С. Урицкий заявил на съезде, что они не войдут в Центральный Комитет, не желая брать на себя ответственности за проводившуюся им политику. «Левые коммунисты» отказались даже голосовать при выборах ЦК. Съезд большинством голосов осудил этот раскольнический шаг и постановил сообщить о нем тем партийным организациям, которые делегировали «левых коммунистов» (встретив отпор съезда, группа приняла участие в голосовании, в связи с чем съезд отменил принятое решение).

44.

Статья «Главная задача наших дней» вместе с работой В. И. Ленина «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» (см. настоящий том, стр. 283–314) были изданы в март 1918 года отдельной брошюрой под названием «Главная задача наших дней», к которой Ленин написал небольшое предисловие (см. настоящий том, стр. 347).

45.

IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, созванный для решения вопроса о ратификации Брестского мирного договора, состоялся в Москве 14–16 марта 1918 года. 13 марта вопрос о мире обсуждался коммунистической фракцией съезда; с речью на заседании фракции выступил В. И. Ленин (в настоящем томе на стр. 539 публикуется план этой речи; секретарскую запись речи см. в Ленинском сборнике XI, стр. 68–70). Фракция 453 голосами против 36 одобрила заключение Брестского мирного договора. К этому времени не все делегаты еще съехались и состав фракции был неполным.

46.

Проект резолюции был написан в ответ на обращение президента Соединенных Штатов Америки В. Вильсона, которым он попытался, выражая лицемерное сочувствие русскому народу в связи с оккупацией немцами Прибалтики, Белоруссии и Украины, повлиять на решение съезда и помешать Советской России ратифицировать мир с Германией.

47.

Имеются в виду партии меньшевиков и эсеров, представители которых входили тогда в Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Однако меньшевики и эсеры вскоре встали на путь прямой контрреволюции, и ВЦИК принял 14 июня 1918 года постановление об исключении из состава ВЦИК и местных Советов представителей контрреволюционных партий эсеров (правых и центра) и меньшевиков, которое было опубликовано 18 июня в газете «Известия ВЦИК» № 123 (см. «Декреты Советской власти», т. 2, 1959, стр. 430–431).

48.

Видимо, В. И. Ленин связывает начало переломного момента в развитии революции с датой разрыва Германией мирных переговоров в Брест-Литовске 10 февраля, чему способствовал отказ Л. Д. Троцкого подписать мир на предложенных германскими империалистами условиях. Эту же дату Ленин упоминает в написанном им плане доклада на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов о ратификации Брестского договора (см. настоящий том, стр. 540). В другом документе, в плане речи на заседании коммунистической фракции съезда Советов, Ленин определяет переломный момент в ходе революции 17 февраля (см. настоящий том, стр. 539). Наступление немцев по всему фронту началось 18 февраля 1918 года.

49.

В. И. Ленин имеет в виду выступление на заседании Петроградского Совета 21 сентября (4 октября) 1917 года офицера Дубасова, приехавшего с фронта. Характеризуя настроения солдат, Дубасов заявил в своей речи, что они хотят одного – конца войны и воевать больше не будут.

50.

Имеется в виду «Договор между Российской и Финляндской социалистическими республиками», первый в истории договор между социалистическими странами. В середине февраля 1918 года революционное правительство Финляндской республики предложило

Советскому правительству заключить договор о дружбе. Для выработки проекта договора была создана российско-финляндская согласительная комиссия. Представленный ею проект договора обсуждался на нескольких заседаниях Совета Народных Комиссаров. Ряд поправок к нему внес В. И. Ленин. Договор был подписан 1 марта специальной комиссией во главе с Лениным. Утвержденный Совнаркомом, он был опубликован 10 марта 1918 года в газете «Известия ВЦИК» № 45 (см. «Декреты Советской власти», т. 1, 1957, стр. 503–510). Основанный на признании государственного суверенитета Финляндии, договор свидетельствовал о последовательном проведении Советским правительством принципа права наций на самоопределение.

51.

В. И. Ленин имеет в виду содоклад Б. Д. Камкова по вопросу о ратификации Брестского договора.

52.

В речи на съезде меньшевик Л. Мартов, сославшись на то, что содержание договора якобы неизвестно делегатам съезда, сравнивал их с крестьянами на волостном сходе, которых земские начальники заставляли подписывать бумажки неизвестного содержания.

53.

В. И. Ленин имеет в виду воззвание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира», опубликованное в центральных газетах 15 (28) марта 1917 года. Оценку этого половинчатого меньшевистско-эсеровского воззвания см. в речи Ленина о войне 9 (22) июня 1917 года на I Всероссийском съезде Советов (Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 277–291).

54.

Первым воззванием было написанное В. И. Лениным от имени Центрального Комитета большевистской партии, Петербургского комитета и редакции газеты «Правда» «Воззвание к солдатам всех воюющих стран» (см. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 293–296).

55.

При голосовании резолюции о ратификации Брестского мирного договора на коммунистической фракции IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов 13 марта 1918 года за утверждение договора было подано 453 голоса, против – 36.

56.

«Социал-Демократ» – нелегальная газета, Центральный Орган РСДРП; издавалась с февраля 1908 по январь 1917 года. № 1 газеты вышел в России, затем издание было перенесено за границу; №№ 2–32 (февраль 1909 – декабрь 1913) вышли в Париже, №№ 33–58 (ноябрь 1914 – январь 1917) – в Женеве. Всего вышло 58 номеров, из них 5 имели приложения. С декабря 1911 года «Социал-Демократ» редактировался В. И. Лениным. В газете было опубликовано более 80 статей и заметок Ленина.

57.

«Коммунист» – журнал, организованный В. И. Лениным; издавался редакцией газеты «Социал-Демократ» совместно с Г. Л. Пятаковым и Е. В. Бош, финансировавшими его издание (в редакцию журнала входил также Н. И. Бухарин). Вышел всего один (двойной) номер (сентябрь 1915), в котором были опубликованы три статьи Ленина: «Крах II

Интернационала», «Честный голос французского социалиста» и «Империализм и социализм в Италии» (см. Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 209–265; том 27, стр. 5–13 и 14–23). Ленин рассчитывал сделать «Коммунист» международным органом левых социал-демократов. Но вскоре выявились серьезные разногласия редакции «Социал-Демократа» с Бухариным, Пятаковым и Бош, которые обострились после выхода в свет журнала. Ввиду антипартийного поведения этой группы редакция газеты «Социал-Демократ» по предложению Ленина заявила, что дальнейшее продолжение журнала считает невозможным (см. «Проект постановления ЦК РСДРП о прекращении издания журнала «Коммунист»» – Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 279–281).

58.

Либерданы – ироническая кличка, укрепившаяся за меньшевистскими лидерами – М. И. Либером и Ф. И. Даном и их сторонниками после того, как в московской большевистской газете «Социал-Демократ» (№ 141 от 25 августа (7 сентября) 1917 года) появился фельетон Д. Бедного под названием «Либердан».

59.

Фотокопия машинописного текста интервью с собственноручной припиской В. И. Ленина (а также английский перевод его) была опубликована в 1932 году в книге: R. H. Bruce Lockhart. «Memoirs of a british agent» (Р. Х. Брюс Локкарт. «Мемуары английского агента»). На копии машинописного текста интервью имеется следующая надпись Ленина: «23/III дано Рансому» (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

60.

В. И. Ленин имеет в виду речь министра иностранных дел Великобритании А. Бальфура в палате общин 14 марта 1918 года, в которой он, прикрывая истинные цели японской интервенции, лицемерно утверждал, что Япония, оккупировав с согласия союзников Сибирь и овладев сибирской железной дорогой, помешает Германии вторгнуться в пределы северной Азии.

61.

«Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти»» был продиктован В. И. Лениным стенографу 23–28 марта 1918 года. Работа над статьей была, по-видимому, связана с подготовкой к обсуждению в Центральном Комитете РКП(б) плана развертывания социалистического строительства. Уже 31 марта на заседании ЦК партии, проходившем при участии Ленина, «было констатировано, что период завоевания власти кончился, идет основное строительство», что поэтому «необходимо привлекать к работе знающих, опытных, деловых людей». Поскольку на заседании выявились различные оттенки мнений, для выработки единой точки зрения было решено созвать пленум ЦК. 4 апреля 1918 года на совещании руководящих членов ЦК с группой «левых коммунистов» Ленин в противовес предложенным последними «Тезисам о текущем моменте» выдвинул свою программу и лозунги нового строительства, вызвавшие ожесточенные нападки «левых коммунистов» в печати. 7 апреля Ленин во вступительном слове на пленуме ЦК вновь подчеркнул, что революция переживает «новый период»; Центральный Комитет поручил Ленину «выработать тезисы, касающиеся данного момента, и представить в ЦК». В связи с этим решением Ленин написал «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент» (такое название в рукописи имела работа Ленина «Очередные задачи Советской власти»; см. настоящий том, стр. 165–208).

62.

Речь идет о дискуссии по вопросу о роли профсоюзов на I Всероссийском съезде профессиональных союзов, состоявшемся в Петрограде 7–14 (20–27) января 1918 года. Обсуждение поставленных на съезде вопросов (отчет ВЦСПС, доклады о текущем моменте и задачах профсоюзов, о регулировании промышленности и рабочем контроле) проходило в острой борьбе большевиков с меньшевиками и правыми эсерами, отстаивавшими «независимость» профессионального движения от политических партий и государства.